

Содержание

Глава 1

Я неожиданно проснулась. Лежа на узкой больничной кровати, мое тело безошибочно распознало переход сознания от сна к бодрствованию. Мой ум сопротивлялся дольше. Он был растерян некоторое время, пытаюсь понять, было ли то, что разбудило меня, криком женщины, все еще звучащем в ушах, или чем-то другим.

Это был телефонный звонок. Крик женщины был последним остатком моего сна, и быстро исчез, избегая моих попыток поймать его. Когда я ответила на звонок, то сон полностью пропал, оставив только давящее беспокойство, как единственную память о себе.

Я посмотрела на часы. Было 2:30 ночи. Мне позвонили для срочной психиатрической экспертизы, проводимой в главном здании. Это значило, что мне придется забыть о сне до конца моего дежурства.

Мне пришлось бежать через всю территорию больницы; дорогу освещали безучастные звезды, высоко сияющие в зимнем ночном небе. Сибирская Государственная Больница была одной из самых больших в Новосибирске, с тысячей пациентов, находящихся там в течение нескольких месяцев, а иногда и лет. Больница была построена в отдалении от города, рядом с лесом, и далеко от жилой застройки. Больница обладала довольно серьезным режимом безопасности, и для пациента самовольно покинуть корпус было почти так же тяжело, как и убежать из советской тюрьмы.

Несмотря на это, местные жители приписывали больнице ауру опасности и тайны, и время от времени местные мальчишки пытались проникнуть на территорию и заглянуть в решетчатые окна. Ночью территория больницы становилась безлюдной, и темнота окружала её со всех сторон. Я попыталась преодолеть расстояние от моей теплой комнаты для дежурств и отделением неотложной помощи, находящемся в главном здании, как можно быстрее. На мне был только белый халат и никакого пальто, поэтому я постаралась добежать до корпуса неотложки до того, как успею замерзнуть.

Я услышала крики еще до того, как открыла массивную, покрытую льдом железную дверь корпуса неотложки. Женский крик ударил по ушам в тот момент, как я добежала до двери, и весь холод, аккумулированный в металлической ручке двери, опалил мою руку огнем.

- Отпустите! Я вам говорю, отпустите меня! - громко кричала она. В ту же минуту, как я вошла в теплый коридор, я тут же увидела её, привязанную широкими черными ремнями к носилкам, и мотающую головой из стороны в сторону. Было件нятно, что у двух новеньких санитаров из неотложки еще не было достаточного опыта с психиатрическими пациентами, поэтому, пытаясь выглядеть профессиональными и отстраненными, они как можно быстрее покатали носилки с пациенткой в моем направлении.

Чтобы не отставать, мне пришлось идти за ними большими шагами. Ночная пробежка по коридорам неотложки, освещенной лампами дневного света, разбудила меня достаточно быстро. Когда санитары сделали последний поворот и вошли в комнату для осмотров, я окончательно избавилась от моего недолгого “дежурного” сна.

- Спасибо! Сейчас вы можете развязать её и подождать меня снаружи. Мой голос все еще звучал грубовато ото сна, но мой ум уже восстановил свою профессиональную остроту.

Санитары посмотрели на меня с сомнением. Я уверенно кивнула, давая понять, что знаю, что делаю. Пациентка не выглядела невменяемой, несмотря на чрезмерное возбуждение. Я понимала, что присутствие санитаров мне не поможет, а только помешает. Они быстро развязали ремни, которые уже оставили глубокие следы на тонких запястьях женщины, и безропотно покинули комнату.

- Меня зовут доктор Харитиди. Я психиатр в больнице. Меня вызвали, чтобы оценить ваше состояние.

Женщина, которая теперь вела себя на удивление спокойно, медленно пыталась сесть на носилках. Я подошла к ней и помогла ей свесить ноги, а потом накрыла их фланелевой простынкой; на уголке простыни стояла печать с цифрой 8 – номером отделения. Женщина выглядела сонной. Я быстро просмотрела её бумаги: 39 лет, незамужем, попытки самоубийства с использованием медицинских препаратов. Врач скорой помощи зафиксировал, что пациентка не подавала признаков жизни, когда её сосед привез её в больницу. Что касается физиологической стороны вопроса, то в отделении скорой помощи пациентку стабилизировали. Теперь была моя очередь решать, что делать дальше.

- Назовите, пожалуйста, ваше имя!

Женщина впервые посмотрела на меня. Растрепанные черные волосы обрамляли её тонкое лицо. Она медленно отвела волосы за спину, будто с намерением завязать их узлом, но потом безвольно опустила руки на колени. Было очевидно, что все эти движения сильно утомили её.

- Катерина, - прошептала она. Крик, который я слышала несколько минут назад, будто высосал из неё все соки.

- Катерина, мне нужно задать вам несколько вопросов.

Она медленно покачала головой, соглашаясь.

Я села напротив неё на металлический стул, который стоял рядом с раковиной – единственной мебелью, находящейся в этой маленькой квадратной комнате.

- Вы можете мне рассказать, почему вы пытались покончить жизнь самоубийством?

- Это был несчастный случай, - произнесла она медленно и отвернулась, тяжело дыша.

Я смотрела на неё некоторое время и четко могла проследить борьбу, которая происходила внутри неё – борьбу между желанием выговориться кому-нибудь и сильнейшим стыдом, вызванным мыслями о том, что её унижение станет известно посторонним людям.

- Я знаю, что это не был несчастный случай. Я знаю, что вы пытались покончить жизнь самоубийством. Я знаю, что вы пытались убить себя сегодня ночью и знаю, что вам это почти удалось. Настоящим несчастным случаем стало то, что ваш сосед обнаружил вас до того, как стало слишком поздно. Я не вижу причины почему вы должны бояться говорить о том, что произошло. Вы были достаточно смелы, чтобы преодолеть страх смерти. Так чего же вам бояться сейчас?

Она подняла голову и пристально посмотрела на меня. В её глазах плескалась неизбывная боль. Я видела, как моя ремарка освобождала что-то внутри этой женщины. Моей следующей профессиональной задачей будет направить это освобождение в нужное русло.

- Вы правы, я хотела умереть. Нет. Я ХОЧУ умереть. Я только жалею, что эта мысль не пришла мне в голову раньше, много лет тому назад. Тогда бы я не потратила столько времени на свою бесполезную жизнь, - она выглядела больше злой, чем грустной, и её голос становился громче, пока она говорила.

- Я знаю, что как только я избавлюсь от этого тела, то все остальное тоже прекратится. Я прекращу эту муку, и у них больше не будет власти надо мной. Как только я выйду отсюда, то окончательно поставлю точку.

её голос опять повысился до крика, и она под влиянием момента со всей силы бросила тяжелые кожаные ремни об стену. Практически в тот же самый момент открылась дверь и появились встревоженные санитары, готовые действовать.

- Все нормально, - сказала я им как можно спокойней. В то же время их вера в мои профессиональные качества вошла в конфликт с их оценкой ситуации. Они вновь закрыли дверь только после нескольких настоятельных просьб с моей стороны. Но появление санитаров успокоило Катерину. Она только тяжело дышала и кусала нижнюю губу, сидя на носилках.

- Катерина, пожалуйста, скажите мне, голоса, которые вы слышите, – что они вам говорят?

Она посмотрела на меня с удивлением.

- Как вы догадались? Я никому не говорила. Мне бы не пришло в голову никому об этом рассказывать. Вы не можете знать, что я слышу голоса.

- Я просто догадалась.

Мне не было нужды объяснять ей, что её выбор слов все сказал мне. Она застыла на несколько секунд, испытывая необходимость сделать еще один выбор. Я четко видела, что она балансировала между истерикой со слезами и необходимостью выговориться на одном дыхании, и взрывом агрессии и желанием спрятать свои истинные чувства. Во втором случае она могла бы стать опасной. Мне нужно было вмешаться до того, как её раздвоенное состояние не трансформировалось по второму сценарию.

- Это нормально – говорить о том, что вас преследует. Раньше вы тоже никогда не пытались покончить жизнь самоубийством. Теперь вы можете говорить о голосах, которые вы слышите, тем более я уже о них знаю.

- Это девочка. Маленькая, маленькая девочка, - она начала говорить.

- Она все время плачет, бесконечно и душераздирающе. Я постоянно слышу в голове её плачь. Я не вижу, но чувствую её. И чувствую, что каждый раз, когда я пытаюсь приблизиться, чтобы обнять и защитить её, она меня отталкивает. А потом она с ненавистью начинает кричать мне: “Это все твоя вина! Это ты виновата! - Она кричит, а я не могу её остановить.

Катерина будто задыхалась, и слезы медленно текли по её щекам. Чем дольше она говорила, тем быстрее становилась её речь. Голос звучал тоньше и выше, похожий на голос жалующегося ребенка, пока её лицо тоже не превратилось в лицо ребенка – потерянную, злую и испуганную девочку, сжимающую кулачки и готовую броситься на любого, кто захочет приблизиться.

- Катерина, я рада, что вы решились открыться мне. Но до того, как мы продолжим, мне нужно заполнить ваши бумаги. Не могли бы вы назвать мне ваш адрес?

У меня не было никакого желания идти по пути диссоциации.¹

Она резко замолчала и назвала мне свой адрес уже другим, механическим голосом, который бы использовала в любой формальной ситуации. Я видела, что она все больше и больше уставала, и я решила закончить наш разговор как можно быстрее, особенно потому, что я уже знала, что женщина представляла опасность для себя самой, и я уже решила оставить её в больнице. Мне нужно было задать ей еще пару вопросов, выписать рецепт препарата, который поможет ей нормально спать, и я с ней закончу. Лечение пациентки будет уже задачей врачей утренней смены.

- Значит вы хотите покончить жизнь самоубийством потому, что этот голос говорит вам, что вы в чем-то виноваты? - Она утвердительно махнула головой.

- И вы говорите, что если я вас отпущу, то вы не оставите своих планов? - её молчаливый утвердительный кивок был достаточным основанием для меня, чтобы закончить наш разговор и написать официальное заключение.

Мне не было нужды залезать в глубины её психологических травм, ставшими причиной её депрессии и галлюцинаций. Картина была ясна. Не существовала никаких двойных трактовок. Мне нужно было только рассказать ей о моем решении и попытаться украсть еще пару часов заслуженного сна до начала утренней смены. Но несмотря на очевидные преимущества еще нескольких часов сна, к своему удивлению, я не пыталась чересчур быстро закончить разговор и продолжила говорить с Катериной, как будто ожидала, что всплывет еще какой-то аспект, новая грань или факт, относящийся к её теперешнему состоянию.

В тот момент я сказала себе, что просто вот так подняться и уйти было бы с моей стороны бесчувственно. Это выглядело бы так, будто я специально спровоцировала её на

¹ Диссоциация – (в психологии) разрыв ассоциативных связей.

откровенность с единственной целью выяснить факты, которые позволили бы мне насильно оставить её в психиатрической больнице. В тот момент такое объяснение выглядело для меня самой достаточно убедительным, и я приняла его без дальнейших вопросов.

- А почему вы считаете, что в чем-то виноваты? - спросила я наугад.

- Потому что она права. Это была моя вина. Это все моя вина. И только меня стоит винить в этом.

- Когда вы говорите “в этом”, что вы имеете в виду?

Катерина опять посмотрела на меня, будто проверяя искренность моего вопроса. Она помолчала некоторое время а потом начала говорить: в этот раз очень медленно, аккуратно подбирая слова, вслушиваясь в свои собственные слова, впервые произнесенные вслух.

- Вы знаете, доктор, мне очень стыдно говорить об этом. Даже не знаю, как выразить это словами. Я никогда раньше даже не пыталась говорить на эту тему. Это так стыдно и так ужасно, - она ритмично раскачивалась вперед и назад, будто пытаясь подтолкнуть себя этим движением к дальнейшему рассказу. Я больше её не прерывала. Я уже знала, о чем будет её рассказ, и просто ждала, когда она выговорится.

- Меня изнасиловали. Мне было 5 лет, когда это произошло. Он был моим дядей со стороны матери. В то время ему было 15, а мне только 5. Он завел меня в пещеру за домом моей матери – там это и произошло. Мне было так плохо, что я не могла ходить 2 дня. Вы знаете, я до сих пор испытываю ужасную боль от смещенного бедра. Очень часто мне приходится принимать обезболивающие. Мне было только 5, но я до сих пор помню каждую деталь произошедшего, как будто это случилось только вчера. И когда мне начинает казаться, что я стала забывать произошедшее, все возвращается назад во сне. Я снова вижу все в своих снах, а потом неделями боюсь спать. На меня накатывают волны ужаса, когда я ложусь в кровать. Иногда я боюсь закрывать глаза, боюсь опять увидеть мельчайшие детали того дня, боюсь опять увидеть его лицо перед моими глазами. Доктор, мне было только 5 лет!

Она тихо плакала. Весь её предыдущий запал, порожденный желанием запретить себе анализировать эту историю с эмоциональной точки зрения, пропал. Она не стеснялась плакала и поблагодарила меня, когда я протянула ей салфетку.

- Это мучило меня всю мою жизнь. Мне тридцать девять лет. С тех пор, как это произошло, у меня в жизни не было ни одного счастливого дня. Посмотрите на меня, доктор. Мне не за чем жить. Для меня существует только продолжение этой пытки. Для чего? Около года назад я начала слышать её плач. А потом она начала кричать, что это я виновата. Доктор, девочка, которая плачет – это я в возрасте 5 лет, когда меня изнасиловали недалеко от дома моей матери. Я так испугалась, когда поняла, что слышу свой собственный голос, и что у меня нет сил контролировать его. Доктор, вы знаете, как это страшно, когда думаешь, что сходишь с ума? Эта мысль была даже страшнее, чем само изнасилование. Именно поэтому я никогда никому ничего не говорила. Было бы легче просто совершить самоубийство, чем признаться в том, что я теряю рассудок.

Она продолжала всхлипывать и вытирать слезы, меняя салфетки одну за другой.

Я чувствовала, что она говорит правду. Но я слишком часто слышала подобные истории: со всхлипываниями, попытками самоубийства, со сначала забытым, а потом неожиданно всплывшим насилием в детстве - все это было профессионально разыграно женщинами, ищущими внимания, а иногда просто наркотиков. Мне нужно было быть начеку. Я отложила в сторону её медицинскую карту, поднялась со стула и подошла к ней ближе. Я обняла Катерину и сказала: “Все хорошо. Все изменится. Вы уже начала меняться. Вам просто нужно набраться немного терпения и все переосмыслить.”

Она опять стала всхлипывать, как маленькая девочка. Я посмотрела ей в глаза, и все мои сомнения исчезли, но и мое спокойствие тоже испарилось. Там, за красноватой поволокой, наполненной слезами, за темно-коричневым центром, за широким черным кругом зрачка, в самой глубине её глаз, маленькая пятилетняя девочка стояла на сырой земле голыми коленками, раздавленная болью и растерянностью от того, через что только что пришлось

пройти её телу. И рядом не было никого, кто бы смог уберечь её от боли, – только устрашающая мужская фигура, наклоняющаяся над ней.

Я отпрянула назад, взяла её медицинскую карту, притворяясь, будто читаю, в то же время думая, как часто и до каких пределов моя профессия испытывала меня на прочность. Та же мысль пришла мне в голову вчера утром, когда я принимала пациента в своем отделении. Он был шизофреником, достаточно известным в больнице. Бывший художник, мягкий, интеллигентный мужчина, медленно покоряющийся деструктивной силе своей болезни. В этот раз его привезли с новыми симптомами. Его забрали в отделение милиции на железной дороге в тот момент, когда он шел навстречу движущемуся поезду. Я хорошо знала этого пациента. У меня даже была его картина, которая висела в моем кабинете, – картина, написанная им с необыкновенным мастерством много лет назад, во время его первого визита в больницу.

- Вы знаете, доктор, что моя сегодняшняя ситуация – это я против всего мира. Это то, как я это чувствую, и как я буду относиться к этому дальше, – сказал он.

- Товарищ Лавров, мне казалось, что в прошлом мы довольно неплохо друг друга понимали. В данной ситуации я так же хочу лучше вас понять. Помогите мне, пожалуйста, и объясните, что конкретно вы делали, когда шли навстречу движущемуся поезду?

- Вы знаете, существует некая загадка, которую я намерен разгадать. В течение последних 5 лет мне не удается понять, какие конкретно переживания я испытываю. Мне кажется, что я все еще жив, но также существует равная вероятность того, что все это время я уже был мертв и просто застрял здесь между смертью и чем-то еще. Так что очень возможно, что все мои теперешние переживания это некая иллюзия, навязанная мне как испытание. Но какое испытание, я не знаю.

- Так что же вы делали перед несущимся на вас поездом?

- Если бы поезд проехал через меня и ничего бы не изменилось, то я бы убедился, что был мертв; если бы поезд убил меня, то я бы понял, что был жив до этого. Вся ситуация была необходима для того, чтобы развеять мои сомнения.

Чтобы выиграть время и понять, может ли такая нестандартная интерпретация с его стороны являться редким случаем синдрома отрицания Котарда, и насколько такое состояние было последствием депрессии, я ответила ему:

- Но вы же живы, товарищ Лавров. Поверьте мне, вы живы. Это же очевидно.

- Что же здесь такого очевидного?

Его ответ тут же прервал мои попытки поставить диагноз и заставил меня посмотреть на собеседника с большим вниманием. Я не знала, что сказать.

Он посмотрел на стену, где висела его картина, и на какое-то время углубился в изучение своего творения. Это было мастерски выполненное полотно. Под высоким, необыкновенно голубым небом раскинулись зеленые холмы, мягко уходящие в даль. Весь сюжет был каким-то нереальным, неземным. Единственным напоминанием о человеческом существовании были ряды пар обуви, стоящие на холмах и изображенные с идеальной, почти фотографической точностью. Обувь была всех возможных размеров, цветов и стилей. Я больше чем уверена, что перед тем, как написать свою картину, Лавров провел серьезное исследование в области истории обуви. Картина называлась “Подавляемые чувства”, и очень мне нравилась.

- Вы знаете, доктор, я думаю, что вам очевидно, что мое полотно имеет очень глубокий символический смысл. Я уверен, что вы уже с кем-то обсуждали, как это было для меня интересно – изобразить подавляемые чувства с помощью отсутствующих объектов. - Он был прав: я действительно обсуждала это с моими коллегами по крайней мере дважды.

- И все это для вас очевидно. Но это не то, что я имел ввиду, когда писал эту картину. Я изобразил притяжение. Я изобразил тяжесть, которую постоянно испытывают наши тела, и которая ограничивает наше восприятие. Я думал об ощущении невесомости, подавленной плотностью наших тел.

- Поэтому, возвращаясь к нашей беседе, что же такого очевидного в утверждении о том, что я жив, и что все вокруг меня это не иллюзия, а реальность? Как вы можете мне это доказать? - он в ожидании повернулся ко мне и потер виски.

На короткий момент времени мое восприятие действительности было искажено его искренним и бескомпромиссным вопросом. Каким-то образом его вопрос отделил реальность вокруг меня от моего восприятия этой реальности, и на долю секунды мое восприятие, лишенное поддержки, оказалось ужасно уязвимым.

- Депрессия первична, - спасительная мысль пришла мне в голову и снова восстановила мою связь с реальностью и обыденными вещами. - Нигилистические идеи вторичны. Поэтому я начну с антидепрессантов, а потом пропишу нейролептики и посмотрю, какой будет прогресс через несколько дней, - подумала я про себя.

Но после того, как Лавров покинул мой кабинет, я не могла перестать думать о вызовах, которые мне приходилось принимать, работая психиатром. Вызов, исходящий от Лаврова, был более интеллектуальным, так как весь его образ мыслей был искажен.

В то же время Катерина маленькая девочка ударяла по нервам и испытывала на прочность мою профессиональную отстраненность. Я повернулась к ней и продолжила:

- Почему вы думаете, что виноваты в том, что произошло?

Она заколебалась на мгновение, а потом опять начала говорить без остановки, будто на одном дыхании:

- Я виновата потому, что я позволила ему это сделать. Он был единственным во всей округе, у кого был велосипед. Я так ему завидовала. Я никогда не каталась на велосипеде. И у моей семьи никогда не было денег, чтобы купить мне велосипед. Я попросила своего дядю покатасть меня, хотя бы разок. В конце концов он же был моим дядей. Он сказал, что даст мне покатасться, только если я сделаю это с ним. Я согласилась и пошла с ним в пещеру. Он постелил свою куртку на землю, стащил с меня нежнее белье и сделал это со мной. Было так больно. Но сильнее боли был стыд. Я знала, что сделала что-то ужасное. Я ничего не сказала. Он посадил меня на велосипед и отвез домой. Я до сих пор помню боль, которую испытывала, сидя на велосипеде. С тех пор я никогда не каталась на велосипеде и ни разу никому ничего не сказала.

Она остановилась на секунду, и я поняла, что было что-то еще, что она хотела сказать.

- Нет, я все-таки однажды рассказала об этой истории. Своему мужу. Мы были женаты в течение 6 месяцев. И я только начала чувствовать себя в безопасности и не испытывать боли во время секса. Я рассказала ему обо всем, что со мной произошло. Я не знаю, чего я ожидала от него, когда все рассказала. Но то, что он сделала, было хуже всего, что я могла себе вообразить. Он оттащил меня в нашу спальню за волосы и изнасиловал. В процессе он все спрашивал меня: "Сейчас ты чувствуешь то же, что и тогда? Это похоже на твой первый раз?". Я пробыла в больнице 2 недели с болевым синдромом. С того дня я больше не видела своего мужа. Мы развелись. Моя боль вернулась и уже никогда не покидала меня. Для чего мне жить, доктор?

- Катерина, вам нужно остаться в больнице. Я не могу отпустить вас домой. И я очень надеюсь, что доктор, который заступит в утреннюю смену, найдет наилучший способ помочь вам.

Она выглядела еще более испуганной.

- Я не хочу здесь оставаться. Я хочу все это прекратить. Вы не можете держать меня здесь против моей воли.

- Могу, Катерина. И буду. И однажды вы поблагодарите меня за это.

Я покинула комнату предварительного осмотра, прошла в кабинет врачей неотложной помощи, написала свое заключение, и передала его дежурному доктору.

- Оформите её как пациентку. Она наша.

Я не хотела бежать в свое отделение. Эмоции, которые я испытывала, задвинули ощущение холода на второе место. Катерина очень нуждалась в помощи. Все мое существо было пронизано пониманием этого. Катерина умоляла о помощи незатейливо, как умела, и я

ринулась ей на помощь. Она была все лишь одной из многих. Я уже слышала такие же истории. Я уже видела похожие, искаженные болью лица, и я поспешила на помощь Катерине, так же как делала это раньше. Но как и раньше, передо мной выросла стена беспомощности. Я ощущала свое бессилие перед глубиной её отчаяния. Это был бездонный колодец, страдание, которое никогда её не покидало. Она не знала в своей жизни ничего лучше. Где мне было взять силы и знания, чтобы освободить её от этого отчаяния? У меня не было ответа на этот вопрос.

Но было что-то еще в моем состоянии, что-то помимо моего сочувствия Катерине, что-то, что беспокоило меня.

Я медленно шла по покрытой снегом дорожке и обнаружила, что внутри меня росло чувство неудовлетворения и беспокойства. Привычная к самоанализу, я знала, что что-то еще скрывалось за моим беспокойством, что-то, что я уже почти распознала; но в то же время я чувствовала, что это что-то было значительным и опасным, и мое сознание никак не могло дать этому чему-то название. Я позволила своему уму расслабиться, отпустить ситуацию и больше не анализировать причину моего состояния. Каким-то образом я понимала, что так было безопаснее. Поэтому на время я оставила свои переживания.

Я шла по заснеженной дорожке в Сибири и еще не знала, что где-то далеко, в Узбекистане, в самом центре Азии, под стенами Самарканда, несколько человек собрались вместе и приняли решение действовать. Идя через территорию больницы в ту ночь, я не могла знать, что стану принимать участие в осуществлении их решения, и что мое беспокойство и возбуждение приведут меня в такие сферы, о которых я даже не подозревала.

Глава 2

Как обычно во время ночного дежурства, после короткого, прерванного сна, от которого я чувствовала себя скорее уставшей, нежели отдохнувшей, мои дневные часы воспринимались как бесконечные.

Но даже эти медленно тянущиеся часы подошли к концу. Я вытащила пальто из шкафа, готовясь покинуть свой кабинет, и еще раз прокрутила в голове все указания, оставленные моим пациентам сегодня. Перед тем, как уйти, я хотела убедиться, что сделала все, что требовалось, и что я не забыла ничего важного.

Я взяла сумку, готовая выйти из кабинета. В этот момент открылась дверь и вошла девушка – уверенная в себе и улыбающаяся. Она почти толкнула меня назад в комнату с таким выражением лица, будто не сомневалась, что я буду рада её видеть. Я не могла вспомнить, кто она такая. Мне казалось, что я её знаю, а она поприветствовала меня, как старую добрую знакомую. Я почувствовала себя глупо от того, что не могла вспомнить, где видела её раньше.

- Привет! Я Маша, - сказала она низким, мелодичным голосом и почти рассмеялась, наслаждаясь моим замешательством.

- Я Маша! - снова повторила она, делая акцент на своем имени, как будто оно должно было что-то значить для меня.

- Надеюсь, вы меня помните? Вы же Ольга? Мы не были представлены друг другу.

То обстоятельство, что она не была уверена в том, кто я, и её последняя фраза внезапно вызвали в памяти её розовое лицо, фигуру, плотно сидящие джинсы, само её присутствие – все это всплыло перед моим мысленным взором и я вспомнила, кто она. Это было так неожиданно и приятно – увидеть её в моем кабинете, что я тут же бросила сумку на пол, плюхнулась в мое любимое кресло прямо в пальто, и искренне сказала ей:

- Очень рада познакомиться с тобой, Маша. Спасибо, что пришла. Чем я могу тебе помочь?

Она села напротив меня, вытащила из сумки сигарету и посмотрела вокруг в поисках пепельницы. Она проделала это настолько естественно, что я не сказала ей ни слова, припоминая обстоятельства, при которых впервые увидела её.

Однажды ночью зазвонил мой домашний телефон. Было уже очень поздно, поэтому я подумала, что это был срочный звонок с работы. Глубокий, хриплый мужской голос, даже не потрудившись извиниться за поздний звонок, произнес резким тоном:

- Мне нужно поговорить с Ольгой. Вы Ольга?

- Да! А кто звонит? - я попыталась по голосу узнать человека, звонившего мне так поздно, но его голос точно был мне незнаком.

Он продолжил говорить в своей грубой, снисходительной манере, будто и не слышал моего вопроса.

- Мне сказали, что вы необычная девушка, занимающаяся необычными делами. Это правда?

- Все зависит от того, что вы считаете необычным. Я предполагаю, что у нас с вами разные точки зрения на данный вопрос.

- О, простите! Я не извинился за поздний звонок и даже не представился. Моя фамилия Смирнов. Я узнал номер вашего телефона от вашего коллеги по работе – он назвал имя врача, который работал со мной в психиатрической больнице. Я мысленно обматерила доктора, который без разрешения раздает посторонним домашние телефонные номера сотрудников.

- Что я могу для вас сделать, если это вообще в моих силах? - Его неожиданная трансформация в вежливого собеседника не обманула меня. Его грубый, хриплый голос все еще звучал у меня в ушах, вызывая раздражение.

- Мы проводим психологические исследования. Я подумал, что вам будет интересно посетить нас. Мы живем с вами в одном городе, и мне кажется, что все люди, обладающие определенной силой, должны знать друг друга и поддерживать связь.

Его неприкрытая лесть не избавила меня от раздражения, а только усилила его.

- Этот мужик думает, что наличие интеллекта дает ему право манипулировать людьми. Ошибаетесь, господин Смирнов!, - мысленно сказала я себе.

Мужчина продолжал говорить. Он рассказал мне про свою лабораторию и исследования, которые проводили его люди. Я слушала его вполуха, а моя голова была занята попытками понять, что он за человек. Было в нем что-то, что не позволяло мне приклеить ему ярлык еще одного жадного до власти, умного манипулятора – распространенный тип людей, сидящих в государственных научно-исследовательских лабораториях, и пытающихся проникнуть в глубины человеческой психики с единственной целью - угодить своим амбициозным начальникам-бюрократам.

Я не могла не почувствовать ауру независимости, окружающую Смирнова. Его хриплый, глубокий голос отличало наличие некоей внутренней силы. К моему ощущению, что этот человек обладает огромной властью, также примешивалось чувство настоящей опасности. Это была необычная, но привлекательная комбинация.

- Ну что же, господин Смирнов, вы убедили меня в том, что вы достаточно необычный человек, занимающийся необычными делами.

Он громко рассмеялся на это мое заявление.

- Вы знаете, между нами уже есть что-то общее. Вот мой адрес. Это одновременно и мой дом и моя лаборатория, - он продиктовал мне название улицы и дал указания, как добраться до него на автобусе. Я все записала, раздражаясь потому, что все же веду себя по его указке.

- Спасибо! Но я не думаю, что в обозримом будущем у меня будет время к вам приехать. Я ничего не могу вам обещать!

- Я знаю, что не можете. И не нужно. Мы просто будем рады видеть вас. Спокойной ночи!

На какое-то время я абсолютно забыть про этот странный телефонный звонок. Но через несколько дней я проиграла с голове детали нашего разговора и поймала себя на том, что нахожусь в состоянии предвкушения чего-то. Я попыталась отбросить идею возможной поездки туда (и это решение выглядело вполне рациональным), но предвкушение достаточно быстро сменилось тревогой, и я поняла, что эта тревога не исчезнет, пока я не поеду на встречу со Смирновым. Я чувствовала себя так, будто в его словах скрывалось обещание помочь мне открыть что-то в себе самой, что-то, что мне было необходимо знать и помнить, но от чего я постоянно подсознательно убегала. После взвешивания всех за и против я убедила себя, что Смирнов был достаточно неординарным человеком, и что мне не стоило упускать шанс встретиться с ним лично. И я поехала в его лабораторию.

Место, где располагались его дом и лаборатория находилось в тридцати минутах езды на автобусе от центра города. Новосибирск – один из самых больших городов, стоящих на пути Транссибирской магистрали. Сердце Сибири, как некоторые называли его, был огромной агломерацией с населением в 1,5 миллиона человек. Большинство людей старались жить ближе к центру города, подальше от пригородов, в которых сконцентрировалось промышленное производство. Только во время летних отпусков люди уезжали за черту города, на дачи. Я ни разу не слышала, чтобы кто-то жил за городом зимой.

Заинтригованная, я села в автобус и еще раз посмотрела на адрес, который мне дал Смирнов. К моему удивлению, найти его дом оказалось очень легко. Автобус остановился на пустой, покрытой снегом автобусной остановке, окруженной со всех сторон непроходимым лесом. Я была единственной, кто сошел в этом месте. Я прошла метров двести от остановки по направлению к еловому лесу, четко следуя указаниям Смирнова, и увидела большой дом, который достаточно сильно отличался от пустых дачных домиков, разбросанных тут и там.

Это был старый сибирский дом, построенный еще до Революции, скорее всего в конце 19 века. В центре города я видела пару таких же домов, и они воспринимались как пережиток прошлого. Большинство таких домов были снесены, чтобы расчистить место для многоэтажек – общепринятому стандарту жилищного строительства.

Такие старые дома строились еще в царские времена для сибирской аристократии. У них было достаточно денег, чтобы построить для себя красивые, основательные жилища, чаще всего украшенные затейливой деревянной резьбой местных мастеров.

Дом стоял в лесу, окруженный звуками, запахами и видами, которые невозможно встретить в городе. Было тихо и спокойно. Время от времени перекликались птицы. Здесь все еще лежал белый, нетронутый снег, хотя в городе он уже растаял.

Я медленно пошла по направлению к дому. Приблизившись, я постояла перед ним какое-то время, оценивая его основательную красоту. Высокие стены дома были вложены из потемневших от времени и уложенных ровными рядами бревен. Окна обрамляли замысловатые резные наличники. Словно как в сказке, из старой трубы поднимался дымок, и медленно рассеивался за высокими вершинами елей, покрытых снегом.

Мне нужно было время, чтобы привыкнуть к этому месту, так сильно отличающемуся от сумасшедшего ритма городской жизни. Я глубоко вздохнула и постучала по темной массивной двери, но старое дерево поглотило звук удара, который прозвучал слишком слабо, чтобы его можно было услышать из глубины дома.

- Входите, открыто! - глухо прозвучал чей-то голос.

Я открыла дверь и остановилась на пороге, не зная, что делать дальше. Передо мной были два деревянных лестничных пролета, один, ведущий вверх, и один, спускающийся вниз, в подвал.

- Спускайтесь вниз, Ольга! - я услышала голос Смирнова и стала спускаться по ступеням вниз, удивляясь, как он мог знать, что это я.

Я думала, что спускаюсь в подвал, а оказалось, что это был первый этаж дома, так как дом был построен на склоне, и входная дверь находилась на уровне второго этажа.

Я остановилась на последней ступеньке перед тем как встать на деревянный пол, покрытый восточными коврами. Мужчина, который находился на противоположной стороне

комнаты, повернулся ко мне. Я не могла четко разглядеть его лица. Он стоял перед окном, в которое лился яркий свет, поэтому я смотрела на мужчину против света. Силуэт мужчины выделялся на фоне окна, и я заметила, что он был высоким, немного сутулым брюнетом, стоящим абсолютно неподвижно. Однако в следующий момент он встрепенулся и быстро прошел через комнату, протягивая мне руку:

- Очень рад наконец-то с вами познакомиться.

Он предложил мне свою руку не для пожатия, а в качестве опоры, когда я спускалась с последней ступеньки лестницы. Я замешкалась на мгновение и опять с интересом оглядела эту странную комнату. Комната была большой гостиной. Высокие дубовые книжные полки от пола до потолка занимали здесь центральное место. Они стояли даже вдоль закругленных улов, делая комнату похожей на круг. Пустое винтажное кресло-качалка, покрытое темно-коричневым пледом, медленно покачивалось перед горящим камином и выглядело так, будто минуту назад в нем кто-то сидел.

Три одинаковые двери, ведущие, скорее всего, в другие комнаты, были закрыты. Больше в комнате не было никакой мебели за исключением маленького столика у окна. На столике лежала куча бумаг, а рядом стоял пластиковый стул.

Разномастные предметы в комнате создавали ощущение некой мешанины. Дорогие, качественные ковры на полу, старые редкие книги, собрания сочинений русский классиков и большое количество книг на иностранных языках указывали на то, что хозяин обладал неограниченными финансовыми ресурсами. В то же время количество пыли в комнате, голые окна без занавесок, почти полное отсутствие мебели, следы золы на полу рядом с камином – все это указывало на отсутствие должного ухода за домом и оставило у меня неприятный осадок.

Я оперлась на протянутую руку Смирнова и спустилась с последней ступеньки лестницы. Теперь я видела перед собой его лицо и могла хорошо его разглядеть. Его лицо выглядело очень знакомым. Я была почти уверена, что мы уже встречались раньше. У него был ярко выраженный еврейский нос, темно-коричневые глаза смотрели очень пристально, и в сочетании с густыми бровями и морщинами его лицо выглядело знакомым. Деликатные манеры и глубокий медленный голос усилили это ощущение и вызвали у меня доверие несмотря на предыдущие сомнения.

- Хотите бокал вина? - радостно предложил он.

Это не было в русской традиции предлагать бокал вина днем, за исключением обеда или ужина.

- Нет, спасибо, - моя настороженность вернулась, подпитанная этим странным предложением.

- Вы думаете, я с вами играю?

- А разве нет?

- Вполне возможно, но не сейчас. Я хочу произвести впечатление серьезного человека, и на это есть причины.

- Это уже само по себе двусмысленное заявление, - сказала я.

- Я думаю, вы правы, - он негромко засмеялся, и я заметила, как быстро его смех опять отменил все мои сомнения.

- Я бы хотел пригласить вас в свой кабинет до того, как покажу вам свою лабораторию.

Он открыл одну из трех дверей, и мы вошли в маленькую комнату без окон, которая освещалась лампой на потолке. В комнате стоял стол, а на нем лежали кучи бумаг с отсканированными графиками. За столом, на стене, висел огромный портрет обнаженной женщины, сидящей на стуле. Она будто смотрела прямо на меня с очевидным пониманием того, какое шокирующее зрелище представляло её изображение.

- Это моя жена, - сказал Смирнов обыденным тоном. - Сейчас она принесет нам чай. - Женщина на портрете выглядела почти нереально красивой. её грациозное тело было

пропорционально сложено, её густые черные волосы свободно струились по плечам, а в глазах сияло понимание своей необычайной красоты.

Над портретом была натянута ленточка, на которой красными буквами было написано: “Все обменивается информацией”. Эта надпись была такой же странной, как и портрет.

- А вот и она, - сказал Смирнов, когда дверь на противоположной стороне комнаты открылась, и вошла женщина с серебряным подносом, на котором стояли чайник и две чашки.

- Познакомьтесь с моей женой, Анастасией, - сказал Смирнов.

Женщина аккуратно поставила поднос на стол и протянула мне свою маленькую руку для пожатия. Я была шокирована и не сразу отреагировала на её протянутую руку. Женщина, стоящая передо мной, не имела ничего общего с сияющей красотой, смотрящей на нас со стены. В реальности она была типичной русской домохозяйкой среднего возраста: невысокая, полная, с нечесаными седыми волосами и отсутствием макияжа, и с очками на невыразительном лице. Я пожала её руку и, стараясь быть вежливой, все же не смогла не перевести взгляда с неё на портрет на стене. Анастасия заметила мой взгляд, и скорее всего потому, что я была не единственной, заметившей такое несоответствие, она рассмеялась и сказала мягким голосом: “Это правда, что это я. И также правда то, что все передает информацию. Информация – это магия. Это по-настоящему магический портрет.”

Она задумалась на секунду, а потом сказала, перед тем, как покинуть комнату: “Я знаю, как меняться”.

С этими словами она вышла, оставив меня наедине со своим мужем, который даже не пытался скрыть удовольствия от моего замешательства.

Я взяла чашку с серебряного подноса, чтобы разрядить ситуацию и сдержаться от настойчивого желания выяснить, что все это значило.

- Я вот что хочу вам сказать, - произнес Смирнов, наклоняясь над столом и глядя на меня с серьезным и даже каким-то устрашающим выражением лица.

Чай оказался слишком горячим, поэтому я пила его аккуратно, ожидая продолжения.

- Настоящее сходство между нами..., - он прервался, но продолжал смотреть мне прямо в глаза, заставляя меня чувствовать, что то, что я воспринимала минуту назад как огромную неловкость, было только намеком на неловкость. У меня не было ни малейшего желания усугублять ситуацию, поэтому я сделала еще один глоток чая и ничего не сказала.

- Видите? Вы не хотите, чтобы кто-либо заставлял вас играть по своим правилам. Я предлагаю вам общение, а вы упрямо молчите. Если бы я не был таким разговорчивым, вы бы, скорее всего, использовали один из своих психиатрических приемов, чтобы вывести у меня больше информации.

- Возможно, - я уже была готова ответить ему, но к своему удивлению поняла, что просто молча смотреть на него и пить чай было наилучшим ответом в данной ситуации.

Он опять засмеялся.

- Это все свобода, Ольга. Это жажда свободы делает нас такими похожими. Желание играть по своим правилам – это только вершина айсберга, несущего вас по жизни. Настоящая махина этого айсберга состоит из тонн похороненных желаний, решений, чувств, амбиций – разных по своей природе, но все же вместе плывущих в одном направлении. Это направление – далекий остров, на котором стоит огромный знак с надписью заглавными буквами: СВОБОДА. Вы не хотите сдвинуться даже на миллиметр от направления к этому острову.

- Вам нравятся лозунги, - сказала я, чувствуя, что мне проще было прекратить этот разговор, чем поддерживать его, и я задавала себе вопрос: что я вообще делаю в этом странном месте и зачем сюда приехала?

- Ум может выражать себя по-разному. Лозунги – великолепная форма выражения мыслей, которая к тому же поражает своим размахом. - И сразу, без перехода, он спросил: “Ну что, хотите, чтобы я показал вам дом?”

Я аккуратно поставила фарфоровую чашку на серебряный поднос и молча последовала за Смирновым, который уже открыл дверь в гостиную и даже не предоставил мне возможности ответить на его предложение.

Расположение комнат в доме было очень необычным. Создавалось впечатление, что из большой гостиной можно было попасть в ряд маленьких изолированных комнат. Помимо двери в кабинет, две другие двери были закрыты. Смирнов остановился посреди гостиной и посмотрел на меня с шутовской иронией в глазах.

- Ну так что, какую из этих дверей вы хотели бы открыть сначала?

В этот момент я поняла, почему поведение этого человека так меня раздражало. Каким-то образом он точно чувствовал, что основными чертами моего характера были желание свободы и независимости. Он использовал эти качества для своей пользы, когда не оставлял мне свободы выбора, и в то же время использовал эти черты моего характера, чтобы заставить меня играть по его правилам.

- Вы хозяин в доме, а я гость, поэтому я буду следовать за вами.

Он улыбнулся, будто это было единственным ответом, которого он от меня ожидал, и после наигранного короткого замешательства он сделал шаг по направлению к правой двери, находящейся в противоположной стороне от кабинета.

Все это вызвало во мне ощущение некоего предвкушения, и пока я шла за ним в открытую дверь, мне пришлось признать, что его уловки работают. Каким-то образом все это произвело на меня впечатление, поэтому мои ожидания того, что должно было последовать дальше, были острее, чем если бы он просто отвел меня в свою лабораторию.

Когда он открыл дверь и вошел в следующую комнату, все его движения, жесты и осанка претерпели кардинальные изменения. Он практически шел на цыпочках, стараясь не шуметь и не делать резких движений.

Я последовала за ним и вошла в затемненную комнату, в которой по-началу ничего не могла разглядеть. Но когда мои глаза привыкли к темноте, я увидела большое помещение комнаты, которая была по размерам лишь немногим меньше гостиной.

Было сложно сказать, были ли в комнате окна, потому что её стены были завешаны черным бархатом. Два больших зеркала стояли у противоположных стен. Они отражали голубой свет, исходящий от маленьких напольных ламп.

Пересекающиеся лучи, исходящие от разных ламп, освещали два тяжелых деревянных стула, стоящих напротив друг друга, как если бы два человека сидели в них и вели важную беседу. Но вместо двух воображаемых людей я увидела более тревожную картину – женскую фигуру, лежащую между стульями. Голова девушки покоилась на мягкой подушке, лежащей на левом стуле, а ноги опирались на сиденье правого. Все её тело имело опору только в этих двух точках – в районе головы и стоп, и выглядело парящим в воздухе, невесомым и окаменевшим.

Несмотря на то, что в прошлом я бывала на представлениях иллюзионистов, которые проделывали еще более сложные трюки, все же то, что я увидела, вызвало у меня неприятные ощущения. Девушка была очень красивой и очень юной, скорее всего ей еще не было двадцати. её лицо и фигура не были особенно деликатными. Она обладала яркой, румяной красотой, которую можно увидеть у здоровой деревенской девушки, живущей в сельской местности и не испорченной благами цивилизации. У неё были широкие скулы, крепкий нос, хорошо очерченные губы, широкие брови, обрамлявшие закрытые глаза, и копна густых черных волос.

Девушка была одета в розовую футболку и синие обтягивающие джинсы. Она спала спокойным здоровым сном, как будто лежала дома на пуховой перине – расслабленная и уютная. Она напомнила мне героиню русской сказки, которую заколдовал злой волшебник и спрятал её в своем холодном замке только для ему одному известных целей. Будто для того, чтобы усилить мое первое впечатление, Смирнов, приблизившийся к девушке, действительно стал походить на волшебника. Он наклонился над спящей и стал изучать её черты, пытаясь

заметить малейшие изменения. Убедившись, что она спокойна, не двигается, и наш приход не побеспокоил её, Смирнов отошел от неё.

Я сделала несколько шагов и тоже посмотрела на девушку под тем же углом. После этого Смирнов снова наклонился над ней и дотронулся до маленького родимого пятна в середине её левой щеки. Прикосновение его руки было легким, но каким-то образом выглядело так, будто он прикоснулся не только к коже, а утопил указательный палец глубоко в мышцы её лица. В то же время он дотронулся до её лица так, будто поцеловал её своими пальцами. Все это было очень странно. Смирнов сильнее надавил на лицо девушки и она ответила глубоким вздохом, а потом задержала дыхание на какое-то время перед тем, как вернуться к обычному спокойному ритму спящего человека.

Убедившись в том, что все идет как было задумано, Смирнов жестом показал мне, что мы можем выйти из комнаты через другую дверь – противоположную той, через которую мы вошли.

У меня не было возможности рассмотреть девушку поближе, но несмотря на полное отсутствие реакции и глубокий сон, у меня было странное ощущение, что она каким-то образом заметила наше присутствие, особенно мое, будто поняла, что пришел какой-то новый, незнакомый человек, непохожий на Смирнова, которого уже знало её тело.

Перед тем как выйти из комнаты, я заметила, что в углу, за двумя стульями, на которых спала девушка, стояло темно-коричневое пианино. Я подумала, играли ли на этом пианино только для развлечений или оно использовалось для того, чтобы вводить в гипнотический транс людей, которым приходилось пройти через эту комнату и лежать на стульях.

На выходе из комнаты походка Смирнова снова изменилась – он снова вернулся к своей расслабленной, бесшабашной манере. Я не могла не заметить, что находясь в комнате с загипнотизированной девушкой, Смирнов всем своим поведением, заботой и вниманием показывал, насколько важна было для него эта девушка и состояние, в котором она пребывала, и насколько необходимо для него было сохранить это состояние. Он почти забыл о моем присутствии пока наблюдал за девушкой, за изменениями в её состоянии, заметными только ему и понимаемыми только им. Производя все эти действия, он выглядел невероятно сконцентрированным. Наблюдая за тем, как он шел через комнату и как “обменивался информацией” с девушкой я поняла, что все это очень важно для него, что он вложил во все это огромное количество энергии и даже зависим от этого. Я пыталась понять, почему все это настолько важно для него, но не находила ответа.

Мы вошли в другую комнату, которая наконец-то соответствовала описанию Смирнова, - лабораторию. Это была настоящая лаборатория, с тремя пластмассовыми столами, стоящими в ряд у стены. Большие компьютерные мониторы со светящимися экранами стояли на каждом столе. В комнате никого не было. Но звук включенного оборудования и светящиеся голубые экраны создавали впечатление, что компьютеры жили своей собственной жизнью, хорошо знали свое дело и делали его абсолютно без вмешательства человека. Электрические кабели, отходящие от компьютеров, соединялись металлическими зажимами на столе. Вся эта картина напомнила мне кабинет для снятия электроэнцефаллограмм, только более продвинутый, чем те, которые я видела. Как бы в поддержку первого впечатления, я заметила, что у стены стоял узкий черный диван, указывающий на то, что по крайней мере иногда действия, производимые в этой комнате, включали работу с людьми, лежащими на диване.

- Это моя гордость! - заметил Смирнов, указывая на ряд компьютеров. - Достижение всей моей жизни, так сказать! Возможно вам будет интересно узнать больше об этой программе. Люди вашей профессии и... “, - он помедлил, а затем продолжил, - ... вашего типа вполне возможно найдут это интересным. - Он подошел ближе к одному из мониторов, на котором была изображена продолговатая фигура.

- Здесь мы изучаем структуру мозга, надеюсь, что так же получится изучить и структуру ума, - продолжил он. - Мы записываем электрические сигналы мозговой активности, а потом программа анализирует их и показывает структура мозга при его работе.

Наша цель – распознать центр, отвечающий за сознание. Место, где находится внимание, так сказать. Мы считаем, что когда мы это поймем, то наши возможности станут безграничными.

Я посмотрела на экран. В середине идеального овала пульсировали несколько маленьких звездочек, ритмично превращающихся из точек в звездочки и обратно.

- Вы видите точки внимания, зафиксированные ранее. Программа их проанализировала и сохранила. Здесь изображена работа мозга девушки из той комнаты. её зовут Маша. Она работала здесь некоторое время назад, находясь в определенном ментальном состоянии. Это же здорово, что развитие технологий позволило детализировать наши переживания, сохраняя Машин прежний опыт, в то время как она всецело углубилась в другие ментальные сферы. Все это так же невероятно сложно как и перешагнуть за границы времени. И это только начало. Посмотрите-ка сюда, Ольга! Вы не замечаете ничего необычного?

Я посмотрела на экран. Он выглядел необычно, но я не заметила ничего странного.

- Да нет! - ответила я.

- Вы уверены? Посмотрите внимательней.

- Почему вы просто не скажете мне, что вы имеете ввиду, господин Смирнов? Это сэкономит время, и нам не придется переступать через его границы.

Он мягко рассмеялся и по-доброму посмотрел на меня, почти как если бы я была давно потерянным и наконец-то обретенным близким родственником.

- Потому что тогда будет неинтересно. Попробуйте догадаться сама, - сказал он мягким голосом.

Тембр его голоса почти не изменился, но все же оказал на меня некое влияние. Я почувствовала теплую волну предвкушения, вызванную еле заметной мягкостью его голоса, как если бы он пообещал мне рассказать какой-то важный секрет.

- Ольга, в данном случае мы сталкиваемся с самой глубокой тайной нашего существования, с нашей мистической индивидуальностью, с нашим вечным неуловимым Я, которое всегда присутствует, но так и не было понято. Мы тратим огромное количество энергии, чтобы описать индивида и его различные аспекты. Но индивид – это не есть Я, несмотря на то, что нас учили так считать. Это качественно разные концепции. - Он замолчал на некоторое время, а затем продолжил медленно. - Индивид – это облако, и достаточно маленькое, несмотря на наши попытки раздуть его. И это облако плывет над бескрайней землей, называемой умом Homo Sapiens (человека разумного). У этой земли есть цветущие поля и темные леса, пустыни и горы, и маленькое озеро. Это та земля, карту которой я хочу составить с помощью данной программы. - Его взгляд был прикован к экрану компьютера, пока он продолжал говорить.

- Научиться, как рассеивать облако под названием “индивид” и видеть, что остается в конце этого процесса. Это то, чем мы здесь занимаемся. Сердцевина настоящего Я, место, где живет сознание. А теперь вы замечаете что-то необычное?

Его высказывание заставило меня повнимательнее посмотреть на пульсирующий голубой экран. Он будто отобразил слова Смирнова, и я посмотрела на овальную фигуру, заключающую в себе сверкающие звезды, как на нечто, записывающее Машин переживания даже когда её нет рядом.

Я почувствовала, что прикоснулась к тайне, и пережила внутреннее озарение. Через секунду я поняла, о чем спрашивал Смирнов.

- Их несколько! На экране несколько звездочек, хотя Маша в данный момент переживает лишь один внутренний опыт. Вы это имели ввиду? Есть более одного Я! Существует несколько личностей!

- Точно! - согласился он, искренне радуясь моему ответу. Затем он заметил: “Но не каждое переживание отображено на этой картинке. Ни одно из наших ежедневных переживаний не отобразится таким образом. Вне зависимости от того, как много внутренних противоречий, сомнений и болтовни происходит в нашей голове, существует только один доминирующий центр, являющийся центром сознания в данный конкретный момент

времени. То, что Маша переживает здесь, является разновидностью сонного паралича. Такого типа переживания являются частью её внутренней природы, которую я просто помог развить. В момент сонного паралича Маша не может двигаться или говорить. Яркие образы всплывают в её сознании, как если бы она переживала их по-настоящему в реальной жизни. При этом программа регистрирует наличие многочисленных Я. Есть о чем задуматься. - Смирнов выглядел взволнованным, рассказывая все это.

Я подумала о Маше, которая разрешает использовать себя для таких экспериментов, и не могла не задать Смирнову вопроса о том, как она себя чувствует в это время: нравится ли ей это или она испытывает страх?

Услышав мой вопрос, лицо Смирнова расслабилось, и он стал выглядеть закрытым и незаинтересованным. - Вообще-то это достаточно страшно. Но у неё нет выбора. Мы должны это делать, - ответил Смирнов уклончиво и указал на дверь, давая понять, что наше время в этой комнате подошло к концу.

Я последовала за ним, понимая, что больше не добьюсь от него никаких подробностей.

После той комнаты мы сразу пришли в просторную кухню с большим дубовым столом посередине и огромной плитой, на которой стояли несколько кастрюль. Анастасия стояла над кастрюлей с кипящей едой, которая источала изумительных запах. Все это делало этот дом и его обитателей похожими на уютных добрых знакомых, которым можно доверять.

В углу стола сидели двое мужчин, пьющих красное вино из больших бокалов и заедающих его сосисками. Куча сигаретных бычков наполняла чугунную пепельницу, стоящую между ними. Они мельком посмотрели на нас, как только мы вошли, и было очевидно, что присутствие посторонних было обычным делом в этом доме. Больше никто не обращал на меня внимания.

Смирнов жестом предложил мне сесть на другой стороне стола, в противоположном углу от того, где сидели мужчины. Он махнул головой в их направлении и, перед тем как сесть, сказал тихим голосом: Человек слева от меня – Виктор, один из наших лучших операторов. А тот, который справа от вас – наш американский гость из Калифорнии. Его зовут Фил.”- Оба мужчины выглядели очень похожими друг на друга, только Фил напомнил мне Бреда Питта, который неожиданно растерял весь свой лоск, оказавшись перенесенным из Калифорнии в Сибирь, и теперь не знал, что делать. Виктор выглядел так, будто никогда и не имел лоска и ему было все равно.

Виктор посмотрел на меня с живым интересом и неопределенно махнул головой, будто приветствуя меня. Фил вежливо улыбнулся, но тут же, под действие быстрой речи Виктора, вернулся к прерванному разговору.

Фил старался говорить по-русски быстро, чтобы показать, что может не отставать от Виктора и что хорошо владеет русским языком. Но потому, что это было не так, ему приходилось часто останавливаться, чтобы поправить себя или найти нужное слово.

- Итак, Ольга...Что вы обо всем этом думаете? - спросил меня Смирнов, опуская голову так, что его карие глаза оказались на одном уровне с моими. Он смотрел на меня не моргая, с лицом, по которому невозможно было понять его мысли.

- Что я думаю о чем?

- О нашем месте, нашей работе, наших людях? Вы вообще что-то об этом думаете? - его вопросы звучали как бы про между прочим.

- Мне кажется, что я еще не все видела, чтобы делать какие-то выводы. Очевидно, что это необычное место, и люди здесь достаточно интересные. Но я понятия не имею о том, чем вы здесь занимаетесь.

Я заметила, что Виктор, который сидел на противоположной стороне стола, слева от Смирнова, быстро посмотрел на меня. Я поняла, что каким-то образом он услышал мой ответ. Его взгляд остановился на мне только долю секунды, потом Виктор вернулся к своему разговору с Филом.

- Мы занимаемся разными вещами, - продолжил Смирнов тихим голосом. Мы помогаем людям выздороветь.

- Звучит многообещающе. Это именно то, чем я тоже пытаюсь заниматься. Поэтому расскажите мне, что же делаете вы.

Он замолчал на какое-то время, все еще не отрывая от меня глаз. И хотя его взгляд был нацелен на то, чтобы заставить меня почувствовать себя неловко, на удивление я ощущала себя спокойно. - Мне кажется, что я уже привыкла к его стилю поведения, - подумала я.

- Вы видели Машу в той комнате?

- Было сложно её не заметить.

- Она исключительно талантливая девушка, которая бы пропала без нас. Если бы не мы и не та поддержка, которую мы ей здесь оказываем, то скорее всего она бы уже лежала пьяная где-нибудь на вокзале, изнасилованная бомжами, скорее всего больная, и думающая о том, как бы побыстрее закончить свою бесполезную жизнь.

- Значит, лежать на стульях – это психотерапия, так? - спросила я Смирнова, хотя понимала, что мне будет очень сложно в это поверить.

- Нет, не терапия, - ответил Смирнов, подтверждая мои предположения. - Она работает на меня. Она выполняет определенную работу, которая также может оказать некоторый терапевтический эффект, но в данном случае цель у Маши другая. Что я пытаюсь сказать, это то, что просто находясь с нами, являясь частью нашей группы, разделяя наши цели и стремления, она излечивается. И поверьте мне, ей действительно нужно излечиться от всех тех шрамов, которые, хотя и невидимы, покрывают её тело и душу.

Я заметила, как Виктор опять бросил на нас взгляд, все еще разговаривая со своим собеседником. В тот момент, когда я встретилась с ним взглядом, я услышала, как он сказал: "Ты абсолютно прав. Это наша цель и наша миссия. И мы считаем, что можем найти на другой стороне океана очень интересных партнеров, которые также разделяют наши цели и идеи и будут очень заинтересованы в наших результатах".

Я не услышала, что ответил Фил, так как Смирнов продолжил говорить.

- Идея заключается в том, чтобы расположить людей к себе и исцелить их, чтобы они начали помогать еще большим группам людей. Мы в основном работаем с человеческим восприятием, пытаемся расшифровать шаблоны, в которые оно укладывается, и стараемся улучшить эти шаблоны. Мы используем для этого разные инструменты, как физические, так и психологические. В случае с Машей, я пытаюсь устранить вред, который причинила ей её семья. Она рассказала мне о вещах, о которых никому никогда не рассказывала. Она рассказала, через что ей пришлось пройти, и о вещах, которые до конца даже не осознавала, пока однажды не рассказала мне все во время нашего разговора. И теперь она здесь – одаренный помощник, удовлетворенная и уверенная в себе девушка, с таким запасом энергии, о котором другие только могут мечтать. Это ли не чудесная трансформация?

- Я надеюсь.

- Вы сомневаетесь?

- Нет, я не сомневаюсь. - Я услышала восторженный ответ Фила, будто он слышал вопрос Смирнова. Но когда я посмотрела на Фила, то оказалось, что он продолжал свой разговор с Виктором.

- У меня нет никаких сомнений, - повторил Фил. - Я знаю... Я знаю, что ты прав...прав в данном случае. Я просто хочу узнать, почему ты не показываешь больше? Почему ты не покажешь мне больше, чтобы я стал лучше тебя понимать? - его голос звучал неуверенно и его русский стал ухудшаться, пока он говорил.

- Почему вы не расскажете мне больше? - спросила я Смирнова.

- Я расскажу вам все, что вы хотите знать. Вы сами-то можете сформулировать, что действительно хотите знать?

- Хорошо, для чего существует это место? Это лечебное учреждение или научно-исследовательских центр? Или же вы общественная организация?

- Мы являемся всем из вышеперечисленного. Все это мы делаем довольно эффективно.

После короткой паузы он продолжил: “Почему бы вам не прийти к нам еще пару раз, а может быть, даже поучаствовать в некоторых наших мероприятиях, чтобы убедиться, насколько эффективна наша помощь, и насколько эффективной можете быть вы, если будете работать с нами”.

- Спасибо. Но если честно, то мне не очень нравится эта идея. Я скорее всего смогла бы найти подходящее объяснение для своего ответа. И я понимаю, что, наверное, это невежливо – говорить человеку, который пригласил тебя в гости, что вы чувствуете себя не очень комфортно в роли гостя, но это правда. Хочу быть абсолютно откровенной с вами, господин Смирнов. Я ценю ваше приглашение, и то, что вы показали мне, чем занимаетесь здесь, но я не вижу для себя возможности быть вовлеченной в вашу работу и проекты.

- Некоторые люди боятся излечиться. Вы ведь знаете об этом, так?

- Конечно. Но это не мой случай. Я просто не чувствую себя комфортно в данной ситуации. Вот и все. Больше ничего. Кроме того, я не думаю, что мне есть, от чего излечиваться.

- Вы уверены?

- Ты привыкнешь ко всему, что здесь происходит, - сказал Виктор, который все еще продолжал говорить. Эта фраза прозвучала так странно, будто он ответил на мой вопрос. Но когда я посмотрела на Виктора, то обнаружила, что он все еще говорил с Филом.

- Дело не в том, чувствую я себя комфортно или нет, - быстро прервал Фил собеседника. - Все дело в том, что я пытаюсь понять, как ты живешь, как ты работаешь, как ты себя ощущаешь, и что тебя окружает. Ты знаешь, я не дружу с финансами и не умею налаживать контакты. Все эти бизнес-штучки – это то, от чего я пытался убежать. Но ради бога, несмотря на все это я здесь, в Сибири, доверчивый и открытый, а ты пытаешься вешать мне на уши ту же лапшу, от которой меня тошнило в Калифорнии. - Русский Фила ухудшался с каждой фразой, поэтому свои последние предложения он выпалил на своем родном английском.

- Ок, расслабься, расслабься! - это был Смирнов, который заговорил с Филом на прекрасном английском.

- Опыт – это самое главное здесь. Ты это знаешь. Здесь, в Сибири, ты нашел хороших друзей, и ты получишь именно тот опыт, за которым сюда приехал. Мы тебе ничего не навязываем. Это не наш стиль.

Внезапно я почувствовала, что больше не хочу продолжать этот разговор. Я знала, что могла бы задать Смирнову много практических вопросов, но неожиданно, совершенно без причины, я почувствовала такую усталость, что мне больше не хотелось здесь оставаться. Я захотела уйти как можно быстрее. Смирнов, который, скорее всего, разгадал мои мысли, заговорил с женой, которая все еще продолжала готовить. Они говорили тихо, но я чувствовала, что они обсуждали меня и Фила. Они говорили про какого-то “важного гостя”, который должен был приехать сегодня. Этот гость прилетал откуда-то из Центральной Азии, и Смирнов был очень рад, что наконец-то встретится с ним. Очевидно, что Смирнов потратил много времени, пытаясь связаться с этим человеком в Узбекистане, и в конце концов понял тщетность своих попыток разыскать его. Но каким-то образом этот человек сам связался со Смирновым и предложил самому приехать в Новосибирск. Было видно, что Смирнов и Анастасия ожидали его визита и воспринимали его как нечто экстраординарное.

- Несмотря на то, что я не встречал его раньше, я слышал потрясающие вещи о нем и его группе. Парень должен быть гением, а его работа – чистой воды целительство. Я уверен, вы были бы рады с ним познакомиться, - эта последняя фраза была адресована мне.

Но каким-то образом мне не понравилась перспектива и дольше здесь оставаться. Мне и в самом начале не нравилась идея прийти сюда. Я чувствовала, что мои ожидания не оправдались. Побывав здесь, я не открыла для себя ничего нового. Моя недавняя тревога, источник которой я пыталась найти, придя сюда, только усилилась, а не исчезла. И после

пары часов, которые я провела в его доме, Смирнов уже не казался таким таинственным. Я собралась уходить. Они не пытались настаивать на том, чтобы я задержалась.

Я попрощалась и вышла из кухни. Виктор закончил свой разговор с Филом и по просьбе Смирнова проводил меня до входной двери. Без присутствия Смирнова Виктор казался более расслабленным, менее напыщенным, и выглядел моложе, чем я вначале думала. Он был похож на высоко, взрослого мальчика, который все еще продолжал играть в воображаемые детские игры даже после того, как получил статус взрослого человека.

Он молчал, пока мы не подошли ко входной двери. Но перед тем, как я открыла дверь, собираясь уходить, Виктор схватил меня за рукав, вперился в меня глазами с подростковой прямоотой и быстро сказал, не прерываясь: “Ольга, вы знаете, или когда-либо чувствовали, что когда смотрите некоторое время прямо на солнце (смотрите прямо в середину, пока все в голове не краснеет, а солнечный диск не чернеет), то если закроете глаза, солнечный диск начинает пульсировать и приближаться? И что если вы остаетесь неподвижной, совершенно-совершенно неподвижной, то начинаете слышать шум, будто открываются ворота, и вы входите и можете кататься на лошадях по поверхности солнца и делать все, что захотите?”

- Он что, дает наркотики этим ребятам? - подумала я, выходя из дома, так и не ответив на странный вопрос Виктора.

Эта мысль заставила меня вспомнить Машу, её неподвижное и незащищенное тело, лежащее между стульями. Я чувствовала, будто почти знаю её, хотя была уверена, что никогда её не встречала. У меня было странно чувство, будто было опасно оставлять её в той закрытой, задрапированной бархатом комнате, и что я была ответственна за то, что оставила её там в опасности и ничего для неё не сделала.

Я испытывала странное чувство вины, идя назад по снегу к автобусной остановке. Я медленно шла по заснеженной дорожке. Неожиданно новая белая Тойота резко свернула с главной дороги и понеслась на меня, двигаясь по направлению к дому. Машина ехала очень легко, не как по заваленному снегом сибирскому тракту, а как по абсолютно чистой дороге.

Тойота ехала быстро, и мне пришлось отпрыгнуть на обочину, чтобы дать машине проехать. У меня лишь хватило времени, чтобы заметить, что в машине сидело много людей, по меньшей мере человек пять. Я не видела их лиц, но один мужчина сидел у окна и смотрел прямо на меня, когда машина пронеслась мимо. Я разглядела его лицо в деталях. Это было азиатское лицо с загорелой кожей, казавшейся еще более темной из-за длинной бороды, и с большими миндалевидными глазами; на голове у него был высокий белый тюрбан из шелка. Я видела его лицо за стеклом машины только пару секунд, но он взглянул на меня в упор. Он смотрел ВГЛУБЬ меня, и я увидела такой отпечаток божественного присутствия в его глазах, что его образ вселился в меня и оставался со мной всю дорогу назад, как будто он ехал со мной домой в пустом автобусе. Я была уверена, что это был тот человек, которого ожидал Смирнов. В тот момент я не оценила значимости его присутствия. Меня просто поразили его экзотический внешний вид, и я вскоре забыла о нем до дальнейших событий.

Глава 3

Маша, та загипнотизированная девушка из странного дома Смирнова, сидела напротив меня, ища глазами пепельницу. Она вела себя в моем кабинете так, будто он был одним из её домов, или, по крайней мере, скоро им станет. Я была рада её видеть. Пока я за ней наблюдала, ощущение узнавания усилилось, неся с собой чувство тревоги от чего-то, что я пыталась вспомнить, но не могла.

- Ну привет! - сказала она с самой удивительной улыбкой, которую только можно было представить. Я могла поклясться, что она тренировала эту улыбку годами – так естественно она выглядела в своей детской непосредственности.

- Оказалось, что я пришла вовремя, чтобы застать вас. - Она махнула головой в сторону моей сумки, которую я бросила на пол.

- В тот момент, когда Маша увидела пепельницу на другом столе, она неожиданно передумала. Ей перехотелось курить без какой-то очевидной причины, и она положила свою сигарету в нагрудной карман коричневой кожаной куртки.

Тяжесть её черт компенсировалась глазами: темно-коричневыми, хитрыми, и выдававшими гораздо больше жизненного опыта, чем можно было ожидать от человека её возраста. Было очень приятно находиться с её обществе. Она сразу же создавала впечатление открытой, общительной, доброй девушки – прямой и незащищенной. Она выглядела как человек жизнерадостный, но в то же время нуждающийся в заботе и защите, потому что была слишком уязвима в своей открытости. Наличие слишком большого опыта в её глазах выдавало, что она была не совсем тем человеком, которого пыталась изображать. Но что еще скрывалось за этим милым притворством?

Мне даже не хотелось гадать, потому что интуитивно я понимала, что Маша забаррикадировала свой внутренний мир не только с помощью улыбки милой девушки, но и с помощью уловок, которые она для себя создала, и которые будет безжалостно использовать против любого, кто попытается проникнуть на запретную территорию. Я чувствовала, что это была территория, связанная со Смирновым, что оттуда он управлял Машей. Именно из-за этого предположения, подсказанного мне интуицией, мне не очень-то хотелось анализировать Машины скрытые стороны. В данный момент мне было достаточно того, что она была веселой, динамичной женщиной-ребенком.

- Я пришла, чтобы пригласить вас в нашу лабораторию, - сказала Маша, глядя на меня с наивным выражением в карих глазах. - Я им сказала, что вы не откажетесь, - добавила она после короткой паузы. Для меня было достаточно тех нескольких фраз, которые она произнесла, чтобы я начала разговаривать с ней, как с ребенком. Она каким-то образом добилась этого с помощью своего голоса, своей интонации, и чересчур расслабленной позой. её брови были приподняты будто в ожидании ответа, а лицо выглядело готовым изобразить беспокойство. Конечно же никому бы не пришло в голову обидеть чувства такой хорошей, добросердечной, но неуверенной в себе девушки.

- Маша, ... пожалуйста! - сказала я так, будто знала её много лет. Она сразу поняла меня и так быстро поменяла выражение лица, будто оно было сделано из эластичного материала, а мои слова были той силой, которая могла изменить его форму. У меня не было никакого желания снова идти в тот дом.

- Ну ладно! Seriously! Мы разослали приглашения некоторым людям. Но это будет закрытое мероприятие. Смирнов послал меня, чтобы передать вам приглашение, потому что вы сказали, что вас интересует целительство, - сказала она и оглядела мой кабинет.

- Сегодня вечером Владимир читает свою последнюю лекцию перед возвращением с группой в Самарканд. Когда Смирнов сказал, что этот парень – гений, то я подумала, что это его новая уловка. Я не могла поверить, что он это серьезно, потому что я раньше никогда не слышала, чтобы он использовал эпитет “гениальный” в отношении кого бы то ни было. Но Смирнов был решительно настроен работать с Владимиром, а Владимир действительно гений! Исцеление, которые он провел в нашей лаборатории, было поразительным. Он может делать вещи, которых я никогда раньше не видела. А я видела достаточно, поверьте мне! - Я ей верила.

- Владимир когда-нибудь работал с теми компьютерами, которые я видела в вашей лаборатории? - спросила я Машу, будучи уверенной, что могу говорить с ней прямо.

- Компьютеры? Вы их видели, да? Я называю все эти картинки на экране “автопортретами”. Вы с ними работали? - она задала этот вопрос с намеком на зависть, будто беспокоилась о том, что кто-то другой может занять её место, пусть даже ненадолго.

- Нет, не работала, - ответила я спокойно и стала ждать, что она скажет.

- Мне кажется, что Владимир видел компьютеры. Я больше чем уверена, что Смирнов прочитал вам лекцию в той комнате о маленьком облаке нашей индивидуальности? - её слова звучали с иронией.

В подтверждение я молча махнула головой.

- Вы этому поверили?

- Поверила чему? Он просто использовал метафору. Метафора – это не то, чему можно верить или нет. Это просто символ. - Я не могла понять, к чему она клонит.

- Вы поверили тому, что в этом и заключалась цель Смирнова – рассеять это облако индивидуальности и обрести понимание настоящего Я? Вам повезло, если вы поверили. Я часто слышала эту метафору. Когда я услышала её в третий раз, я сказала себе: “Он бы не стал повторять это так часто, если бы действительно в это верил”. А потом я посмотрела на него повнимательнее и поняла: единственное, что Смирнов пытается найти в той комнате, абсолютно противоположно тому, что он заявляет. Он запросто может отбросить индивидуальность – мою или любого другого человека. Но не свою!

- Чем он занят сейчас, так это поисками того, как законсервировать свою индивидуальность как можно дольше. Он в ужасе от неизбежности смерти. Смирнов притворяется терпеливым, но в реальности он в отчаянии. Он ищет бессмертия и сделает все, чтобы найти ключ к спасению своей личной индивидуальности. Именно поэтому приезд Владимира так важен для Смирнова. Из того, что он слышал о Владимире от людей, которые встречались с ним раньше, Смирнов верит, что у Владимира есть ключ к бессмертию, или что он знает, где этот ключ спрятан. Из-за этого он воспринимает Владимира очень серьезно. Ну что, вы пойдете на лекцию? - она неожиданно вернулась к своему изначальному вопросу.

Я посмотрела на неё с улыбкой, не зная, что сказать.

- Вы должны пойти, Ольга! Я им сказала, что вы не сможете отклонить приглашение. Смирнов настаивал на том, чтобы вы пришли. Как вы уже догадались, он не часто посылает меня разносить приглашения. Кроме того, я приехала на машине и могу вас подвезти, а потом, после лекции, отвезу вас домой, так что вам не придется стоять в переполненном автобусе.

Я не могла отклонить такое предложение. В тот же момент я почувствовала, насколько устала после суматошной ночи в больнице. Ехать на машине, а не на автобусе, было так здорово, что лаборатория Смирнова казалась пустяком.

Поэтому мы вернулись в город на Машином джипе. У неё была машина, которую в то время могли себе позволить только очень богатые люди.

Маша была сумасшедшим водителем – она обгоняла другие машины на заснеженной дороге настолько грубо, что это выглядело так, будто она сводила счеты с каждым встречным водителем.

Несмотря на это мы все же опоздали. Когда мы вошли в знакомый дом, лекция уже началась, и в гостиной было полно народу. Люди сидели в середине комнаты, на полу у стен, а некоторые уютно устроились на подоконниках. Несмотря на то, что комната была полна людей, ко мне вернулось первоначальное впечатление о том, что комната была большой, но пустой.

Владимир стоял напротив входной двери на том же месте, где в первый раз стоял Смирнов, когда я пришла в этот дом. Золотистые занавески, которых не было в мой первый приход, закрывали большие окна, и комнату освещал мягкий свет. Владимир прервался, когда вошли я и Маша, и молчал до тех пор, пока мы не нашли место, чтобы сесть.

Это был тот же мужчина, которого я видела за стеклом белой Тойоты. На нем был тот же белый тюрбан, в котором я его видела раньше. Он пристально смотрел на меня, при этом в его взгляде не было того напряжения, которое проскальзывало у Смирнова в нашу первую встречу. Его глаза были сосредоточены на мне, но я не ощущала в них желания поразить или повлиять на меня. Владимир просто общался со мной в своей очень убедительной манере, а я при этом чувствовала себя вполне комфортно.

Сразу после того, как мы сели, Владимир продолжил лекцию. Говорил он с необычным акцентом, вызванным больше темпом его речи, нежели особенностью произношения.

Я наклонилась к Маше и прошептала: “Как называется его лекция?”

- Исцеление духов травмы.

Поза Владимира была изысканной. Он почти не двигался, но, несмотря на это, его фигура, одетая в полностью застегнутый голубой шелковый костюм, была элегантной и полной энергии.

- Вы знаете, я много путешествовал. Единственное, что восхищало меня везде, где бы я ни был, это одна вещь, общая для всех — каждый человек на этой планете хочет быть счастливым. Еще одна общая черта между нами это то, что для большинства людей очень трудно достичь счастья. Люди и до меня пытались понять, почему же так происходит. Мой ответ несколько отличается от того, что говорили другие. То, чем я хочу с вами поделиться, не является моим персональным открытием. Я отношусь к группе людей, следующих определенной традиции целительства. Как я вам уже говорил, это очень древняя традиция. Моя главная цель сегодня — приоткрыть вам основные принципы нашей работы. Насколько я понимаю, все люди, собравшиеся в этой комнате, имеют то или иное отношение к практике целительства.

- Основываясь на своих убеждениях и опыте, можете вы мне сказать, что является источником несчастий и страданий в мире?

Волна возбуждения пробежала по аудитории. Я посмотрела вокруг и увидела, что здесь в основном собралась молодежь, хотя я и заметила несколько пожилых людей академического типа, сидящих на первом ряду. Люди поглядывали друг на друга, ожидая, чтобы кто-то ответил. А затем я услышала Машин тихий голос, произнесший со смешком: “Зло”?

Владимир тут же посмотрел на неё с необыкновенным вниманием, которое я заметила в его глазах раньше, и продолжил: “Когда вы говорите “зло”, то это веское замечание. Но это также и отдаляет вас от источника. Это как будто вы себя отрезаете, отрезаете все, что есть в вас хорошего, от природы зла, и думаете, что при этом можете достичь защиты и исцеления.

- В реальности все как раз наоборот. Когда вы отдаляете себя от источника страданий, когда считаете, что это является противоположностью того, чем вы хотите быть (я предполагаю, что вы все хотите быть хорошими, ведь так?), то теряете шанс все изменить. Потому что это страдание продолжает жить в вас, является частью вас, заставляет вас действовать определенным образом, но вы этого не видите, поэтому остаетесь в блаженном неведении и продолжаете страдать.

- Мы называем источник несчастий и болезней “травмой”. И мы верим, что живые воплощения травм сидят в нас всех. В нашей традиции мы называем их “духами травмы”. Когда что-то причиняет вам боль, и вы не до конца принимаете это как часть вашей истории, вы создаете пробел в своей памяти. В этот пробел, когда боль невыносима или постоянно повторяется, поселяется дух травмы. Нет нужды представлять себе каких-то примитивных чудовищ, которые хватают вас и пьют вашу кровь”. - Волна легкого смеха прошла по аудитории.

- Вы можете описать это в терминах нейрокогнитивной науки, если вам больше нравится термин “нейромедиатор”, а не “ночные чудовища”. Вы можете называть их добавочными объектами; вы можете описать их как неинтегрированные образы; вы можете использовать любой язык и метафоры, которые вам нравятся. Все это неважно. Что важно, так это процесс. Внутренний душевный ПРОЦЕСС, который часто охватывает поколения посредством наследования уже сформированных травматических установок, может быть идущих из далекого-далекого прошлого, когда одному из ваших предков пришлось пройти через невыносимую боль.

- Человеческие гены намного более пластичны, чем мы думаем. Они обладают способностью не только действовать, но и осознавать. Когда боль достигает уровня генов, гены начинают работать по-другому и искажают память, не позволяя ей стать всеобъемлющей. Тогда и появляется пробел в памяти, и дух травмы поселяется в этом пробеле, скрытый от нашего сознания.

- Это дух травмы дает о себе знать, когда человек, у которого замечательная семья, устроенная жизнь, эмоциональная гармония, в один не очень прекрасный день, ни с того ни с

сего, просыпается утром, пишет жене прощальную записку, целует своего одиннадцатилетнего сына и идет на кладбище с бритвой в кармане. И на могиле своего отца, который повесился, когда этому мужчине тоже было одиннадцать лет, перерезает себе горло. Порез настолько глубокий, что когда милиция находит нашего героя, то вся могила уже пропитана кровью, и требуется медицинское чудо, чтобы вернуть его к жизни. А когда он приходит в себя, то даже не может объяснить, что произошло. Он понятия не имеет, как это случилось, только помнит, что так жалел своего отца, что захотел оказаться вместе с ним.

- То, о чем я рассказал, - это экстремальный случай. Но знаете что? Вы себе и не представляете, насколько глубокими могут быть трагедии семьи, оставшиеся в родовой памяти. Люди учатся прятать эти травмы от себя и от своих детей. Люди играют в прятки с духами травмы. И что вы думаете? Чаще всего они проигрывают, потому что даже если они уже ничего не помнят, их гены – эти безотказные ячейки памяти – помнят, и боль живет, пока вы её не исцелите.

- Тот же самый механизм работает и с менее важными вещами. Мы начинаем накапливать личные обиды в корзинку своей памяти, как только рождаемся на свет. Все это продолжается в соответствии с дарвиновским постулатом о том, что выживает сильнейший, но это также распространяется и на духовную реальность. Каждое существо пытается выжить. Это же относится и к духам травмы. Им нужно “есть”. Они всегда голодны. Они создают сами себе “пищу”, генерируя больше и больше боли. Почему существует такой парадокс, что жертвы жестокого обращения сами становятся мучителями? Это же нелогично, но абсолютно разумно для духов травмы – вырасти в жертвах жестокости через страдания и подкармливать себя, воссоздавая те же страдания. Я думаю, что вы об этом знаете на своем опыте.

- Сколько из вас делали что-то в жизни, о чем потом сожалели; понимали, что делаете не лучший выбор, но все же делали его, а потом расхлебывали неприятные последствия? Могу поклясться, что вы знаете, о чем я говорю. “Я понятия не имею, почему так поступил”, - я часто слышу эту фразу, и, скорее всего, вы тоже её слышите от людей, с которыми работаете. Вы понятия не имеет, почему сделали то, а не другое, потому что изначальный импульс был поддержан духом травмы. Вы даже об этом не подозреваете, поэтому слепо ему следуете и все заканчивается тем, что вы причиняете себе боль.

- Мы практикуем духовное знание, которое признает духи травмы и пытается их завоевать, используя определенные техники. Существуют разные духи травмы. Это зависит от возраста человека и природы причиненной травмы. Следующим логичным вопросом будет “ну и что”?

- Люди приспосабливаются, находят собственный способ выживания, поэтому зачем заглядывать так глубоко? Правильно?

Несколько голов в аудитории закивали утвердительно.

- Неправильно! Неправильные вопросы. Существуют 3 главных причины, почему ДЛЯ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА жизненно необходимо выиграть в битве с духами травмы. Во-первых, потому что победа над ними приносит глубокое исцеление, устраняет несчастье, и излечивает болезни. Болезни – это способы, с помощью которых организм пытается сражаться с травмами самостоятельно. Очень часто я встречал людей, которые заболели и искали помощи и исцеления в определенный период их жизни – в период, когда в человеке с неполной духовной памятью активизируется дух травмы. Вот почему так много исцелений происходит, когда вы выкорчевываете корень травмы.

- Во-вторых, в нашей традиции мы верим, что все, что мы делаем, непосредственно отражается на поколениях до нас и после нас. Когда вы сами освобождаетесь от травмы, вы излечиваете не только своих предков, но и поколения после вас. Я видел много людей, которые начинали работать над своими травмами и искать помощи, когда их дети достигали именно того возраста, когда они сами испытали страдания. Помните мужчину, который перерезал себе горло на кладбище? Его сыну было 11 лет. Это был его шанс излечить целый род, спасти предков и защитить потомков. Это был его шанс, чтобы стать героем.

- Вопрос! - выкрикнул голос из аудитории. Владимир обернулся в сторону говорившего и сделал паузу, ожидая вопроса. Когда я тоже посмотрела в ту сторону, то узнала Фила. Он сидел на полу рядом с Виктором. Фил выглядел намного более расслабленным и счастливым, чем в первый раз, когда я его видела.

- Американские индейцы верят, что наши действия влияют на благополучие семи поколений до нас и семи поколений после нас. Вы считаете, что это та же самая концепция?

- Я не думаю, что это концепция! - сказал Владимир и в первый раз улыбнулся. У него была такая открытая и обезоруживающая улыбка, что он сразу же завоевал аудиторию. - Это не концепция. Это образ жизни, позволяющий чувствовать ограничения и запреты. Все это относится к тому, что вы изначально понимаете как "Я". Все знания ведут к этому пониманию. Но как и с любым знанием, правда заключается в том, что вы не можете его получить, просто решив, что хотите этого. Вы должны испытать это знание на своей шкуре.

- Все вы, сидящие в этой комнате, приобрели свой опыт идя собственным, неповторимым путем. Несмотря на это, этот ваш предыдущий опыт привел вас сегодня вечером сюда для того, чтобы вы смогли получить новое знание. Я верю, что без своего предыдущего опыта, подготовившего вас, вы бы здесь не появились. У вас бы сломалась машина, позвонила бы подруга и т.д. Это также относится и к тем, кто вообще не планировал сюда приходить и как будто оказался здесь случайно. Поверьте мне, это не было случайностью. Это был ваш опыт, который пытается трансформироваться в знание.

После того как Владимир произнес последнюю фразу, я почувствовала знакомое ощущение "бабочек в животе".

- И потом "семь" - это очень хорошее число. Если честно, то мое любимое. Спасибо, что вы об этом упомянули. - Владимир махнул своим высоким тюрбаном в сторону Фила. Когда я тоже посмотрела в сторону Фила, то заметила Смирнова, который стоял у стены, за рядами людей, сидящих на стульях. Его взгляд был прикован к Владимиру. Лицо Смирнова было серьезным и сконцентрированным, и было ясно, что он воспринимал Владимира как непререкаемый авторитет, хотя и не привык это делать. Я вспомнила Машины слова и подумала, что она, скорее всего, была права по поводу его мотивации.

- И в-третьих, сказал Владимир, продолжая свою речь, - я хочу поговорить про смерть. Это не тот предмет, который большинство людей любят обсуждать. Вы знаете почему? Из-за страха, который мы все испытываем. Говорят, что это страх неизвестного. Я бы сказал, что это страх ИЗВЕСТНОГО, но не понятого сознанием. В течение нашей жизни травмы, которые мы переживаем, остаются в нас в виде болезненных узлов, которые завязываются еще сильнее духами травмы. Если мы не сможем развязать эти узлы во время своей жизни, то нам придется это сделать уже после смерти нашего физического тела. Не важно, верим ли мы в загробную жизнь или нет.

- Вспомните многочисленные свидетельства того, что переживания, испытываемые во время клинической смерти, - это просто реакция угасающей функции головного мозга, которая играет в игры с умирающим сознанием. Для вас имеет значение, если те пару минут во время перехода от жизни к смерти становятся бесконечностью, проведенной в персональной аду? Я не думаю.

- Единственное, чему вы должны поверить, это то, что после смерти восприятие времени меняется кардинально. Умереть – это по-сути шагнуть в само время. А уж там нужно быть подготовленным. Есть много свидетельств о свете, счастье и гармонии в первые мгновения после физической смерти. Но это только начало. Есть также описания того, что происходит потом, но эта информация не так широко распространена. Злобные, злонамеренные духи приходят следующими. Они приходят, чтобы пить вашу кровь и мучить вас всеми возможными способами, но они являются ВАШИМИ СОБСТВЕННЫМИ духами травмы. Они будут вас мучить до тех пор, пока вы не развяжете узлы в вашей памяти и не освободитесь. Повторюсь, не имеет значения, верите ли вы в загробную жизнь, или нет. Я говорю о субъективном психологическом процессе перестройки вашей памяти. Будет ли

иметь для вас значение, произойдет это в течение нескольких минут после смерти или, как вам будет казаться, в течение веков бесконечных попыток?

- Вы сейчас говорите о злых духах из Тибетской Книги Мертвых? - спросил женский голос с заднего ряда.

Некоторые присутствующие обернулись, чтобы посмотреть на говорившую, но в их взглядах не было никакого конкретного любопытства. Каким-то образом Владимиру удалось создать такую интимную атмосферу в комнате, что мы все почувствовали себя связанными друг с другом. Любой вопрос в данной ситуации звучал бы как вопрос от целой группы, поэтому было не важно, кто его задал.

- Нет, я не имел ввиду ту книгу. Вы имели её ввиду. Но раз уж вы спросили, я соглашусь, что Тибетская Книга Мертвых является самым распространенным описанием духов травмы. Это очень сильная книга, но она была создана внутри определенной культурной цивилизации, которая достаточно отличается от вашей культурной цивилизации и от вас лично. Вы так не думаете? А сейчас я попытаюсь описать все это применительно к вам лично.

- Давайте поговорим о вашей русской культуре. Она по своей сути христианская, несмотря на многие годы насаждаемого атеизма. В христианстве существует своя собственная “книга мертвых”. Вы просто никогда не задумывались о том, что такая книга есть. Это Книга Откровений, Апокалипсис, христианский аналог Тибетской Книги Мертвых или Египетской Книги Мертвых. Они описывают тот же самый процесс, только другими словами. Апокалипсис – это не массовое событие, а глубоко индивидуальное. Когда придет время, семь печатей будут сняты с каждого из вас, и тогда вы лицом к лицу встретитесь со своими духами травмы.

- Многие из вас наверное думают, что данный предмет далек от ваших интересов. Многих из вас привлекает магия, и вы думаете, что в ней вы найдете силу и знания, которые изменят вашу жизнь раз и навсегда. Кто захочет думать о смерти, когда вокруг столько волнующих секретов, которые нам предлагает жизнь?

- Кстати, люди, близкие к настоящей магии, думают и о смерти и о том, что после неё, потому что знают, что большинство секретов в этой жизни разрешаются за счет способности управлять тем пространством, которое существует после смерти. Древние египтяне – это те люди, которые по всеобщему мнению ближе всех проникли в область магии. До сих пор они не перестают нас удивлять. С потрясающей регулярностью они продолжают внедрять свои архаичные образы в наше современное сознание, а наше современное сознание все еще остается загипнотизированным силой их магии.

Я посмотрела налево и увидела Смирнова на том же самом месте, застывшем у стены. Его сосредоточенные глаза выглядели абсолютно черными и очень контрастировали с необычной бледностью его лица. Во время лекции Владимир не смотрел прямо на Смирнова, но я чувствовала, что от него не ускользнуло, как внимательно слушал его Смирнов. Как будто невидимый, но очень интенсивный обмен информацией происходил между ними, пока Владимир говорил.

- Когда я рассказываю вам про египетскую магию, я знаю, о чем говорю. Их знание вышло из того же опыта, что и у нас в Самарканде. Только наше опережает их. Знание Древнего Египта распространялось через века, в то время как наше оставалось сакральным и недоступным для непосвященных. Но я точно знаю, о чем говорю. Весь пласт египетской магии основан на попытках объяснить тайну главного перехода – оставление физического тела. Кто-то подумает, что это все, конец. Но для египтянина это только НАЧАЛО. Определяющие переживания загробной жизни и связанные с ней битвы за выживание были вершиной существования каждого человека. Именно потому что ставки были так высоки, само существование человека было под вопросом.

- Короче говоря, чтобы выжить в загробной жизни, человек должен был запрыгнуть на лодку бога солнца Ра. Каждую ночь его лодка проплывает через Дуат – другую сторону реальности, перед тем, как на рассвете приплыть назад в этот мир. В той другой реальности

вам нужно остаться невредимым и пройти через все ночные ворота так, чтобы не быть уничтоженными и проглоченными стражей. А стражники не дураки. Они хорошо знали свою работу. Они жаждали вашей крови и вашего уничтожения.

- Единственный способ пройти через ворота, которые они охраняют, это посмотреть в их замаскированные лица и сказать: “Я знаю тебя. Я знаю твое имя”. Если вы это сделаете, то им придется вас пропустить. Не сможете – и они разорвут вас на части и выпьют вашу кровь. Если вы узнаете их имена, то тогда вы спасены от второй смерти, от забвения, и ваше существование будет продолжаться. О чем я говорю?

- Есть догадки? Я надеюсь, что на данном этапе нашей лекции вы догадаетесь, о ком я говорю? О духах травмы, конечно. О порождениях нашего духа, манифестациях наших обид и страданий, которые мы аккумулировали за свою жизнь, и от которых у нас не было шанса избавиться. Что же мы можем с этим сделать?

- Ну вообще-то мы можем подготовиться. Познакомить вас с практическими приемами излечения духов травмы не является целью данной лекции. Это следующий этап, поэтому ваш дальнейший опыт должен привести вас к этому знанию.

- Единственное, что я могу вам сейчас сказать, это то, что внутри нас находится пространство, где может происходить работа по исцелению, и она происходит – все время и для каждого из нас, даже если мы об этом и не подозреваем. Пространство, о котором я говорю, – это пространство наших снов, созданное, чтобы защищать нас и исцелять от травм и их духов. Это территория, в которой начинается магия.

- Именно поэтому нас называют “сновидящими целителями”, потому что мы работаем в области снов. Таким образом мы запускаем процесс изменений и трансформации. Мы работаем с реинтеграцией памяти в человеческие сны и не позволяем духам травмы продолжать существовать в памяти, когда она исцеляется. Мы учим обрести способность посмотреть в лицо вашим травмам и сказать: “Я знаю тебя. Я знаю твое имя” - и эти травмы больше не смогут причинить вам вред. Требуются годы интенсивной практики, чтобы научиться. Именно поэтому мы считаем, что это духовная наука. Если вы пойдете по этому пути, то приобретете множество могущественных способностей, но все же главная цель – спастись от второй смерти и знать, как возродиться к новой жизни.

- В течение долгого времени мы были незаметны, но поддерживали давние связи с представителями других религий. Нам не нужна публичность, чтобы делать то, что мы уже делаем на протяжении столетий. НО! Есть одно “но!”, и это то, что привело меня сегодня сюда.

- Цель моей сегодняшней лекции не только образовательная. Я здесь для того, чтобы приоткрыть некоторые аспекты нашей работы людям Западной цивилизации. Причина заключается в том, что наступил критический момент. Я вам уже сказал, что неизлеченные травмы, обретя независимый статус и трансформировавшись в духов травмы, продолжают жить в поколениях. Если их не излечить, они накапливаются, начинают взаимодействовать, увеличиваться, усиливать и поддерживать друг друга, и в конце концов становятся совокупной сущностью.

- В традиционных культурах ритуалы перехода в загробный мир очень важны. Перед тем как перейти на другую ступень существования, человек должен пройти через серьезный ритуал посвящения. Этот ритуал, по-сути, отсекает все травматические узлы из прошлого и расчищает путь в будущее. Современная цивилизация, как вы её называете, растеряла все свои духовные ритуалы. У неё нет возможности очистить своих членов от болезненных воспоминаний. Поэтому в какой-то момент эти воспоминания аккумулируются на уровне коллективного сознания и становятся очень опасными. Такое опасное время наступило. Сегодня все может стать во много раз хуже, чем раньше, когда аккумулированные духи травмы приводили к мировым войнам. Цель моего приезда – рассказать вам, что существует огромная опасность для всех людей на планете, но также существуют и эффективные методы, чтобы её устранить.

- Именно поэтому я приглашаю вас приехать к нам в Центральную Азию, в Самарканд, чтобы побольше узнать о нашей деятельности. Я знаю, что многие из вас здесь хотят испытать на себе магию. И это замечательное желание. Чтобы его осуществить, вы должны знать, что другие люди подразумевают под магией. Недостаточно просто принять тот факт, что магия фокусируется на внутренней сущности человека. Существует много внутренних фокусов. Вам нужна карта. Вам нужно спросить людей, которые использовали эту карту столетиями. Спросите нас, и мы вам поможем.

- Вы сами можете открыть для себя магию, которую ищете. Вы сможете исцелиться от всего, от чего вам нужно исцелиться. Затем вы сами сможете стать целителями для ваших людей и через это распространить перемены на весь остальной мир. Звучит, как благородная миссия, правда? Вы уже на пути к магии. Войдите в неё с нашей помощью. В конце концов, это не такой уж длинный путь. Все это уже в вас есть.

Владимир как будто не и ожидал ответа. Он посмотрел на женщину в первом ряду и начал с ней разговаривать. Он говорил очень тихо, поэтому люди в аудитории не могли его слышать. Вместо этого все начали говорить друг с другом. Было похоже, что лекция закончилась, но никто не собирался уходить. Вместо этого люди поднимались со своих мест и шли к знакомым. В коридоре сформировались несколько групп людей, оживленно разговаривающих друг с другом. По лицу Владимира было видно, что он и хотел такого окончания своей лекции. Фил и Виктор, а также еще несколько людей уже разговаривали с Владимиром. На их лицах была сосредоточенность – возможно они обсуждали детали своей поездки в Самарканд.

Я нашла Машу в толпе и спросила её: “Ну что, мы едем?”

Она посмотрела на меня с огнем в глазах и сказала самым восторженным голосом: “Я думаю, что да”.

- Надеюсь, ты не забыла, что обещала отвезти меня домой после лекции?, - ответила я.

Маша нахмурилась а потом громко рассмеялась, так что несколько человек обернулись на нас.

- Я подумала, что мы едем в Самарканд, - сказала Маша.

- Надеюсь, что у тебя все еще есть время отвезти меня сегодня домой?

- Вы все еще не поняли меня? - она посмотрела на меня со своей хитрой обезоруживающей улыбкой. - Вы и я и еще пару человек – мы все едем в Самарканд.

- Правда? Я не думала, что уже приняла решение ехать. Разве я говорила, что еду? - спросила я.

- Еще нет. Еще нет. Но я знаю, что мы едем. Я умею видеть будущее, - сказала Маша.

Я уже хотела сказать ей то же ироничное “пожалуйста...”, которое уже работало раньше и помогало мне прекратить её манипулятивные игры, но когда я взглядела в её лицо, то увидела, что Маша была очень серьезна и возбуждена. Неожиданно, её серьезное лицо вызвало во мне воспоминание о ней, лежащей на стульях в этом самом доме пару недель назад. Это воспоминание каким-то образом вызвало во мне печаль. Я больше не ощущала тревогу; на меня накатилась глубокая печаль, и я не могла понять ни её причину ни её значение.

Чтобы выйти из комнаты, нам нужно было пройти мимо Владимира и группы людей, окружающих его. Он заметил меня и заговорил со мной будто старый знакомый: “Замечательно, что вы смогли прийти сегодня”.

- Спасибо. Это была замечательная лекция. Мне бы хотелось побольше узнать о вашей традиции. - Я сказала это, чтобы вежливо завершить разговор и уйти.

- Правда? - Его улыбка была такой обезоруживающей, что было невозможно не улыбнуться в ответ. Его улыбка сняла тяжесть с моей души, и именно в этот момент я поняла, насколько тяжелым было чувство, которое я носила в себе уже долгое время.

- Знаете что? Возьмите вот это. - Быстрым движением Владимир снял со своего запястья нитку темных, полированных деревянных четок.

- Возьмите это с собой. Они помогут. - Я подумала, что с его стороны было очень мило так поступить. Его улыбка все еще освещала мое сердце, и он выглядел настолько уверенным в своем предназначении, что я взяла подарок без колебания и искренне поблагодарила. Я намотала четки вокруг своего правого запястья – так же как и он их носил. Я чувствовала, что они мне помогут, но где и когда я не знала.

Как только я захотела задать Владимиру несколько вопросов, толпа других людей окружила его, и меня оттеснили. Я видела Смирнова, стоящего молча в стороне. Он кивнул мне, и я молча кивнула в ответ. Говорить не было нужды. Я чувствовала, что этот вечер сблизил всех нас больше, чем часы предыдущих дискуссий, как будто искренность и необыкновенное влияние Владимира смыли ненужное притворство.

Я нашла Машу, и она повезла меня домой, хотя оставалась серьезной и мрачной в течение всей поездки. С того момента, как она сделала ремарку о том, что видит будущее, Маша стала выглядеть так, будто кто-то выключил свет внутри неё, и теперь её сковывал ужас. Я не была уверена, было ли прилично спросить её о такой перемене, так как мы почти друг друга не знали. Но затем после очередного сумасшедшего поворота на скользкой дороге я повернулась к ней и сказала: “Когда ты работаешь со Смирновым, это то, что он просит тебя делать – видеть будущее?”

- Может быть, - ответила она, но её голос звучал по-другому – механически и раздраженно.

- Что ты пыталась увидеть в будущем, когда я в первый раз тебя увидела в том доме?

Маша тяжело дышала, подавляя свое раздражение от моего вопроса и пытаясь не грубить.

- Ничего. Он не просил меня заглядывать в будущее.

Она продолжала молчать некоторое время. Я больше ничего не спрашивала, но вдруг Маша сказала после долгой, тяжелой паузы: “Он просил меня заглянуть в прошлое. Недавно в городе пропали несколько девушек. Смирнов время от времени работает на милицию. Ему платят огромные деньги за помощь в раскрытии уголовных преступлений, поэтому он попросил меня помочь. В милиции думают, что это групповое изнасилование, когда банда похищает девушек, насилует, а потом убивает. Я этим занималась”.

- Как?

- Существуют способы изменить восприятие времени. У меня от природы это хорошо получается, да и Смирнов научил меня кое-каким приемам. Чтобы найти девушку, нужно соединиться с её страданием. Для этого необходимо знать, что такое изнасилование. Именно тогда возникает настоящая связь. Необходимо воссоздать свои собственные воспоминания и распространить их на ощущения другого человека – так создается мостик, с помощью которого можно найти тело. Пока было найдено только одно. Приблизительно 15 еще в розыске. Так что у меня еще много работы.

Меня затошнило. “Может, она слишком быстро едет”, - сказала я себе. Но эта мысль не освободила меня от всеобъемлющего чувства тревоги и печали, которые зародились где-то глубоко в моей голове, и скорее всего являлись причиной моей тошноты, которую нельзя было устранить никакими физическими способами. Я ощущала себя так, будто какие-то глубинные воспоминания заставляли меня чувствовать себя физически больной.

- Почему ты позволяешь ему делать это с тобой? - спросила я Машу, не поворачивая к ней головы и глядя вперед на заснеженную дорогу.

- Я просто пытаюсь помочь. - её голос звучал отстраненно, как будто отвечал кто-то другой.

- Но ты продолжаешь причинять себе боль. Должны же быть другие способы. - Я пыталась преодолеть её отчуждение, но чувствовала, что не могу; она была очень холодной и отстраненной. Маша некоторое время молча вела машину, и я не стала повторять свой вопрос. Затем она неожиданно затормозила машину посреди шоссе, посмотрела в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что за нами не было других машин, и повернулась ко мне. Она посмотрела мне прямо в лицо и сказала с горящими глазами: “Я испытываю боль в

любом случае, в независимости от того, что я делаю. Вы себе этого даже не представляете. И сделаю все, чтобы это прекратить. ВСЕ! - Она нажала на газ, и машина понеслась по обледелой дороге быстрее, чем раньше.

Я была рада, когда она наконец-то остановилась перед моим домом.

- Ну так вы уже приняли решение? - спросила она перед тем, как я вышла из машины. В этот раз она задала вопрос кажущимся безразличным голосом. Она молча сидела какое-то время, а потом внезапно добавила все таким же безразличным голосом: “Вы знаете, что я поеду только если вы поедете”.

Я посмотрела в её серьезные и грустные глаза, все еще ощущая послевкусие от нашего разговора в своем теле. Но единственное, что я могла сказать ей в тот момент, было: “Я не знаю, Маша. Я подумаю”. Глубоко внутри я знала, что уже приняла решение, и в тот момент, когда я это поняла, моя тошнота прошла, и я почувствовала себя лучше.

Глава 4

К поездке все было подготовлено, как будто я ехала в командировку. Билеты были куплены через какую-то организацию, предлагающую групповые скидки. Как оказалось, Владимир уже уехал в Самарканд, оставив нам подробные инструкции и адрес, куда мы должны были приехать через пару недель.

До моего отъезда в Самарканд я виделась с Машей почти каждый день. Так как у неё не было четкого расписания и ей часто нечего было делать, то она забирала меня на машине с работы и потом возила по центру города, где мы останавливались в одном из кафе и говорили.

Так я познакомилась с ней ближе. Я узнала о её интересах, вкусах, друзьях и врагах. Она много говорила о мужчинах, всегда в забавном ключе, подчеркивая, насколько незначительным был тот или иной поклонник в её жизни.

- Я никогда не спала с мужиком чаще двух раз, - говорила она и смотрела вокруг, чтобы убедиться, что если кто-то сидел рядом, то обязательно мог её слышать.

- Пожалуйста...

- Seriously! Может и были пара исключений, но я не помню. Правда, не помню! - и она начинала смеяться.

Все это было частью её стратегии – говорить об интимных деталях, часто просто их выдумывая. Но она общалась только на своих условиях, пытаясь создать впечатление поверхностной, наивной, бесшабашной девицы, чтобы вызвать к себе чувство особого доверия. Я раскусила её ухищрения, но все равно наслаждалась её компанией. Вообще-то мне было не сложно следовать установленным ею правилам, и было необременительно притворяться, что я смотрела на жизнь её глазами.

Только однажды, когда я спросила её про Смирнова, она изменилась в лице и знакомым, механическим голосом, с заметным раздражением, ответила: “Что насчет Смирнова? Я с ним не спала. Не было нужды”. Потом она впала в долгое, тяжелое молчание, куря одну сигарету за другой. Я больше не задавала никаких вопросов про Смирнова, но знала, что он не был частью группы, едущей в Самарканд.

Все было готово для нашей поездки. Я не знала, какой по размеру будет наша группа, так как Маша была единственной из группы, с кем я поддерживала связь, а она сама тоже не знала. Оказалось, что несколько человек хотели поехать, но будут точно знать, поедут или нет, только перед самым отъездом.

Чтобы приехать в Самарканд ночью, сделав остановку в Ташкенте, нам нужно было вылететь ближе к вечеру. Ташкент был в двух часах лету на юг от Новосибирска. В день отлета я собрала чемоданы и утром позвонила Маше, чтобы убедиться, что она подвезет меня в аэропорт. её голос звучал немного взволнованно, но она заверила меня, что приедет не позднее 16.00. Ровно в 16.00 зазвонил телефон и незнакомый женский голос спросил, можно

ли поговорить с Ольгой. Когда женщина узнала, что это я, она представилась как Машина бабушка, о которой я раньше никогда не слышала. Маша постоянно говорила, что живет одна с двумя рыжими кошками, что её родители умерли, когда она была маленькой, и что у неё не было никаких родственников.

- Нет, её родители не умерли. Они просто живут в другом месте. Но это длинная история, - неохотно ответила женщина, после того, как я её спросила о Машиных родителях.

- И со мной Маша тоже не живет. Это правда. Я живу в квартире рядом. Я вам звоню, потому что перед тем, как заснуть, она попросила меня связаться с вами.

- Что вы имеете ввиду, когда говорите, что она заснула? Мы улетаем через пару часов!

- Она заснула, потому что я дала ей успокоительное. С сегодняшнего утра она опять начала пить и разнесла всю квартиру. Мне позвонили её соседи, поэтому мне пришлось идти к ней, чтобы утихомирить. Она вам не говорила про свой алкоголизм?

У меня закружилась голова. Я не знала, что сказать или спросить, но я точно знала, что как бы мне не хотелось в это верить, все, что сказала эта женщина, было правдой. Я разозлилась на Машу, но больше того, я разозлилась на себя. Я чувствовала себя так, будто вынуждена была взглянуть в лицо тому, чего так долго не хотела замечать. Как я могла не заметить её алкоголизм, если только подсознательно не притворялась, что не замечаю? Какая была для меня польза в отрицании правды? И что мне делать дальше?

- Я хочу с ней поговорить!

- Я уже вам сказала, что она спит. Она будет не в состоянии говорить по крайней мере на протяжении еще пары часов.

- Разбудите её, заставьте её со мной поговорить, или дайте мне ваш адрес и я приеду к вам сама, - я чувствовала, что теряю терпение.

- Хорошо. Я попробую, - сказала женщина с долей иронии.

Какое-то время телефон молчал. Я только слышала приглушенные звуки, а потом неожиданно Машин голос, глубокий и грубый, прогрохотал у моего уха, будто она сидела рядом: "Ну, доктор, я отменила поездку". - Было сложно понять её неразборчивую речь.

Я молчала и уже была готова заплакать.

- Вы слышали, что я сказала? Я с...к...а...з...а...л...а, что я никуда не еду. Вы знаете почему? Потому что я думаю, что честнее напиться, как свинья...". Она захихикала и замолчала. - Вместо того, чтобы тащиться в какую-то азиатскую дыру, чтобы убежать от себя, ... доктор. - Гудок положил конец её вздору (она повесила трубку), но я продолжала держать телефонную трубку в руке – парализованная, не знающая, что делать.

В тот же момент, как я повесила трубку, телефон зазвонил снова, и голос Машиной бабушки сказал с упреком: "Мне потребовалось много времени, чтобы утихомирить её. Вам нужен адрес для вашей поездки? Насколько я знаю, ваш самолет вылетает через пару часов".

Я механически записала адрес, который она продиктовала. Я еще раз проверила свои чемоданы, чтобы убедиться, что ничего не забыла, и вызвала такси, чтобы ехать в аэропорт. Я еще раз посмотрела на свой билет, чтобы проверить время отправления. Я проделала все это на автомате. Мой мозг был полностью выключен, хотя со стороны все выглядело так, будто я веду себя как обычно. Только когда я села в самолет, который был забит до отказа, я осознала, что собиралась сделать. Маши не было рядом со мной. Она лежала пьяная в своей квартире, а я, сидя в самолете и злясь, еще не знала, что в то утро Смирнов запретил ей лететь в Самарканд, а Маша не осмелилась ему перечить.

Чем больше я смотрела по сторонам, тем больше волновалась. Помимо местных, в самолете также летела и небольшая группа туристов из Европы, которые сидели в специальной зарезервированной для них части самолета. Я в отчаянии смотрела по сторонам, пытаясь увидеть знакомые лица. Ни Виктора, ни Владимира. И когда я услышала как иностранцы заговорили по-немецки (Фила среди них тоже не было), я почувствовала панику. Но было уже слишком поздно. Мы уже взлетели, и огромный массив Сибирской равнины стал постепенно исчезать из вида, как только самолет окутали облака. Я была на пути в абсолютно незнакомое место, совершенно одна! Единственные указания, которые у меня

были, это кусочек бумаги с адресом в Самарканде. Я понятия не имела, чего ожидать от этой поездки.

Это не было моей первой поездкой в Узбекистан. К счастью, Ташкент и ташкентский аэропорт были мне знакомы. Усталость от поездки окончательно перевесила мои переживания, и я смирилась с мыслью, что я на пути в Самарканд, и что каким-то образом все проявится.

Я стала испытывать предвкушение от идеи посетить этот древний город. Самарканд, одна из жемчужин Узбекистана, по расстоянию был ближе к Новосибирску, чем к Москве. Несмотря на это, он оставался загадочным и далеким, и немногие люди выбрали бы поездку в Узбекистан, предпочтя её таким распространенным местам отдыха, как Черное море, Москва или Ленинград. Весь Узбекистан воспринимался как место экзотическое и с психологической точки зрения далекое от Сибири. Я знала, что это было одним из немногих мест на земле, где все религиозные традиции сосуществовали вместе и оказывали влияние на культуру региона. Узбекистан был родиной древних шаманских религий, пред-Зароострийских культов Турана, а также религии Зароостизма. Позднее люди, населяющие эту территорию, столкнулись с Буддизмом, Христианством и Иудаизмом. Несмотря на то, что современный Узбекистан – это в основном мусульманская страна, там все еще можно было найти следы других религий. Чем ближе мы подлетали к Узбекистану, тем больше я понимала, что мне стоило радоваться своей удаче, а не переживала по поводу этой поездки.

Как только я прилетела, то ночной воздух Самарканда сразил меня своими ароматами цветов и свежее испеченного хлеба. Поля тюльпанов, нереальные в Сибири в раннюю весну, в изобилии цвели повсюду, а город освещался уличными фонарями. Самарканд создавал впечатление экзотического сада, затерянного во времени и пространстве.

Я вызвала такси. Водитель сразу же узнал адрес, который я ему показала, и это успокоило меня и придало уверенности.

Поездка была короткой, и из-за темноты я не слишком-то много увидела – только тени больших ветвей от деревьев, растущих по обочинам. За деревьями стояли маленькие, в основном одноэтажные, жилые дома.

Неожиданно дорога расширилась и мы подъехали к большому, высокому зданию. Оно было освещено яркими огнями и внутри играла громкая музыка. На входе стояли группы курящих и разговаривающих людей.

Я ожидала приехать в какой-нибудь образовательный центр, где по этому адресу меня будет ждать кто-то типа представителя группы. Я не ожидала, что мой адрес окажется самой большой гостиницей Самарканда. Волнуясь, я снова показала водителю адрес, попросив его подтвердить, что он не ошибся и привез меня в нужное место. Водитель показал мне карту, где по данному адресу значилась гостиница, поэтому единственное, что мне оставалось – это забрать свои сумки и выйти из машины.

Я прошла через лобби с угасающей надеждой встретить Владимира или кого-то из группы. Моя интуиция мне сказала, что этого не случится, а я научилась доверять своей интуиции.

Молодая узбекская девушка на стойке регистрации взяла мой паспорт и вежливо сообщила, что для меня была забронирована комната. В противном случае мне бы пришлось искать другую гостиницу, потому что в этой больше не было свободных номеров. Она указала на несколько семей, которые сидела на диванах, окруженные сумками, под знаком “Мест нет”, и выглядели измученными и в отчаянии.

Я так поняла, что мне следовало оценить свою удачу. Я действительно почувствовала облегчение, хотя для меня и не было никаких сообщений на стойке регистраций. Каким-то образом в моем мозге не отпечаталось, что гостиничная бронь была сделана на мое имя, потому что кто-то все-таки знал о моем приезде. У меня была комната, и в этот поздний час это было единственным, что имело значение. Комната была маленькой, теплой и уютной. Я поставила свои сумки и вспомнила про громкую музыку, звучащую внизу в баре.

Возбуждение от моей поездки было слишком большим, чтобы я могла уснуть, и я решила пойти в бар, уже не надеясь встретить кого-то из группы. Больше всего я хотела отдохнуть.

Я села на высокий деревянный стул у бара, стараясь не оборачиваться, чтобы остаться незамеченной. Бармен не заставил меня долго ждать. Он выскочил передо мной как из-под земли и поинтересовался, что я буду заказывать, не произнеся при этом ни одного слова. Он просто приподнял свои густые, темные узбекские брови.

- Чай, пожалуйста.

На секунду его левая бровь приподнялась в удивлении. Посетители пили алкоголь, и в этот час никто не шел в бар, чтобы заказать чай. Но в следующее мгновение он нацепил на лицо профессиональную маску безразличия и исчез из поля моего зрения. Следующее, что я увидела на барной стойке, была круглая, белого фарфора с черным узбекским орнаментом, чашка. Я сделала аккуратный глоток крепкого черного чая. К моему удивлению, каждый глоток вместо того, чтобы взбодрить меня, вводил меня в состояние какого-то транса. В баре былолюдно и я не могла разобрать речи – все сливалось в неразличимый шум голосов. Единственное, что я видела, были ряды разнообразных по форме и цвету бутылок, которые стояли на настенных полках за баром. Казалось, что они раскачиваются в такт музыке.

Я наблюдала за бутылками и без особого внимания слушала музыку. В первый раз за несколько последних тяжелых недель я наконец-то почувствовала если и не полное расслабление, то хотя бы намек на расслабление, которое медленно возвращалось в мое напряженное и измученное тело. Это то, чего мне ужасно не хватало, и к чему я стремилась в тот момент, когда приняла решение приехать в этот город в самом сердце Центральной Азии. Этот намек на расслабление дал мне понять, насколько уставшей и несчастной я себя чувствовала до приезда сюда, хотя и не могла понять конкретной причины.

Я не чувствовала связи с самой собой и с тем, чем я занималась в последнее время. То ощущение цели, которое было мне так хорошо знакомо до этого, и которое имело отношение к моей работе врача, каким-то образом исчезло в прошлом, и я с грустью поняла, насколько потерянной и сбитой с толку я себя чувствовала в течение долгого времени. Я не хотела двигаться, боясь вспугнуть это состояние полутранса-полусна, которое я хотела продлить вечно, чтобы оно унесло меня в абсолютный покой без мыслей, без людей, без тревог, и без вопросов об этих тревогах и заботах.

Я почувствовала благодарность этому так долго ожидаемому расслаблению, и подумала, что, может быть, это была и не такая уж глупая идея приехать сюда. Возможно, я смогу найти здесь человека (реального человека), который чудом поможет мне найти выход из моих сомнений. Каким-то образом я чувствовала, что это будет не Владимир; что его главной целью было ездить по миру и рассказывать людям о его духовной практике, и что эта миссия была им уже выполнена. Я все еще надеялась встретить его здесь, но предчувствие встречи с каким-то другим человеком, с кем-то, связанным с Владимиром и стоящим за ним, было очень сильно.

Внезапно передо мной всплыл образ маленькой, пожилой, но энергичной фигуры Умай, алтайской шаманки, которую я встретила в Сибири. Пару лет назад она поспособствовала одной из самых значительных трансформаций в моей жизни, оказав мне неоценимую помощь в тот момент. С тех пор её образ стал неким эталоном, с которым я сравнивала все последующие значительные события, встречи и переживания в своей жизни. Умай в своем шаманском наряде – маленький барабан в одной руке, а зажженная трубка в другой – ярко пронеслась перед моим мысленным взором. Я отчетливо видела её улыбающееся лицо с хитринкой, как будто Умай была рядом. Все это еще больше усилило во мне чувство покоя.

- Привет! - произнес голос слева от меня. Я медленно повернула голову и каким-то образом увидела не всю фигуру говорящего человека, а только его лицо. Оно четко выделялось на фоне расплывчатой, мутной атмосферы бара, и выглядело очень реальным, будто принадлежало другому измерению. Это было лицо очень молодого человека, с тонкими, благородными узбекскими чертами. Он был необыкновенно красив, с большими

миндалевидными черными глазами и настолько густыми бровями, что они казались нарисованными, подчеркивая силу его нежного взгляда.

Его лицо было как прекрасный портрет – слишком красивое, чтобы принадлежать обычному человеку. Я решительно покачала головой, пытаясь восстановить нормальное зрение. Это сработало, и в следующий момент я увидела молодого человека в черной футболке и голубых джинсах, который сидел на барном стуле рядом со мной.

Он по-доброму улыбался и выглядел очень застенчивым. Он был моложе меня, скорее всего ему было около 25. Теперь он выглядел как и остальные местные жители, приходящие в бар из близлежащих районов. И все же, в нем было что-то необычное и особенное, какой-то внутренний секрет, скрывающийся в глубине его черных глаз. Я старалась не придавать всему этому слишком большого значения и вежливо сказала: “Привет!” - ожидая, что наше общение на этом закончится. Я попыталась вернуться к своей чашке чая и такому шаткому состоянию расслабления, когда он подвинул свой стул поближе и посмотрел на меня открыто и радостно.

- Вы знаете, я ведь тоже целитель, - сказал он, глядя прямо мне в глаза и не мигая, поигрывая с голубой трубочкой для коктейлей. Потом он положил трубочку в свой стакан и начал медленно пить коктейль, время от времени поглядывая на меня с улыбкой.

- А не слишком ли вы молоды, чтобы лечить людей? - подумала я про себя с раздражением, но ничего не сказала. В тот же момент, как мне пришла в голову эта мысль, я поймала себя на том, что испытываю чувство смущения, вызванного моим неожиданно высокомерным отношением к этому безобидному человеку.

Скорее всего, он увидел мое раздражение и недоверие, которые кратко отобразились на моем лице. Он улыбнулся и еще раз повторил: “Я очень хороший целитель. Если честно, то я думаю, что вы, со всеми вашими попытками, не смогли приблизиться даже на сотую долю к тому, что я знаю о целительстве”.

Это было грубо и абсолютно не к месту. Я посмотрела на него внимательнее, удивленная его поведением до такой степени, что даже не задумалась о том, что он угадал мою профессию, и поэтому скорее всего что-то знал обо мне. Он продолжал смотреть на меня в упор, но на этот раз в его лице не было доброты. Теперь он был тем, кто смотрел на меня с раздражением от моей неспособности сразу его понять.

- Кто вы такой? - швырнула я эту фразу ему в лицо, почти задыхаясь от злости, которая смела все следы моего расслабления и с новой силой вызвала мои недавние переживания и тревоги. Я выплеснула все это на незнакомого человека, который на свою беду оказался в данный момент со мной рядом, и посмел перейти границу, которую не должен был переходить.

- Должно быть, вы какой-то местный дух, не меньше, - добавила я. Я попыталась сопроводить сарказм, звучащий в моем голосе, самым уничижительным выражением лица, которого только смогла добиться. Я понятия не имела, почему его высказывание вызвало во мне такую необузданную реакцию, и это заставило меня почувствовать себя еще более расстроенной.

Он накрыл своей рукой мою руку, лежавшую на барной стойке, и до того как я смогла сбросить его руку, со мной произошла шокирующая вещь, которая абсолютно выбила меня из колеи.

Его лицо снова приобрело более резкие очертания. Оно стало таким отчетливо ярким, что абсолютно заслонило для меня все остальные визуальные образы. Его узбекское лицо как бы плыло в пространстве передо мной, а глаза смотрели прямо мне в глаза, лишая меня воли. Все звуки стали приглушенными и далекими, как будто я оказалась под действием анестезии.

- А что, если он по-настоящему является духом? - Эта мысль всплыла в моем мозгу откуда-то из глубины. В то же время я ощущала себя так, будто кто-то внутри моей головы посмеялся над этой мыслью. Весь этот внутренний разговор происходил где-то за границами моего внимания, которое теперь полностью сфокусировалось на его черных миндалевидных глазах, плывущих передо мной, и вводящих меня во все более гипнотическое состояние.

Затем я услышала хлопок, и как будто по указанию этой таинственной команды, его глаза начали становиться все больше и больше, до тех пор пока не слились в огромный черный глаз в середине его лба. Этот глаз смотрел на меня и сквозь меня. Он выглядел как мозаика, состоящая из бриллиантов.

Время остановилось. Он был зеркалом, на котором сфокусировалось мое внимание. Все остальные движения казались бесполезными и ненужными. У меня не осталось ни мотиваций, ни желаний, ни намерений после того, как я встретила с этим взглядом. Это было конечным пунктом назначения, и даже дыхание больше не имело смысла.

Внезапно я почувствовала, как кто-то сильно пожал мне руку. Затем, сфокусировавшись на яростных попытках моего тела дышать, я вернулась к своему обычному состоянию самосознания. Кашель разрывал мои легкие. Мое сердце билось с невероятным ритмом. Незнакомец убрал свою руку с моей и изящно подвинул в мою сторону чашку с чаем. Чай был холодным и имел необычный вкус, но он почти сразу помог мне перестать кашлять, так что я могла говорить.

- Кто вы и почему вы это сделали? - для меня самой мой голос прозвучал как-то странно, будто с магнитофонной записи.

Он молча смотрел на меня с застенчивой полу-улыбкой. Но в следующий момент он разразился громким смехом, когда протянул мне руку. Инстинктивно я почти вскочила со стула, боясь, что он опять до меня дотронется.

- Я вас знаю, - сказал он, все еще смеясь, и опять твердо дотронулся до моей руки, на этот раз до запястья, медленно двигая свои длинные пальцы по бусинам четок, которые мне дал Владимир.

- Что вы обо мне знаете? - Задавая этот вопрос, я поспешно пыталась сложить вместе разрозненные куски информации, чтобы получить разумную картину, объясняющую эту странную встречу. Но концы с концами никак не сходились.

- Я ничего о вас не знаю. Но я ЗНАЮ вас. - Его ответ никак не помог мне зацепиться за возможные рациональные объяснения ситуации, над которой я быстро теряла контроль.

- Я вас знаю, - повторил он. И думаю, что знаю, что вы ищете. - Он произнес эту последнюю фразу просто и обыденно, без какой-либо претенциозной значительности. Но именно это поразило меня больше, чем все, что произошло до этого.

Я взглянула ему в лицо с максимальным вниманием.

- Постарайтесь долго не смотреть на меня, - сказал он так обыденно, будто предлагал еще одну чашку чая.

Я взглянула на него с еще большим вниманием. Для моего душевного равновесия было бы лучше, если бы выяснилось, что он был сумасшедшим. Это бы легко объяснило все странности его поведения. Поэтому я сильно старалась. Я зажмурила глаза и список всех подходящих диагнозов пронесся у меня в голове, оставив меня недовольной и расстроенной. Если бы я была честна с самой собой, то мне был пришлось признать то, что я уже интуитивно знала. Этот человек, каким бы странным и таинственным он ни был, обладал большим рассудком, чем большинство людей, которых я знала. Несмотря на его просьбу я продолжала смотреть ему в лицо. Он выглядел очень юным. В то же время он каким-то образом подходил под придуманных мной образ человека, который мог заниматься магией. В какой-то степени он был идеальным кандидатом: таинственный, непредсказуемый, вечно молодой и абсолютно одинокий.

Я чувствовала, что переживания, через которые он заставил меня пройти своими действиями, были результатом некой громадной неизвестной силы, которая бурлила в нем.

- А почему? Почему вы советуете мне долго на вас смотреть?

- Это только на пару дней, - ответил он. После этого вы привыкнете находиться рядом со мной, и тогда уже не будет такой необходимости. - Он явно не хотел принять иронию моего вопроса.

- А что заставляет вас думать, что у меня будут эти несколько дней, чтобы привыкнуть к силе вашего взгляда? - я не могла себя сдерживать.

- Потому что вам сначала нужно будет привыкнуть, перед тем как приступить к тому, ради чего вы сюда приехали.

- А приехала я ради.....?

- Вам лучше знать. - Он резко поднялся со стула. Его лицо выглядело усталым и каким-то разочарованным. Он вынул из кармана деньги и положил на барную стойку, ища глазами бармена, чтобы убедиться, что тот заметил деньги. Еще одно мгновение, и он без единого слова уйдет. Внезапно я почувствовала себя ужасно, будто я ранила его чувства даже не осознавая, что сделала не так. Все неожиданные эмоции, которые он во мне вызвал, ясно показали мне, какой я стала неуравновешенной, и мне стало стыдно. Мне захотелось сказать ему что-то приятное, чтобы по-доброму закончиться этот разговор, но мой разум говорил мне, что я не могу позволить этому человеку и дальше мной манипулировать.

Он повернулся и уже был готов уйти, когда неожиданно замер на секунду и вернулся ко мне со своей доброй полу-улыбкой. Он опять дотронулся до моего запястья, прикасаясь к четкам, и сказал, улыбаясь еще теплее: “Мне нравятся ваши четки. Думаете, вы сможете мне их отдать?”

Я потянулась к полированным бусинам и аккуратно, чтобы не порвать тонкую нитку, стянула их со своей руки. Я не задавалась вопросом о том, что делаю. Внезапно я почувствовала себя очень уставшей от этой встречи и мне хотелось её завершить – и сделать это приятно.

Я протянула ему длинную нитку четок, ощущая в тот момент, как будто доверяла ему свою собственную безопасность.

Он изящно повесил четки на шею и немного наклонил голову, благодаря меня.

- Завтра в полдень вы найдете меня в чайхане – местной чайной. Это очень близко. Вы сможете дойти туда пешком. Я кое-что вам покажу.

Он быстро повернулся и вышел, даже не обернувшись.

Глава 5

Я все утро прождала в своем номере. Телефон продолжал мучить меня своим молчанием, а у меня не было номера, чтобы позвонить, разрушить эту тишину и положить конец неизвестности.

В какой-то момент моя нервозность дошла до предела и я почувствовала, что больше не могла все это выносить. Меня выматывала необходимость находиться в этой маленькой комнате и ждать бог знает чего. Мне нужен был свежий воздух. Необходимо было успокоить мой страх.

Я уже точно не помню, как приняла решение пойти в чайхану. Может быть, я себя уговорила, создав рациональную причину для иррационального поступка. Может быть, я последовала за интуитивным импульсом пройти сотню метров от отеля до маленького одноэтажного глинобитного домика. Гостиничный клерк указал на выкрашенный белой краской домик как на местную чайхану.

Я помню, что стояла в дверях перед тем, как войти в маленький зал чайханы. Это воспоминание, а также воспоминания о том, что произошло потом, для меня как яркий сон. Маленькие окошки чайханы были наполовину закрыты занавесками с цветочным рисунком, делая комнату затемненной и уютной. Там стояли массивные деревянные узбекские столы и длинные темные скамейки с разноцветными подушками, чтобы посетители могли пить чай в соответствии с традициями. Несколько пожилых узбеков в длинных теплых халатах, подвязанных на талии, сидели вокруг одного из столов и тихо разговаривали. В помещении также стояла пара современных пластиковых столов с легкими стульями. Это отступление от традиций было, скорее всего, инспирировано частыми посещениями постояльцев гостиницы.

В этот ранний обеденный час чайная была почти пуста. Парень, с которым я познакомилась вчера, сидел на стуле за одним из современных столов и смотрел куда-то в

сторону. Когда я подошла ближе, он медленно повернул голову в моем направлении, и улыбка осветила его лицо. На нем была белая хлопковая рубашка с длинными рукавами, закатанными до локтей. Рубашка была расстегнута до середины груди, и я увидела четки Владимира, висящие у него на шее. Четки напомнили мне цель моего визита сюда, и это дало мне уверенность и позволило сделать несколько последних шагов к столу.

Он немного приподнялся, и как только я заняла место напротив него, тоже сел. На его лице все еще сохранялась полу-улыбка, но глаза смотрели на меня серьезно.

- Привет! - было его первым словом. И до того, как я смогла ответить, он сказал: "Сегодня вы выглядите странно".

- Отлично! - Тут же я услышала свой внутренний голос, говорящий: "Самый странный человек из всех, кого я когда-либо встречала, говорит мне, что я выгляжу странно!"

Я попыталась воскресить в памяти свой образ, который я видела сегодня утром в зеркале в номере гостиницы. Черная, с длинными рукавами футболка, серые трикотажные брюки, пояс для денег, мягкие ботинки местной выделки с традиционной вышивкой, светлые волосы, собранные в хвост, немного загорелое и усталое лицо. Ничего необычного и странного.

Он посмотрел на меня, фокусируясь на чем-то. Затем он оглядел всю комнату, и я последовала за его взглядом. Каким-то образом я смогла увидеть тот же самый образ из гостиничного зеркала, перенесенный в это странное место, и окруженный всеми атрибутами узбекской культуры, включая тихую музыку, аккомпанирующую мужскому голосу, поющему по-узбекски. В тот момент я сразу же поняла человека, который сидел передо мной. Группа мужчин в теплых стеганых халатах, сидящих на резных скамейках; экзотические, пленяющие запахи; убаюкивающий ритм песни; необычная жара, стоящая в воздухе в этот ранний час – ничто из этого не было здесь чужим. Все это находилось на своих истинных местах, там, где и должно было находиться, и только я была здесь чужеродным объектом. Я действительно выглядела странно, потому что именно мне не было здесь места. Вместо того, чтобы заставить меня почувствовать себя не в своей тарелке, эта мысль позволила мне обрести почву под ногами. Поэтому я чуть заметно покачала головой и продолжала смотреть на него.

- Меня зовут Михаил, - сказал он и сделал глоток чая из пиалы – круглой, неглубокой чайной чашки без ручки, которую он аккуратно держал обеими руками. - И я знаю, что вас зовут Ольга, - сказал он до того, как я представилась.

Тот факт, что он знал мое имя, снова вызвал в памяти вопрос, который еще вчера беспокоил меня после того, как Михаил ушел из бара. Как он узнал о моей профессии? Что еще он знал обо мне? Самым логичным было спросить его, был ли он каким-то образом связан с Владимиром и узнал ли обо мне от него. Но мне, почему-то, не хотелось сразу рассказывать ему о Владимире. Это было похоже на то, как будто мое общение с Михаилом развивалось в области абсолютно отличной от моей обычной реальности (или по крайней мере мне этого хотелось). Я подсознательно сопротивлялась попыткам связать Михаила и Владимира, будто не хотела разрушать тайну. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что и сам Михаил не хотел раскрывать для меня суть своих отношений с Владимиром. Наоборот, ему было нужно усилить мое беспокойство и замешательство, чтобы добиться своих целей, о которых я еще не подозревала.

- Как много вы обо мне знаете, Михаил? - попыталась я спросить самым обыденным тоном, каким только могла.

- Ничего, правда, и в то же время почти все.

- Не хотите объяснить, что вы имеете в виду?

- Нет. - Его прямота каким-то образом скрасила грубость ответа, но не сделала его менее пугающим.

- А если я скажу вам, что хотела бы услышать ваши объяснения, вы мне их дадите?

- Я могу, но для вас это не будет иметь значения, потому что мои объяснения не существуют в той части реальности, где имеют ценность только иллюзорные смыслы, а вы будете ожидать ответа только от данной части реальности.

- А вы сможете дать мне ВАШ тип ответа?
- Спросите еще раз.
- Пожалуйста, расскажите мне подробнее о том, что вы обо мне знаете.
- Во-первых, я могу вам сказать, почему вам так хочется понять смысл нашей встречи.

Вы чувствуете, что у вас нет всех кусочков этой мозаики, поэтому вы не можете принять ситуацию как что-то приемлемое и знакомое. Когда у вас нет всех кусочков, вы начнете чувствовать в себе раздражение, дискомфорт или даже угрозу. Поэтому вы ищете недостающие части, чтобы избавиться от своей тревоги и дискомфорта. Но то, что вы ищете, является полной противоположностью того, что вам нужно. Тревоги и переживания, которые вы испытываете в данный момент, и которые растут в вас прямо сейчас, пока вы меня слушаете, являются вашей единственной надеждой на избавление из вашего затруднительного положения. Вам не нужно пытаться устранить ваш дискомфорт. Вам нужно его усилить и следовать за ним.

Пока он говорил, я заметила, как одна моя нога, перекинутая через другую, начала ритмично покачиваться все быстрее и быстрее. Я ощущала, как внутри меня, в середине груди, нервно крутилось маленькое, злое, похожее на кошку животное – оно царапалось и хотело выпрыгнуть наружу, чтобы укусить этого человека, который вызвал во мне такую волну раздражения.

Я сделала глубокий вдох и попыталась перебороть свое беспокойство и продолжить слушать его без раздражения. И снова я почувствовала, что ни один из моих откликов не остался скрытым от его сосредоточенных, пронизывающих глаз. Михаил чуть заметно улыбнулся и продолжил говорить.

- Хорошо! Вас можно легко разозлить. Это хорошо. Вам нужно почувствовать это раздражение еще больше. Потому что если вы этого не сделаете, то единственным выбором для вас будет упасть в эту темную, безмолвную дыру, в которой вы почти все время находились до этого. Вы спрашиваете у меня про значение всего этого, как если бы просили кислорода, чтобы получить очередной глоток и нырнуть назад в глубокий-глубокий колодец, наполненный вашей депрессией. Этот колодец окружает вас со всех сторон как облако, запечатывает ваши глаза и уши, и притупляет ваши чувства. В результате, вам больше не нужно ощущать единственную фундаментальную истину, испытывать единственное настоящее чувство, которое вы пытаетесь предать забвению с помощью всех ваших игр. Это очень простое чувство – оно называется “вина”. Вы пытаетесь убежать от чувства вины.

Затем тонкая перепонка, сдерживающая мою злость, уже не могла её больше сдерживать. Я взорвалась. У меня потемнело в глазах от этой ошеломляющей энергии, наполнившей меня. Я вскочила на ноги, тяжело дыша. Я сердито посмотрела на него, сидящего передо мной с пиалой в руках, и на его расслабленное улыбающееся лицо. Я чувствовала себя задетой, оскорбленной и чересчур возбужденной от неожиданной интенсивности своей реакции, которую вызывал во мне этот человек. И я не знала, что делать дальше.

- Сядьте! - сказал он очень спокойно. - Мне нужно многое вам рассказать.

Я медленно села на край стула и заметила, как Михаил жестом подозвал повара из чайханы, который стоял рядом и претворялся, что не слышал нашего разговора. Повар наклонил голову, показывая, что понял, и ушел на кухню.

- Послушайте меня. Я не знаю причины вашей депрессии и вашего чувства вины. Я не ищу смыслов или содержательного наполнения, когда общаюсь с людьми. Я считываю энергию. Я вижу, как она перетекает, где замедляется, где встречает препятствия, где течет по кругу, создавая узлы и зажимы в динамике вашей жизни – узлы, которые в конце концов могут вас убить. Когда вы поддаетесь депрессии, вы предаете свою энергию. Вы отдаете её сами, а вокруг всегда есть силы, которые захотят её использовать. Если вы отказываетесь исследовать её с моей помощью, то болезненный узел в вас затвердеет и лишит вас настоящего дара, который вам дан – дара исцелять людей. Вы больше не сможете исцелять других, если откажетесь исцелить саму себя. Вам необходимо мне доверять.

В его словах была правда. Теперь я чувствовала себя спокойнее. Я ощущала себя так, будто во мне существовало слишком много различных импульсов. У меня не было достаточно сил, чтобы в них разобраться, и я склонилась к выбору, требующему наименьших усилий – поверила ему.

Повар, одетый в длинный серый стеганый халат и белый льняной фартук, повязанный вокруг его огромного живота, вышел из кухни с двумя глубокими тарелками, наполненными горячим, необыкновенно ароматным пловом – готовящейся в специальном котле традиционной едой из мяса, риса и трав. Повар поставил первую тарелку перед Михаилом, а вторую передо мной.

- Спасибо, но я не голодна, - сказала я.

- Я вас угощаю, - сказал повар низким голосом, и было ясно, что он воспримет это как оскорбление, если я откажусь от его еды.

- Спасибо! - снова сказа я, и посмотрела вокруг в поисках вилки и ножа.

- Нет, мы едим плов вот так, - сказал Михаил, смеясь и покачивая головой.

Он аккуратно сложил свои длинные красивые пальцы вместе, будто готовясь заиграть на музыкальном инструменте, и взял с тарелки порцию риса и мяса. Он подержал еду несколько секунд, а потом проделал пальцами несколько скатывающих движений и положил рисовый шарик в рот, искренне наслаждаясь ароматом и вкусом.

Мне пришлось сделать то же самое. Я потянулась к тарелке и подцепила самый маленький и самый сухой комочек риса. Когда я положила его в рот, мягкий аромат еды затопил мои чувства. Я почувствовала, что никогда раньше так интенсивно не ощущала сам процесс еды.

Михаил продолжал медленно говорить. - Если вы позволите этому пятнышку боли закристаллизироваться в вашей памяти в качестве нераспутанного узла, то он станет инкубатором, лоном, в котором будет воскрешаться к жизни и питаться голодный злой дух, спящий в вашей генетической памяти на протяжении многих поколений ваших предков, и ждущий своего часа. Он восстанет из родовой памяти ваших предков и заживет своей собственной жизнью как дух страха. Это отравит вашу жизнь.

Упоминание о духах страха вызвало в моей памяти воспоминание о лекции Владимира в Новосибирске. Возможно ли, что Михаил был одним из членов группы Владимира? Возбуждение и надежда перевесили все мои другие запутанные эмоции.

- Я знала одного человека. Мы познакомились в Сибири. Я приехала сюда из-за него – это он дал мне этот адрес. Его зовут Владимир. Он рассказал мне о духах травмы. Вы его знаете? Вы вместе работаете?

- Я не знаю здесь никого под этим именем, - Михаил дал мне разочаровывающий ответ. В тот момент Михаил не врал. Настоящее узбекское имя Владимира было другим. Он представлялся как Владимир, только когда ездил в Россию, и никто в Самарканде так его не называл. Но, конечно, в тот момент я ничего этого не знала. И я почувствовала, как мое беспокойство стало возрастать, пока Михаил продолжал говорить. - Я не думаю, что вы приехали сюда из-за него. Но не забегайте вперед. Позвольте мне продолжить. - Способ, которым он завершил разговор про Владимира, не оставил мне шанса узнать у него что-то еще. Я вздохнула, пока он продолжал говорить.

- Ситуация такова: если вы не знаете о существовании духов травмы, как вы их только что назвали, или демонов памяти, как я буду их называть, то самое лучшее, что вы можете сделать в качестве врача, это либо исцелять случайно, не понимая, что вы делаете, либо добиваться временного облегчения, которое не будет длиться долго. Если вы хотите исцелять по-настоящему, то вы должны понять, что движет этими духами, узнать, как их видеть, как охотиться на них, и как стать достаточно сильной, чтобы выиграть битву с ними. Я могу вас научить всему этому. Но взамен хочу кое-то что у вас попросить.

У него был глубокий, низкий голос. Этот голос глубоко затронул мои чувства, и я ощутила его разнообразные вибрации. То, как Михаил говорил, как ел, поглядывая по сторонам своими темными, глубокими глазами – все это настолько отличалось от всего, с чем

я сталкивалась раньше. Он создавал впечатление человека необыкновенно прочно связанного с землей, напитанного глубинным земным опытом. Жизненная энергия, исходящая от его тела, напомнила мне ритм луизианского блюза, который я слышала в новосибирском ночном клубе. Но в то же время у меня было чувство, что я разговариваю с кем-то с другой планеты, как будто его окружали высокие космические вибрации, передающие через него сигналы – только я не понимала этих сигналов.

Что вообще он может попросить у меня взамен? Я недоумевала.

- Исцеление. - Я была почти уверена, что он услышал мой невысказанный вопрос.

- Взамен я попрошу вас принять участие в ритуале исцеления, чтобы помочь кое-кому, кто сильно в этом нуждается. Это не должно быть для вас слишком трудным.

- Ну хорошо. Я продлю свое пребывание здесь еще на пару дней. Может быть, мне все же удастся найти Владимира.

- Михаил улыбнулся понимающей улыбкой, будто как-то образом заметил некий обман.

- Хорошо. Тогда давайте начнем. Пойдемте на базар.

Предложение было достаточно неожиданным, но я знала, что самаркандский базар находился рядом с одним из самых главных архитектурных памятников города, поэтому я решила, что было бы здорово иметь местного жителя в качестве гида. Я с радостью согласилась.

У нас заняло 10 минут, чтобы пройти от чайханы через солнечные зеленые улицы до большой, старинной городской площади, где находился базар. Даже издали я могла разглядеть величественные, бирюзовые купола мечети Биби Ханум, которые давным давно поднялись над коричневыми кирпичными стенами по воле Тимура, правителя “Зеркала Мира”, как в то время называли Самарканд. Тимур был самаркандским правителем, известным на Западе как грозный хромоу тиран Тамерлан.

Я шла сразу за Михаилом, который вел меня через толпу людей у входа на базар. Он легко двигался через скопление народа, и, чтобы не потеряться, я пыталась от него не отставать. Несмотря на то, что я не остановилась, чтобы полюбоваться красотой мечети Биби Ханум, меня все равно окружала её излучающая свет живая сила. её ярко-голубые купола могли соперничать с самим небом, и восхитительные легенды, которые окружали её постройку, больше не казались сказками, но воспринимались, как исторические события, сливающиеся с мощью реального существования мечети.

Ханум, любимая жена Тимура, - китайская принцесса в одной истории, и дочь монгольского хана в другой – решила построить эту гигантскую мечеть, чтобы удивить своего мужа, когда он вернулся из похода в Индию. Молодой персидский раб – гениальный архитектор, построивший мечеть по приказу Ханум – не смог закончить работу, потому что пал жертвой красоты Ханум. Только королевский поцелуй дал бы ему силы, чтобы закончить постройку мечети перед возвращением Тимура в Самарканд. Приезд её мужа приближался, и не хватало все одной арки, чтобы закончить монумент, и от цели Ханум отделял всего лишь один поцелуй – поцелуй, который она все-таки подарила архитектору. Но страсть этого поцелуя оставила несмываемую печать на прекрасном лице Ханум, так что её наказанием стала казнь в этой самой мечети от руки своего разгневанного мужа.

Как только мы пришли на базар, я тут же увидела ряды плотных ковров местной выделки. Михаил шел впереди, раздвигая ковры и освобождая для меня проход. Замысловатые узоры ковров мелькали передо мной, будто старинные покрывала, открывая друг за другом пространство, спрятанное за ними. Звуки и вздохи базара слились в один непрерывающийся шум звенящего металла, сидящих в ржавых клетках кудахтающих куриц, жарящегося в больших сковородках мяса. Острый запах трав, набитых в разноцветные мешки, изобилие еды, раскаленный воздух, отдаленный звук барабана – все это засасывало меня все глубже и глубже в эту захватывающую вселенную. Я перестала следить глазами за Михаилом. Вместо этого я просто шла между рядами ковров и блестящих тканей, между

морями фруктов и приветливых лиц. В какой-то момент я заметила Михаила, стоящего на открытом пространстве и ожидающего меня.

Его лицо в дневном свете, на фоне других лиц, выглядело необычно. Он был больше похож на европейца, так как черты его лица были тоньше, и на нем практически не наблюдалось следов монгольских корней. Я подумала, что в нем могла быть и таджикская кровь. Потомки индоевропейских кочевников, пришедших на территорию Самарканда тысячи лет назад, таджики все еще сохраняли европейские черты лица, не перемешанные с монгольскими.

- Вы знаете историю Биби Ханум? - на самом деле Михаил как бы и не задавал вопрос; каким-то образом он догадался, что я знаю историю мечети, поэтому он продолжил.

- Не она была тем человеком, который построил мечеть. Тимур построил её сам. И построил он её не для своей любимой жены, а для другой цели. Он построил мечеть для гармонии. Он знал, что единственная сила, которая могла пережить века, была сила в гармонии с Землей. А он отчаянно хотел, чтобы его сила осталась в веках. Поэтому ему пришлось её сбалансировать. Ему пришлось через Землю работать с теми духами травмы, которые он создал за время своих военных походов.

- Но Тимур не был первым. Были еще двое человек, связанных с Самаркандом и друг с другом через века: Александр Македонский и Чингисхан. Потом был Тимур. Эта земля стала полем сражения не только для их солдат, но и для их внутренних демонов. В Самарканде каждый из них претерпел значительную трансформацию, которая определила их судьбу в загробной жизни. Именно на этой земле они встретились лицом к лицу со своими демонами, и их жизни изменились именно здесь.

Сказав это, Михаил замолчал и посмотрел на меня.

- Это потрясающе! Расскажите еще что-нибудь! - Я не могла дождаться, когда он продолжит свой рассказ.

- Главный принцип гармонии лежит в способности постигнуть природу того, что тебя окружает. У каждого места есть своя цель и функция. Дом – это место, где живут. Поле сражения – это место, где воюют. Мавзолей возводится тоже для того, чтобы служить своей цели – быть домом усопших. Сейчас мы на базаре, а базар – это место, где торгуют. Здесь вы можете покупать и продавать, но вы не можете просто так рассказывать здесь истории. Если вы хотите, чтобы я рассказал вам эту историю, то вы должны у меня её купить. А так как сегодня отличный день для торговли, то я не продам вам эту историю задешево. Но если вы подождете, пока мы не придем в место, в котором рассказывают истории, то я расскажу вам все задаром.

- Думаю, что подожду.

- Я так и подумал. - Михаил опять улыбнулся. - Пойдемте дальше.

Мы продолжали идти через разноцветные ряды торговцев где-то еще 100 метров, пока базар неожиданно не кончился, и мы не оказались стоящими на огромной открытой площадке, где бродячий цирк, окруженный толпой, давал представление. Два больших столба были хорошо прибиты к земле, а между ними был натянут толстый канат. На верху каждого столба чуть заметно покачивались маленькие платформы, на одной из которых двое человек ожидали третьего, пока он взбирался вверх по столбу.

Я на заметила, как толпа оттеснила меня от Михаила, потому что мои глаза были прикованы к этим опасным приготовлениям. У акробатов не было никакой защитной сетки, а конструкция столбов и каната, натянутого высоко над землей, не выглядела достаточно надежной, чтобы удержать трех взрослых мужчин.

Несколько других цирковых артистов внизу, на земле, развлекали публику шутками, разговаривая на местном наречии, играли на музыкальных инструментах, выкрикивая заявления, которых я не понимала. Я чувствовала, что перенеслась в давно забытые детские воспоминания. Это даже не было личным воспоминанием, потому что я раньше никогда не видела бродячего цирка. Я просто ощущала себя ребенком, похожим на множество возбужденных детей вокруг меня, которые с нетерпением ожидали начала представления.

Я вглядывалась в лица взрослых вокруг меня. Они тоже выглядели по-детски; даже в умудренных опытом, прищуренных глазах уважаемых узбекских стариков, сидящие на своих низких стульях и курящих трубки, читалось искреннее возбуждение.

Женщина среднего возраста и традиционном полосатом шелковом платье помахала мне рукой с другой стороны толпы. В другой руке она держала бубен, которым ударяла в ритм цирковой музыки. Я улыбнулась ей в ответ, но женщина опять мне помахала, приглашая подойти ближе.

Я подошла к ней, гадая, что ей от меня нужно. Она нагнулась и вытащила из своей сумки белый диск свежееиспеченной плоской лепешки, называемой “нан”. Она протянула его мне, и в тот момент, когда она это сделала, меня овеяло запахом свежего хлеба, и я поняла, что этот запах пронизывал весь базар. Этот хлеб продавался на каждом углу, и его завлекающий аромат наполнял воздух.

Я вспомнила историю о том, как Тимур менял пекарей, пытаясь найти такого, кто бы смог испечь хлеб, подобный нану, выпекаемому в его любимом Самарканде. Каждый пекарь сопровождал Тимура в его военных походах. В конце концов, Тимур все это прекратил, потому что понял, что дело было не в пекарях и не в муке – все дело было в том, что в хлебе был запечатлен сам воздух Самарканда, и именно это делало его таким незабываемо вкусным. С тех пор Тимур, независимо от того, где находился во время своих путешествий, распорядился привозить хлеб из самого Самарканда.

А теперь эта самаркандская женщина протягивала мне прекрасный белый нан, и я не смогла устоять перед его ароматом и её улыбкой.

- Сколько я вам должна? - я уже собиралась открыть свой пояс с деньгами и дать ей несколько рублей, когда она резко меня оборвала.

- Нет, нет! Никаких денег! Этот хлеб – подарок для вас. Ведь вы пришли с ЧИЛТАНОМ! ЧИЛТАН на базаре! Сегодня такой замечательный день! Такой прекрасный день для торговли! Возьмите это как подарок!

Растерянная, я взяла у неё нан и пластиковый пакет, чтобы убрать в него хлеб.

- Спасибо! - Но до того, как я успела спросить у неё, что она имела ввиду, когда сказала, что я пришла с “чилтаном”, громкие фанфары известили начало представления, и все головы поднялись к небу.

Один мужчина стоял на кабеле, для равновесия неся в руках длинный тяжелый шест. Маленькие сиденья были прикреплены к каждому концу шеста, и на каждом сидело по одному мужчине. Они немного двигались вверх-вниз на своих сиденьях, пока канатоходец делал свои первые шаги, покидая площадку. Толпа замерла. Дети перестали бегать, взрослые прекратили разговоры, только маленький бубен и флейта играли в такт его шагам. Под их ритм канатоходец продолжал двигаться высоко над головами, все дальше и дальше удаляясь от безопасной платформы. Его шаги были очень маленькими, ноша выглядела невероятно тяжелой, а перед ним простирался почти весь канат, по которому ему еще нужно было пройти, чтобы достигнуть такой же площадки на другой стороне.

Он не спешил. Я не видела ни его лица, ни лица двух других мужчин, которых он нес. Я только видела его расслабленную спину, золотистую шелковую рубашку и красную тюбетейку – кепку, вышитую замысловатым узором. С того места, где я стояла, другой столб выглядел выше, поэтому для моих глаз казалось, что канатоходец взбирался вверх, маленькими шажками поднимаясь к небу – тому самому небу, которое соперничало с бирюзовыми куполами мечети Биби Ханум.

Этот акробат знал, в чем его сила. Он точно знал, сколько энергии вложить в каждый шаг, чтобы быть в состоянии дойти до другого конца каната. Его шаги были настолько выверены и сбалансированы, что в какой-то момент я перестала ощущать, что ему грозит опасность. Он был великолепным акробатом. Он знал, как ходить по канату. Но когда я посмотрела на спины двух других мужчин, молча сидящих по краям шеста в одинаковых золотистых рубашках, я испытала истинный страх. И я чувствовала, что и вся толпа была загипнотизирована этими двумя, у которые не было никакой возможности защитит себя, и

им приходилось доверять тому, кто их нес. Они не могли наблюдать за его движениями. Они смотрели вперед, ожидая, когда их понесут дальше.

Это заняло какое-то время, потому что канатоходец шел очень медленно, но когда он спокойно и аккуратно достиг платформы, у меня возникло чувство, что это была я, кого он бережно донес по канату к небу. Толпа разразилась аплодисментами. Акробаты чуть заметно поклонились, быстро спустились по столбу вниз, и один за другим прыгнули на землю. Я посмотрела по сторонам. Женщина с бубном все еще стояла рядом. Я воспользовалась паузой в представлении, что задать ей вопрос.

- Извините, пожалуйста, вы не могли бы мне сказать, что значит “чилтан”?

На её лице отразился шок, как будто я публично призналась в сумасшествии.

- Вы пришли вместе с чилтаном и даже не знаете, кто он? Она будто не могла поверить своим собственным словам. - Вы странная, - это было единственное, что она смогла добавить.

Я уже это слышала. Я вспомнила про Михаила и подумала, что, скорее всего, то, что говорила женщина, должно было иметь к нему какое-то отношение. Но у меня уже не было времени убедить её сказать что-то еще, потому что я поняла, что потеряла Михаила в толпе. Я стала лихорадочно выискивать его среди множества лиц. Его нигде не было. Я посмотрела на каждое лицо, но все же не увидела его.

Наверное, он ушел, подумала я. Он, скорее всего, увидел, что я не была достаточно внимательна, чтобы следовать за ним, и поэтому ушел. Я удивилась той грусти, которую вызвали эти мысли. Приготовление к следующему номеру вызвали возбуждение в толпе, но все это меня уже больше не интересовало. Мне было жаль, что я потеряла Михаила.

Толпа начала бешено аплодировать, когда другой акробат – молодой, почти мальчик – забрался на столб. Я бросила взгляд в то место, и там, рядом со столбом, я увидела Михаила, окруженного цирковыми артистами, и держащего маленького мальчика на руках. Он посмотрел на меня, и я поняла, что он наблюдал за мной все это время, ни на минуту не выпуская меня из поля зрения. Я с облегчением улыбнулась ему, и опять подняла голову к небу, где мальчик-акробат уже находился на середине каната, танцуя и прыгая на нем так легко, будто находился на твердой земле.

Музыка наполнилась экспрессией. Артисты танцевали на земле вместе в фигурой мальчика в небе, который выглядел так, будто летал над канатом, поддерживаемый невидимыми руками. Люди хлопали в ладоши и пели в такт музыке; в воздухе раздавались одобрения. Потом музыка неожиданно стихла. Шепот пронесся по толпе, а затем все замолчали. Никто не шевелился. Все подняли головы к небу, где мальчик неподвижно стоял на канате лицом к толпе, но с закрытыми глазами. Тоненькая фигурка в золотистой рубашке и плотных черных брюках – он был образом неба на фоне высоких голубых куполов мечети Биби Ханум.

Он раскинул руки, открыл глаза, улыбнулся толпе внизу, а затем грациозно и без каких-либо видимых усилий оттолкнулся от каната и полетел на землю головой вниз. Толпа издала единый вздох ужаса. Тело мальчика пролетело через купола на фоне кирпичных стен мечети, и было похоже, что он разобьется о землю. В тот самый момент, когда его голова уже готова была удариться о землю, падение остановилось, и он повис в воздухе, поддерживаемый длинными веревками, перевязанными вокруг его высоких кожаных ботинок. Повиснув так в воздухе, он все еще держал руки раскинутыми в стороны, летая вверх и вниз вокруг каната. Его золотистая рубашка сверкала в солнечном свете, пока его тело летало через стены и купола мечети, туда-сюда, будто легкая кисточка в руках невидимого художника. Я пошла в Михаилу через возбужденную толпу. Он уже поставил ребенка на землю и разговаривал с акробатами.

Когда я подошла к нему, он посмотрел на меня и сказал без предисловий: “Это дисциплина, которая учит, как трансформировать пространство, используя время в качестве союзника. Наши страхи заключены в пространственных промежутках, которые собраны определенным образом, поэтому мы верим, что они являются непререкаемой реальностью.

Когда они, – он чуть заметно махнул головой в сторону мальчика-акробата, только что прыгнувшего на землю рядом с нами, – ходят по канату, их пространство трансформируется. Они ни на секунду не допускают мысли, что живут на земле; они верят, что обитают на небе. Они живут на небе и прыгают на землю, спускаясь из будущего в то место, где обитали в прошлом. Они изменяют прошлое людей, которые за ними наблюдают, принося с неба энергию будущего.

- Почему вы все это ей рассказываете? – это вопрос задал мальчик, который собирал свои вещи. Очевидно, что его раздражало мое присутствие и разговор между мной и Михаилом.

- Потому что ей нужно это знать, – сказал Михаил. Его ответ был не объяснением, а скорее приказом воздержаться от дальнейших вопросов. Он не только знал всех цирковых артистов, но и обладал у них авторитетом. Мальчик наклонил голову и быстро ушел. Как бы мне ни хотелось задать Михаилу несколько вопросов, чтобы понять, о чем он говорил, мне пришлось подождать с вопросами и просто молча стоять рядом с ним, чтобы избежать растущего раздражения, исходящего от цирковых артистов вокруг нас. Они собирали свои вещи, а некоторые подошли к нам и недружелюбно посмотрели на меня, хотя и ничего не сказали.

- Теперь мы идем с ними. Это очень близко. Им нужно кое-что вам показать в своем лагере. – Эта фраза Михаила, услышанная артистами, привела к нарастанию волны напряжения между ними. Я видела, как они группкой отошли в сторону и стали друг с другом шептаться. Меня совсем не прельщала перспектива идти куда-то с группой раздраженных мужчин. Поэтому, когда я увидела двух молодых женщин, которые подошли ко мне и Михаилу и сказали добродушным голосом: “Пойдемте в наш лагерь”, – я почувствовала облегчение и решила пойти с ними. Моя интуиция подсказывала мне, что там я встречу с чем-то важным для себя.

Около 15 человек, большинство из них мужчины, покинули базар и пошли через узкие улицы по направлению к лагерю. Акробаты не сменили свои золотистые рубашки, и шли впереди всех и разговаривали. Я предпочла идти с двумя молодыми женщинами, которые были очень разговорчивыми. Их платья отличались от традиционных платьев с длинными полосками, которые носило большинство местных женщин. Но их одежда тоже не выглядела современной. На них были надеты белые блузки и яркие цветные юбки с ремнями, к которым было прикреплено множество кожаных полосок. Большинство людей в этой группе носили вокруг талии такие же ремни.

Мы оставили позади густонаселенную часть города и где-то через 10 минут достигли окраины. На долгие километры перед нами простиралось открытое пространство, а песчаные холмы и древние массивные руины раскинулись до горизонта. На длинном холме справа от меня тянулась непрерывная цепь мечетей. Лагерь, состоящий из нескольких войлочных шатров, расположился рядом с руинами. Между кострами бегали маленькие дети, а в больших котлах над огнем кипела еда. Несколько пожилых женщин, на груди которых висело большое количество золотых украшений, сидели на низких стульчиках, курили свои трубки и внимательно смотрели на меня.

Я почувствовала себя неуютно. Они не говорили по-русски, а я не понимала языка, на котором они разговаривали, хотя он и звучал как узбекский. Я ощущала вокруг себя плотную атмосферу подозрительности. Михаил был здесь единственным человеком, которого я знала, а он был самым непредсказуемым из всех.

- Ей нужно увидеть образ, – сказал он группе мужчин, которые стояли вокруг него. Они окинули меня взглядом и ничего не сказали, а просто продолжали на меня смотреть. Тишина становилась непереносимой. Чтобы прервать эту неудобную тишину, я спросила первое, что пришло мне в голову.

- Этот образ как-то связан с чилтанами?

Мой вопрос вызвал такую перемену, о которой я не могла и помыслить. Немедленно мужчины расслабились и покачали головами, соглашаясь. Я тут же почувствовала, как

изменилось их отношение ко мне, как холодная отстраненность сменилась самым радушным приветствием с их стороны. Один из них, скорее всего, самый пожилой, откинул край шатра и пригласил меня войти.

Я ступила в маленькое пространство шатра. Он не был чьим-то домом, просто неким местом, в котором почти отсутствовали атрибуты настоящего дома. Около одной из стен шатра помещался низкий круглый стол, на котором стояла свеча, приклеенная к блюду. За исключением специального окошка на крыше шатра, горящая свеча был здесь единственным источником света. Перед входом стоял огромный каменный куб, который, очевидно, был вырублен потому, что ровность его отполированных граней была почти идеальной. На кубе стоял какой-то большой предмет, накрытый серой льняной тряпкой. Мужчина поставил стул перед камнем.

- Садитесь, - произнес голос Михаила за моей спиной. Когда я попыталась повернуться и посмотреть на него, он остановил меня и положил руку на мое правое плечо, надежно удерживая меня на стуле.

Я опустилась на стул и заметила, что мои ноги немного подрагивали, хотя я и ощущала себя на удивление спокойно. Воздух в шатре был душным, и в нем присутствовал какой-то особенный запах, будто в этом закрытом пространстве сожгли огромное количество трав.

- Теперь закройте глаза, - сказал Михаил, стоящий за моей спиной, его рука все еще покоилась на моем плече.

Мои веки отяжелели, и я закрыла глаза.

- Когда я уберу руку с вашего плеча, откройте глаза и смотрите только прямо. Не поворачивайте голову, что бы не случилось.

Я держала глаза закрытыми. Рука Михаила все еще была на моем плече, а я внимательно ждала момента, когда он уберет руку, чтобы я могла открыть глаза. Я ждала долго. Его рука казалась такой тяжелой, что мне показалось, будто прошла вечность. Но я все еще ощущала тяжесть. В какой-то момент я перестала ждать. Мне стало все равно. Я вообще забыла о его руке. Только когда мое тело стало легким, будто оно летело по воздуху, я сама по себе открыла глаза и посмотрела на то, что было передо мной.

Это было каменное лицо, глядящее на меня. Его идеально вырезанные глаза были прямо передо мной, на уровне моих глаз. Несмотря на то, что лицо было вырезано из камня, оно каким-то образом казалось живым и способным общаться. Я хотела отвернуть голову, но не смогла этого сделать. Моя шея меня не слушалась, поэтому я не могла избежать этого каменного взгляда, проникающего в меня, и почувствовала подступающую тошноту.

Этот образ погрузился в меня, стал неотъемлемой частью меня, будто был моим собственным лицом. Моя тошнота усилилась, как и мое сердцебиение, и мне стало трудно дышать. Когда эти симптомы достигли предела, я с ужасом поняла, что на меня смотрели 2 абсолютно одинаковых лица. Два лица были выдолблены в камне, одно над другим, и оба они были глубоко связаны со мной, будто этот камень был продолжением моего тела. Глаза верхнего лица впились в мои глаза, в то время как глаза другого смотрели мне прямо в сердце. Второе лицо было выдолблено ниже, на уровне сердца, и этот образ будто вскрывал мою грудную клетку и вытягивал что-то из моего сердца, причиняя мне невыносимую боль, смешанную с глубоким удовольствием.

- Это то, как волшебники смотрят друг на друга, - сказал Михаил. Его голос будто шел из моей груди, проходя через все мое тело к глазам второго лица.

- Для совершения любого волшебства всегда нужно два лица. Наш город, Самарканд, однажды назывался “Зеркалом Мира”. Большинство людей думают, что это имя происходит из желания Тимура построить на этой земле самые красивые здания, которые он когда-либо видел во время своих путешествий – чтобы сделать Самарканд “Зеркалом Мира”. Но у этого имени есть и другое значение.

- Однажды город служил в качестве одного из земных лиц, отражающих друг друга особым образом. Самарканд был одним из лиц этого зеркала. Эта зеркальная связь служила

источником волшебства в течение тысяч лет, особенно когда это было нужно больше всего. На сегодня немного известно о той связи, но когда-то она была живой и очень мощной, и много чего важного реализовалось через эту связь.

В истории были спокойные времена, но были и дикие. Судя по вашему приезду из далекого севера, похоже, опять наступают дикие времена. Поэтому снова должна быть проделана работа, работа с помощью второго лица – лица смерти. А смерть – это как раз то, с чем нам придется работать дальше.

- Где находится второе лицо Земли? - я была рада убедиться, что по крайней мере мой голос все еще служит мне.

- В месте с тем же самым именем. В стране, которая отражает нас географически. Та страна тоже существовала между двумя реками, как и наша, и с незапамятных времен мы делим с их людьми территорию волшебства.

- Место с таким же именем? - я не могла найти ответа на то, что он сказал. Мои глаза сфокусировались на каменном лице передо мной, мой ум ощущал бессилие. Затем что-то сдвинулось, мое сознание переместилось в район груди, и я начала видеть глазами сердца. Таким образом, простое и очевидное понимание заполнило пространство между моим сердцем и вторым лицом скульптуры. Ко мне пришла мысль - “Шумер”.

Конечно, то же самое имя, только с немного отличным произношением! У Самарканда, в названии которого вторая часть - “канд” - это суффикс, обозначающий “город”, было то же имя как и у Шумера, чья территория на протяжении тысячелетий находилась между двумя реками – Тигром и Евфратом. Я почувствовала, как древняя тайна почти физически коснулась меня.

- Я думаю, на сегодня достаточно, - сказал Михаил, снова опуская свою руку на мое правое плечо. Мои глаза опять медленно закрылись. А когда он убрал руку, и я вновь их открыла, каменная скульптура уже была накрыта льняной тряпичей. Я поднялась и вышла наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха, и моя тошнота быстро прошла.

- Я провожу вас до автобусной остановки, - сказал Михаил, выйдя следом за мной из шатра. И даже не дав мне возможность еще немного поговорить с людьми из табора, он пошел в сторону от лагеря. Я быстро попрощалась с мужчинами и женщинами, стоящими вокруг, и пошла за Михаилом по направлению к автобусной остановке.

- Завтра утром возьмите тот же автобус и приезжайте сюда к 10.00.

Я задала ему еще один вопрос: “Эти цирковые артисты.....они цыгане? Они не узбеки?”

- Они узбекские цыгане – лиули, Племя Сновидящих. Завтра мы поедем в место, где рассказывают истории. Будьте здесь в 10.00.

Через большое заднее окно автобуса, увозившего меня из этого безлюдного места в густонаселенный центр города, я видела, как уходил Михаил. Его худощавая фигура уменьшалась в размерах, но я видела, что он шел в направлении, противоположном цыганскому табору, в сторону безлюдных развалин и длинной цепи куполов на другой стороне холма. Я знала, что буду здесь завтра в десять утра, хотя и не могла рационально объяснить, в чем для Михаила заключалась цель нашего общения.

Тогда я еще не знала, что недавно Михаил, Владимир и еще пару человек встретились здесь, в Афрасиабе, на развалинах старого города по соседству с Самаркандом, и приняли решение начать осознанно взаимодействовать с Западом. Я не знала, что после той встречи Владимир поехал в Новосибирск – один из русских метафизических центров – известный своим уникальным сочетанием древних оккультных традиций и современной науки, чтобы найти наиболее подходящего кандидата для того, чтобы приехать сюда и на собственном опыте увидеть их работу и рассказать о ней на Западе. Я понятия не имела о том, что оказалась этим кандидатом, что я уже находилась внутри той реальности, которую они для меня приготовили, и через которую мне нужно было пройти, или что у меня уже не было пути назад. Мне не нужно было об этом знать в тот момент, и я рада, что не знала.

Вместо этого, мое сознание было сфокусировано на моих недавних переживаниях, ошеломляющих и сбивающих с толку, и я пыталась найти причину своей реакции. Очевидно,

что Михаил был необычным человеком, но почему даже малейшие его замечания или действия вызывали во мне тревогу и беспокойство? Раньше я уже имела дело с необычными людьми. Раньше я легко была способна встретиться лицом к лицу со своими самыми глубинными страхами. Что он пытался показать мне во мне самой, от чего я так отчаянно пыталась убежать?

Я чувствовала, что у него был доступ к закрытой области моей памяти, которую я пыталась отыскать, и в то же время подсознательно отталкивала. Я ощущала, что у него есть ключ к этой памяти, и что у меня по-настоящему не было выбора, как только быть здесь в 10.00 утра. Потом автобус сделал поворот, и я потеряла Михаила из виду.

Глава 6

На город уже спустилась ночь, когда я пришла к себе в гостиничный номер. Воздух Самарканда, тяжелый и горячий, постепенно остывал. В моей комнате, маленькой, но теперь казавшейся красивее, не было кондиционера, поэтому, перед тем как лечь спать, я открыла окно. Звуки, привычные для улиц большого города, заполнили комнату: людские голоса, гудки такси, звуки покрышек при резком торможении, громкие крики, следовавшие после этого. Когда я прислушивалась к этим звукам, они казались мне обычными, такими знакомыми, что я опять стала чувствовать себя уютно, хотя глубоко внутри росло новое чувство, и я знала, что оно уже не исчезнет.

Это было ощущение нахождения в тайне, острое осознание того, что я физически столкнулась с мистикой в городе, называемом “Зеркалом Мира”. Этот город отражал для меня обычный мир, который я оставила далеко позади. Он отражал все как далекий мираж, и мне начинали открываться те стороны моей реальности, которых я не видела раньше.

Но в этих срезх реальности таилась и опасность. Я чувствовала, что постепенно, за возбуждением и ожиданиями, во мне опять медленно зарождалось беспокойство. Чем глубже я проваливалась в сон, тем сильнее оно становилось. Все мое тело было как лодка, плывущая по волнам неизведанного океана. Затем пришел момент, когда огромная волна сновидений накрыла меня и потянула эту лодку моего тела на глубину, отрезая все пути к спасению.

Я погрузилась в сновидение, пытаясь не забыть, что чтобы ни случилось со мной сейчас, это всего лишь сон, и мне не нужно ни о чем переживать, а нужно только отдохнуть и расслабиться. Горячий воздух в комнате расширился, будто комната была цилиндром, вкручивающимся в длинный туннель, связанный с пространством за пределами стен гостиницы. К моему удивлению, я заметила, что свободно лечу через это пространство, оставляя комнату позади. Я летела через воздух и понимала, что сплю, но все же вполне себя осознавала. Мне и раньше снились такие сны, но в этот раз природа моих движений была другой, как будто скорость моего тела, летящего по воздуху, регулировалась чьими-то невидимыми руками. Кто-то удерживал мое сознание в этом сновидении и помогал мне лететь с той скоростью, с которой было нужно.

С помощью этого невидимого влияния, я каким-то образом поняла, что для того, чтобы осознавать себя и продолжать лететь, мне необходимо было поддерживать определенную скорость. Если я буду лететь чересчур медленно, то воздух меня не выдержит, и я погружусь в сон без сновидений. Если я буду лететь слишком быстро, то реальность вокруг меня исчезнет, и я утрачу осознание самой себя. В какой-то момент я попыталась посмотреть на то, что меня окружает, и мое самоосознание моментально стало ослабевать, так что я почти его потеряла. То же невидимое присутствие переместило мое внимание назад к моему телу, и я поняла, что для того, чтобы оставаться в воздухе и лететь, мне нужно было двигаться не только с помощью рук, но и с помощью боков. Я так и сделала, и моя концентрация восстановилась, подпитываемая со всех сторон ощущениями моего тела. Внезапно я увидела голубоватую горную вершину. Цвета этого видения были настолько яркими, что мне пришлось сделать усилие, чтобы просто наблюдать, а не сравнивать и делать

выводы о том, что я видела. Огромный прекрасный орел взлетел с земли, когда я приблизилась к вершине. Он летал кругами, глядя на меня почти по-человечески осознанным взглядом. На коричневой земле были видны только островки снега и льда. Я не видела ни деревьев, ни домов. Здесь никого не было. Только орел продолжал летать кругами над моей головой, пока я стояла на земле. Инерция полета толкнула меня на край утеса, и я увидела внизу зеленую долину с реками и каньонами. Я смотрела вниз с гигантской высоты. Пространство внизу, которое открывалось передо мной, было открытыми и приглашающим, и я все еще чувствовала, как в моем теле кипит желание полета. Но чтобы продолжать летать, мне нужно было прыгнуть в бездну. Я должна была оттолкнуться ногами от твердой земли и отбросить все, что меня сдерживало.

Где-то глубоко в моем животе зародился страх, и остался там. Я попыталась его преодолеть и вернуться к восторгу полета, но мое тело отяжелело. Теперь мне казалось, что я разобьюсь. - Это всего лишь сон! - сказала я себе, и эта мысль пронзила мое сознание, опять разделяя его на правую и левую часть, и я поняла, что теперь лишусь того опыта, который испытала до этого момента.

Последнее, что я увидела перед тем, как все исчезло, была открытая линза маленькой видеокамеры, зафиксированная на металлической платформе справа от меня. Повернувшись к ней, я увидела свое лицо, отраженное от поверхности линзы так, как другой человек смог бы увидеть меня с другой стороны камеры. Что-то потянуло меня назад, мое сновидение рассеялось, и я впала в тяжелый сон.

Следующим утром я стояла на автобусной остановке в 09.30. Я была единственным пассажиром на остановке, которая была последней на маршруте, и водитель разрешил мне посидеть в автобусе до отправления. Водитель был узбеком с загорелым лицом. На вид ему было под 60. Его грустные, мудрые глаза были глазами человека, который в своей жизни работал слишком много, а получил взамен слишком мало материальных благ. Но это был человек, который постиг мудрость – почему жизнь добра к одним и не очень добра к другим. Но он хранил эту мудрость при себе.

- Это место....., - он махнул рукой в сторону цепочки мечетей на границе развалин. - Эти руины, где раньше был старый город, называются Афрасиаб. Мечеть называется Шахи Зинда. Мы называем её “Местом Живого Царя”. Есть легенда: давным-давно внутри этих стен король молился Богу, когда враг неожиданно напал на город и начал убивать людей. Царь принял решение (довольно странное, по моему мнению), продолжить свои молитвы, хотя его собственная жизнь тоже была в опасности. Он был очень верующим царем. Ничего удивительного, что царя тоже убили. Один взмахом ему отрубили голову, и царь упал замертво. Они так думали.

- Но потому что он был таким глубоко верующим царем, он не прекратил своих молитв даже под угрозой смерти. Его Бог оживил его и поместил под землю, прямо под эту мечеть, так что царь мог продолжать свои молитвы. Люди говорят, что он до сих пор живет под землей, и что иногда его можно попросить о чем-то, и, возможно, это сбудется.

- Как давно все это произошло? - спросила я водителя.

- О.....кто знает? Легенда есть легенда. Может быть, века, а может быть, тысячи лет назад. Никто не знает.

- Какому Богу он молился?

- Я думаю, что своему главному Богу – тому, в которого он верил. - водитель хитро улыбнулся, пока зажигал свою трубку и задумчиво смотрел на мечеть.

По прибытии на старое место, я посмотрела по сторонам, но не увидела никаких следов цыганского табора. Я не была уверена, скрывался ли он за холмами, или цыгане в спешке покинули эти места. А может быть, они и вовсе не существовали, и все, что произошло вчера, включая мою встречу с Михаилом, было странным сновидением, которое теперь растворилось. Эта мысль, даже в качестве шутки, вызвала во мне раздражение, поэтому я её тут же отбросила.

- Будьте осторожны, - сказал мне водитель. У меня было чувство, что он специально продлил стояние на пустой автобусной остановке, чтобы убедиться, что моя встреча была безопасной. Я думаю, что этот узбекский мужчина среднего возраста чувствовал некую ответственность за женщину-иностранку, приехавшую в безлюдный район в этот ранний час.

- Привет! - услышала я голос Михаила из-за спины. Я смотрела в сторону мечети, где он исчез вчера, и ожила, что он и придет оттуда, но Михаил неожиданно появился с противоположной стороны.

- Ну хорошо, удачи вам! - сказал водитель, быстро сядя на водительское место, как только убедился, что моя встреча была безопасной, и теперь он может ехать. В тот момент, как водитель увидел Михаила, я прочитала удивление на его лицо, хотя до этого он хорошо контролировал свои эмоции.

- Привет! Я ждала вас достаточно долго, - сказала я. Понятия не имею, почему я это сказала – ведь Михаил пришел вовремя.

- Вы хотели прийти раньше. Я так понимаю, что ожидание что-то для вас значит. Я прав? - сказал Михаил. Сегодня он выглядел старше. Он все еще был молодым человеком, но в его внешности уже не было юношеских вибраций, наполнявших его вчера. Он выглядел так, будто готовил себя к какой-то важной миссии. Его черные волосы свободно ниспадали на плечи. На нем был черный плотный льняной костюм, хотя и не официальный, состоящий из широких брюк и пиджака, не по размеру большого. Под низ он надел белую футболку.

Мне не хотелось задавать ему вопросы. Одно его присутствие давало мне ощущение комфорта и безопасности, а его замечания приглушали мое самокопание.

Не разговаривая, мы медленно пошли в сторону холма. Утренний пейзаж выглядел сюрреалистично. Мягкие изгибы коричневых холмов с развалинами древних зданий Афрасиаба между ними стояли на фоне индустриального города с его трубами котельных и высотками. Здесь было очень тихо. Я шла по земле, покрытой мягкой пылью, и представляла, что эта пыль могла лежать здесь на протяжении тысяч лет.

Движения Михаила были точными, но изящными. Он двигался как животное, как беспощадный тигр, который знал, как сберечь свои силы, быстро передвигаясь вверх и вниз по холмам.

- Как вы спали прошлой ночью? - Михаил наконец-то разрушил тишину этим вопросом.

- Хорошо. Спасибо! - Я не знала, что еще сказать.

- А как вам понравилось вчерашнее цирковое представление? - задал он еще один вопрос, поднимаясь на холм.

- Это было захватывающе. Потрясающе, что они все это делают без страховочной сетки. Они не боятся?

- Невозможно ходить по канату, если боишься. - Михаил дошел до вершины холма и там остановился на мгновение. С этого места открывался замечательный вид на Афрасиаб. Между холмами, на разных уровнях, перед нами предстали квадратные фундаменты развалин. Эти фундаменты могла рассказать больше, чем целые здания. Через эти заброшенные стены на уровне земли можно было увидеть прежние комнаты, и ничего не могло скрыть от взгляда эти пространства. Несмотря на то, что в течение многих веков здесь никто не обитал, у меня все равно возникло чувство, что я врываюсь в чье-то личное пространство, насильно открытое чужому взгляду, когда эти здания были разрушены во время сражений.

- Вчерашнее представление было одним из моих самых любимых, - сказал Михаил, поворачиваясь и глядя мне в глаза не мигая. Когда я вижу, как они вот так запросто ходят по канату, то вспоминаю, что то, как они это делают, очень похоже на то, как мы упорядочиваем наш жизненный опыт. И они делают это вполне осознанно. Поэтому я и сказал вам, что акробаты обучаются определенной науке. За их действиями стоил целая философия, и как только они это понимают, все это становится самой лучшей сеткой безопасности, которая только возможна. Они не могут упасть с каната, если только не поддадутся страху. Это

относится ко всем трем из них – к тем, кто сидит на сиденьях, и к тому, кто их несет на шесте. Все трое должны быть бесстрашными. Именно таким же образом и должно быть организовано наше сознание, чтобы реализовать свой потенциал. Правая и левая половины мозга должны быть сбалансированы и, когда нужно, безмолвны, чтобы середина смогла перенести их в другое измерение познания.

- Когда вы используете образ акробатов как метафору для умственной деятельности, кем является третий, тот, кто идет по канату? - мне казалось, что Михаил был очень близок к тому, чтобы рассказать мне что-то очень важное.

- Вы же ученый. Вы должны лучше знать. Мне кажется, что это тот, кто является ответственным за балансировку пространства, - во взгляде Михаила не было и следа иронии, а его ответ побудил меня сильнее задуматься о том, о чем он говорил. Я прикрыла глаза руками, чтобы помочь себе думать, и так и стояла какое-то время с закрытым лицом – мысли пролетали в голове. Конечно, он был прав. Скорее всего, даже и не осознавая этого, Михаил только что дал мне в руки ключ, который наконец-то соединил воедино все мои предыдущие мысли и идеи.

Предел асимметрии между функциями правого и левого полушария теперь был преодолен за счет наличия третьей составляющей. С её помощью происходило координирование и передача информации между двумя полушариями. Я подумала о структуре мозга и, в частности, об одной конкретной части, которая заинтриговала меня еще со времени мединститута. Внезапно, эта часть мозга как бы обрела невероятный вес – мозжечок. Это довольно большая часть мозга, в который находится наибольшее количество нейронных связей, хотя медициной он рассматривается только лишь как некий субстрат, ответственный за координацию движений тела.

Я отняла руки от лица, тяжело дыша, и почти рассмеялась от счастья, когда метафора Михаила расставила все на свои места. Конечно, мозжечок ответственен за движения частей тела, а также за организацию внутренних аспектов пространства. Все это включает аспект воображения, сновидений, памяти. Я вспомнила крутящихся дервишей, которые могли крутиться вокруг своей оси часами, чтобы вызвать измененное состояние сознания. Они точно знали, как работать со своим мозжечком.

Михаил смотрел на меня с легкой улыбкой, ожидая, чтобы я закончила свой мыслительный процесс. Когда он увидел, что я на него смотрю, он наклонился и растянул на земле тонкую веревку.

- Попробуйте пройти по ней, будто это канат, натянутый высоко над землей. Представьте, что вы один из тех акробатов, которых вы видели вчера, и вам нужно пройти по канату.

Все это звучало очень глупо, и я рассмеялась. Он тоже засмеялся, но все же махнул головой в сторону веревки, приглашая меня принять его игру. Я поставила правую ногу на веревку и не почувствовала её структуры – веревка была мягкой и пластичной. Я широко раскинула руки и представила, что держу в руках шест, к которому приделаны два тяжелых сиденья. Я сделала шаг левой ногой, перемещая её перед правой ногой на веревке. Внезапно я потеряла равновесие. Мне нужно было раскачивать свое тело направо и налево, чтобы выровняться. Теперь я стояла обеими ногами на веревке и боялась сделать еще один шаг.

Разнообразные мысли проносились в голове. Я говорила себе, что это всего лишь веревка, разложенная на земле, и что я никуда не упаду. В то же время, я пыталась удерживать в голове образ шеста с тяжелыми сиденьями, который находился в моих руках, и который мне нужно было перенести на другую сторону каната. Я также вспомнила, что Михаил наблюдает за мной, и чувствовала себя глупо из-за того, что не могла сделать ни одного шага.

В конце концов, я заставила себя сделать еще один шаг, и все мои мысли понеслись в моей голове – туда-сюда, между внутренним диалогом и образами, между правой и левой стороной мозга. Мое тело, пытаясь компенсировать интенсивность моих мыслей и образов, снова потеряло равновесие. Я чувствовала, что не могу ни прямо стоять, ни идти по прямой

линии на этом воображаемом канате. Я опять постояла какое-то время, пока мое тело снова не обрело равновесие. Потом, даже не думая, я просто перенесла всю свою концентрацию в заднюю часть головы, туда, где находится мозжечок, и попыталась ощутить его как центр моего сознания. И тогда с моим восприятием произошла поразительная вещь.

В тот же момент, когда я смогла полностью сфокусироваться на мозжечке, во мне зародился импульс к действию, будто я нашла двигатель, который только и ждал, чтобы я его завела. Я почувствовала сильный толчок, исходящий из задней части головы, и он подтолкнул мое тело вперед, даже не дав мне времени на раздумья. Теперь для меня уже было сложно удерживать себя от движения вперед. Я легко дошла до конца веревки, держа руки раскинутыми в стороны. Мои движения были настолько выверенными и свободными, что я наконец-то поняла, что значит ходить по канату высоко над землей и не бояться. Я спрыгнула с веревки, подняла её с земли и отдала Михаилу, который наблюдал за мной с удовольствием.

- Вы поняли, как это работает! - сказал он подбадривающе. Я знала, что он точно знал, через какой внутренний процесс мне пришлось пройти, чтобы добиться такого результата. Импульс к движению все еще жил во мне, и мне было легко идти по развалинам Афрасиаба за Михаилом, который шел впереди меня и продолжал говорить.

- Когда ваше знание и понимание чего-то зиждется на личном опыте, то все выглядит настолько просто, что становится смешно от того, что вы не видели и не понимали этого раньше, - я просто махнула головой в ответ, соглашаясь с ним.

- Ольга, я думаю, что теперь, после того, как вы узнали разницу между чистым движением, и движением, замутненным тяжелыми воспоминаниями, вам будет легче понять наш подход. В чистом движении для вас доступна вся энергия, которая вам необходима. В движении, обремененном угнетающими образами и воспоминаниями, вам, помимо веса вашего тела, еще приходится нести огромный вес ментальных нагромождений. Именно поэтому иногда бывает очень сложно всецело испытать какое-то явление, событие или переживание. Ваш незавершенный опыт продолжает напоминать о себе и постоянно возвращаться, потому что вы не можете завершить движение из-за того, что к нему привязан слишком большой груз.

- В случае болезненных воспоминаний, которые уже успели создать демона памяти, все это становится реальным препятствием, а не только тяжелым грузом. Это препятствие становится в вашем теле странной силой, которая активно сопротивляется вам, когда вы проходите через определенный опыт и пытаетесь его завершить. Эта сила живет внутри вас и снова и снова воссоздает негативные обстоятельства и препятствия. Вы вынуждены снова и снова бегать вокруг этой боли, вместо того, чтобы просто уйти и оставить её далеко за спиной. Это как будто внутри вас живет другое Я, о котором вы даже не подозреваете.

Я внимательно его слушала. Мне было не сложно следовать за его рассуждениями. Но последняя фраза Михаила внезапно напомнила мне о лаборатории Смирнова, о компьютерном экране, на котором пульсировали звезды, и о Маше, которая испытывала определенные переживания. Что она видела и испытывала в тот момент? Почему в её переживаниях было обнаружено несколько Я? Внезапно я почувствовала печаль, и даже не поняла, почему. Конечно, я не знала, что почти что в тот же самый момент, когда я гуляла с Михаилом по Афрасиабу, на Машу в её собственной квартире надели смирительную рубашку. Измученная и в полной отключке после запоя, который так и не помог ей побороть чрезмерное возбуждение, её принудительно госпитализировали в женское отделение моей психиатрической клиники.

- Вы почувствовали себя расстроенной, - сказал Михаил, глядя на меня. - Вы знаете, почему?

- Нет, не знаю. Михаил, в последние дни я чувствую себя очень странно. Я чувствую полный эмоциональный раздрай из-за всех этих эмоций, которые появляются неизвестно откуда. Обычно я понимаю свои эмоции и контролирую себя намного лучше, и меня беспокоит, что сейчас я не понимаю, что происходит вокруг меня.

Михаил остановился и внимательно на меня посмотрел. Затем он сказал спокойным голосом: “Это именно то, через что вам НУЖНО пройти. Я уже говорил вам об этом вчера. Это ваш единственный шанс. Вы должны мне доверять, и пройти через это. Вы уже здесь. Вы уже осуществили свое путешествие. Вам только нужно активизировать свою тревогу и депрессию, чтобы прожить их полностью и излечиться. Если я могу использовать аналогию движения, чтобы описать повторное проживание прошлых опытов, то ваши ощущения подтверждают, что вы по-настоящему начали двигаться через коридоры своих воспоминаний. А теперь скажите мне, почему вы сейчас почувствовали депрессию? Что вы вспомнили?”

- Ничего важного. Просто несколько образов.

- Послушайте меня, Ольга! В вашем сознании не может быть важных или неважных образов. Их важность условна, и они рождены нашим разумом, чтобы запутать нас. Любой образ является ключом к определенному кластеру вашей памяти, который всегда связан с другим кластером. Мы храним кластеры памяти внутри себя так же, как и матрешка хранит в себе другие матрешки, вставленные одна в другую. Внутри вас могут быть кластеры, зараженные демоном памяти, который научился прятаться за другими образами, чтобы продолжать причинять вам боль. Так что же вы увидели?

- Я увидела компьютерный экран в одной лаборатории, которую я посетила недавно. На экране была изображена схема работы мозга одной из девушек, которая там работает.

- Значит, увиденное на экране компьютера расстроило вас?

- Нет. - Я была уверена в своем ответе.

- Так что же вас расстроило? Какой образ?

- Это была сама девушка. - Я ощущала себя так, будто сейчас заплачу – Машин образ сильно меня расстроил.

- Вы друзья? Как долго вы её знаете?

- Я знаю её недолго. Она собиралась приехать сюда со мной, но..... не смогла.

Михаил очень внимательно смотрел на меня, пока я отвечала на его вопросы.

- Вы расстроены не из-за этой девушки, Ольга. И вы это знаете. Она лишь является одним из второстепенных звеньев, соединяющих вас с кластером боли. В ней есть что-то, что служит ключом к кластеру вашей памяти, откуда истекает ваша грусть, но не о ней вы грустите.

Внезапно, его слова вызвали внутри меня волну беспокойства. Она быстро поднялась и перекрыла мою грусть, и я почувствовала к Михаилу раздражение за его попытки анализировать мои чувства. Я заметила, что перемена в моем настроении, не осталась от него незамеченной.

- Есть два основных способа, с помощью которых мы реагируем на травмы. - Михаил продолжал говорить, не обращая внимания на мою тревогу, и это каким-то образом успокоило меня. - Эти два способа воспринимаются как неразрывные, но, в сущности, они являются прямо противоположными. Это депрессия и тревога. Существуют два разных типа демонов памяти, стоящих за этими переживаниями, и они требуют двух различных способов лечения.

- Когда вы одновременно испытываете эти чувства: депрессию и тревогу – то одно из них всегда преобладает, и очень важно точно определить, какое. В вашем случае, тревога, которую вы испытываете в последнее время, это ваша попытка излечиться от чего-то, что вас расстраивает. Тревога – это ваш союзник, так как она не позволяет вам расслабляться и держит вас в состоянии повышенного внимания к тому, что происходит внутри вас.

- Причина того, что эти чувства отражают различные процессы, заключается в том, что источники их зарождения тоже разные. В нас протекают только два основных психологических процесса, из которых складываются все наши переживания. Каждое переживание или опыт, через который мы проходим, состоит из действия и его оценки. Когда я говорю про действие, я имею в виду не только физические телодвижения, но и мысли, идеи, намерения. Оценки бывают как внешние, так и внутренние. Оба эти процесса постоянно друг с другом взаимодействуют, рождая уникальный опыт через их соединение. Когда мы

испытываем боль, то один из этих процессов страдает больше всего. Когда наша самооценка, наше мнение, которое мы создали о себе самих, страдает, мы испытываем беспокойство. Это связано в том, как нас воспринимают другие, и с теми страданиями, которые нам причиняют другие люди. Депрессия бывает вызвана пагубными действиями и развивается из-за выдуманного или реального действия или бездействия, которое мы оцениваем как ошибочное.

- Все это достаточно легко описать. Но если вы обратите на это внимание, то поймете, как эти процессы взаимодействуют. Вы только что испытали на себе, что значит “чистое” действие. И сразу же после этого к вам вернулось ваше уныние. Прямо сейчас я могу вам сказать, что какие бы болезненные воспоминания вы ни хранили в своей памяти, они вызваны вашей уверенностью, что что-то, что вы сделали или не сделали, было неправильным, и вы испытываете от этого чувство вины.

- Михаил, одно из главных чувств, которое я сейчас испытываю, это раздражение на вас, которое, в свою очередь, вызвало во мне чувство тревоги, - я попыталась быть с ним откровенной.

- Так и должно быть, - ответил он. Вы чувствуете раздражение, потому что я оказываю влияние на вашу самооценку и вызываю на поверхность вашего сознания чувства, которые вы пытаетесь забыть. Мои вопросы ведут к исцелению. Ваша печаль и чувство вины реальны.

В тот момент мне не хотелось говорить. Я чувствовала, что в его словах было много правды. Я также ощущала, что могла бы поспорить с ним по многим пунктам. Но в то же время ожидала, что он запросто разобьет мои аргументы, и я окажусь в ситуации, в которой он хотел, чтобы я оказалась – глядящей в лицо своим неясным, тревожным чувствам и пытающейся их избежать.

Так как мы уже дошли до вершины холма, то мне захотелось немного отдохнуть перед тем, как идти дальше. Земля была сухой и теплой от солнца. Я присела на прошлогоднюю пожухлую траву и стала смотреть на долину у подножия холма, на котором мы находились.

Михаил присел рядом со мной и долго смотрел перед собой. Затем он сказал очень тихим, успокаивающим голосом: “Вы только что испытали на себе, что такое “чистое” действие. Теперь вы можете попытаться испытать, что такое “чистое” восприятие. Для этого вам нужно закрыть глаза.

Как только он это сказал, мои веки опустились еще до того, как я приняла решение последовать его указаниям. Я подумала про себя, что мне нужно быть аккуратной и не давать ему так много власти надо мной. Но он продолжал говорить успокаивающим голосом, и мои тревоги улеглись.

- Вам нужно сделать почти то же самое, что вы делали, когда шли по канату. Вам нужно сделать усилие, чтобы изменить восприятие самой себя. Помните акробатов? Вы в ловушке, если вы один из тех, кто сидит на сиденье, и кто-то другой несет вас на шесте на огромной высоте.

- Вы контролируете ситуацию, когда ВЫ идете по канату. Это два разных человека. Вы не можете выпрыгнуть из сиденья на канат. Вам просто нужно поставить себя на место другого человека, того, кто идет по канату. У вас это хорошо получилось. Теперь вам нужно попытаться почувствовать себя в шкуре субъекта, на которого направлено действие. Переместите свое внимание не в заднюю часть головы, как вы это делали, когда ходили по канату, а в район лица. Уровень глаз – это то место, где находится центр восприятия. Если вы попытаетесь сконцентрировать свое внимание на этом уровне, и не позволите вашему вниманию переместиться назад в центр головы, то вы сможете испытать “чистое” восприятие и уже не потеряетесь в кластерах своей памяти. Попробуйте!

Я сидела с закрытыми глазами, и заметила, как много мыслей, ассоциаций и вопросов всплывало на поверхность моего сознания из середины головы. Я сделала усилие и переместила внимание к лицу, сильнее и с большим вниманием фокусируясь на области глаз. Когда у меня получилось задержать там свое внимание, я неожиданно постигла себя как Я,

отличное от моего обычного самосознания. Я была наблюдателем, кем-то, кто всегда живет в моих глазах. Я замечала малейшие детали всего, что меня окружало, и воспринимала все так четко, как будто мои глаза были открыты, и я могла все видеть. Ничего не могло укрыться от моего восприятия.

- Хорошо, у вас очень хорошо получается, - я снова услышала Михаила, но моя реакция на его слова разрушила равновесие. Я снова скатилась в мое обычное восприятие. Я открыла глаза и посмотрела на долину вниз. Она выглядела так, будто мое зрение невероятно улучшилось. Я заметила отару овец на холме вдалеке, но теперь я почти различала малейшие детали их серых, толстых тел, флегматичного бродящих в траве. Будто мои глаза были линзами видеокамеры, которую неожиданно настроили после многих лет поломки, и я наконец-то могла видеть все очень четко.

- Когда вы испытываете грусть, это четкий знак того, ваша травма основана на убеждении, что ваши действия или бездействия причинили кому-то боль. Чтобы начать исцеление, вам нужно запустить противоположный процесс. Вам нужно излечить соответствующие воспоминания, работая с восприятием. А теперь попробуйте воссоздать вашу грусть еще раз.

Я продолжала сидеть на траве, смотря на долину. Картина была такой умиротворяющей, а мой ум был настолько расслаблен после того, как я пережила роль наблюдателя, что мне было трудно откликнуться на его требование. Я не могла заставить себя испытать чувство грусти, хотя и пыталась. Я закрыла глаза и попыталась восстановить ощущение грусти, но оно не приходило. Затем Михаил сказал мне: "Используйте образ той девушки как ключ, чтобы приоткрыть эту часть вашей памяти. Вспомните её, чтобы вспомнить вашу грусть".

Машино оживленное и красивое лицо всплыло перед моим внутренним взором. Я вспомнила, как она сидела в моем кабинете и пыталась уговорить меня пойти на лекцию Владимира. Я ощутила внутри теплую волну, вызванную этим воспоминанием. Я почувствовала, что больше на неё не сержусь, и что её образ вызывает во мне улыбку. Я улыбалась с закрытыми глазами, а потом услышала, как Михаил произнес тихим голосом: "Попытайтесь вспомнить эту девушку при других обстоятельствах. Какое отношение она имела к компьютерам? Она в той же комнате, что и компьютеры? В той комнате у неё есть право выбора делать то, что она хочет? Она может уйти оттуда, когда захочет или должна оставаться там, пока ей не разрешат оттуда уйти? Что происходит с ней в той комнате?"

Его вопросы вернули мое беспокойство. Фокус моего внимания перенесся из моего кабинета в компьютерную комнату в доме Смирнова. Я вспомнила Машу, лежащую на черном диване, с проводами, присоединенными к её телу, и записывающими каждое её внешнее и внутреннее движение и порыв. Она находится в глубоком трансе. Она даже не может двигать веками. её тело парализовано, но её ум бодрствует. её восприятие обострено, а память неумолимо переносит её в то место и время, где её тело точно знает, что значит быть изнасилованной.

Слезы собрались под моими веками, и меня затопила печаль. Я боялась открыть глаза и дать волю слезам.

- Теперь, - услышала я тихий голос Михаила, - сохраняйте это чувство грусти в вашем сердце и попытайтесь перенести свое внимание и концентрацию в область глаз. Оставьте ту часть вашей памяти, где вы просто видите девушку, и снова станьте наблюдателем.

Я почувствовала, что мне легко удастся следовать его командам. Я сделала усилие и снова стала неким существом, поселившемся в моих глазах, кем-то, кто все видит. Чувство грусти уменьшилось, но до того, как оно полностью исчезло, голос Михаила приказал ему остаться. - Пока не позволяйте грусти полностью исчезнуть. Будьте наблюдателем И одновременно переживайте эту грусть в вашем сердце. Замечайте её там и продолжайте наблюдать за ней одновременно с другими чувствами, но не позволяйте ей завладеть вами.

Теперь я чувствовала, что его слова напрямую формировали мои внутренние порывы. Он помог мне не потерять фокус и одновременно находиться в своих переживаниях.

Ощущение присутствия Михаила и мои переживания усилились. Я испытывала его влияние на себе даже не видя и не слыша его. Постепенно из области сердца поднялась волна грусти, заполняя грудь и мешая дышать. Я поймала эту волну, как только она поднялась во мне. Моя голова опустилась, будто я смотрела в землю. Мои глаза все еще были закрыты. Я видела землю (даже не открывая глаз) и могла разглядеть её пыльную и неровную поверхность. Тонкие былинки прошлогодней пожухлой травы соприкоснулись с моим лицом, как будто меня бросили на землю.

Я застонала. Картины пыльной, сухой земли заполнили мой взор и замерли перед моими закрытыми глазами. Земля была неподвижна, как каменная стена. Я не могла отвести от неё взгляда. Я знала, что поза моего тела не изменилась. Я все еще сидела на земле с закрытыми глазами. Но картинка, на которой теперь был сконцентрирован мой взгляд, вызвала во мне ужасную боль. Я чувствовала, как болят мои руки – они горели от ушиба. Болели губы, ощущающие соленую кровь на языке – кровь, перемешанную со слезами.

- Что вы сейчас видите? - услышала я голос Михаила рядом с собой.

Мои губы медленно раздвинулись, и я сказала: “У меня сейчас яркое видение. Это очень давнее воспоминание из детства. Мне около пяти лет, теперь я хорошо это помню”. Я замолчала, пока воспоминания захлестнули меня.

Я видела, как качается земля перед моими закрытыми глазами в то время, как чьи-то руки пытаются мне помочь. Я чувствовала, как отяжелело мое тело, когда я пыталась прирасти к земле, и не позволить себя поднять. Я видела поверхность земли перед собой с отчетливой ясностью. Мне хотелось превратиться в одну из этих песчинок и потеряться в траве, чтобы никто меня не нашел и не вернул назад в этот жестокий мир.

- О Господи, Оля! Это же просто кошка! Нельзя же так реагировать! - услышала я голос своей бабушки. Мое тело стало мягким от слабости, мои мышцы больше не могли сопротивляться – руки бабушки подняли меня с земли. Я закрываю глаза руками, потому что рядом чужие люди. Я чувствую, как они на меня смотрят, и не хочу видеть их лица. Я иду и прикрываю глаза руками, а моя бабушка заводит меня в дом.

Теперь я чувствую, что могу говорить с Михаилом.

- Мне было пять лет, и я проводила летние месяцы в доме бабушки, которая жила в Курске, в Центральной России. Помимо дома у бабушки также был и сад. В нем росли цветы, кусты малины и крыжовника у забора. В паре сотен метров от дома протекала река, а на другой стороне реки был густой, темный лес. Я любила там каждый уголок. Там все было живым и волшебным.

- У наших соседей были куры. У всех были собаки, а у меня кот. Это был черный кот с белой грудкой. Он был большим, с лоснящейся шерстью и очень независимым нравом. В моем мире он был “человеком”, и я была единственной, кого он признавал. Обычно он приходил домой после ночных гуляний, съедал свою еду и снова уходил – иногда на несколько дней.

- Некоторые наши соседи, которые ходили за реку собирать грибы, иногда видели нашего кота очень далеко от дома, бегającego между кустами. Но он всегда приходил домой. Я никогда за него не беспокоилась. Я знала, что он обладал колдовскими способностями и мог за себя постоять. Только мне он разрешал гладить себя. Он понимал меня, когда я с ним разговаривала, и я была уверена, что он тоже мог говорить со мной без слов. Он был моим другом, моим наперсником, ниточкой, связывающей меня с волшебством. Я не беспокоилась за него, когда к нам в дом пришли соседи и начала жаловаться на нашего “ужасного” кота, который таскал их кур. Это случалось и раньше, и я знала, что будет происходить и впредь.

- Он был полудиким животным. Ему нужно было охотиться. Соседи пытались защитить своих кур, но мой кот всегда умудрялся их перехитрить, чем все больше и больше их раздражал. Они порой приходили к моей бабушке и жаловались на кота, как будто он был опасным преступником. Мне казалось, что кот как будто смеялся над ними в своей собственной кошачьей манере, и продолжал охотиться на кур. Пару раз бабушка даже согласилась избавиться от него. Соседи сажали его в машину, везли далеко-далеко за реку, на

другую сторону леса, а через несколько дней после этого из соседского курятника пропадала очередная курица, и я знала, что он вернулся. Я ставила блюдечко молока под сиренью рядом с домом. На следующее утро молока в блюдечке уже не было, а вечером кот приходил в мое тайное укрытие в саду и позволял себя приласкать. Так повторялось несколько раз. Соседи увозили его, а он возвращался. Иногда проходило несколько дней, иногда – больше недели. Но он всегда возвращался. Я не беспокоилась за него.

- Я не обижалась на бабушку за то, что она разрешала соседям увозить его – я понимала, что кот был диким. Бабушке нужно было что-то делать, чтобы успокоить соседей. Однажды он надолго пропал. Я ждала его днями и ночами, но он не возвращался. Мне было грустно, но я понимала, что даже если кот решил жить в лесу, то это был его выбор. Он был свободным существом. Несмотря на это, каждый вечер я продолжала ставить блюдечко с молоком под кустом сирени.

- Однажды утром соседка, одна из тех, кто действительно ненавидел кота, увидела, как я несла блюдце молока. Она встала по другую сторону забора, разделяющего наши дома и, уперев руки в бедра, прокричала мне через забор: “Кого это ты поишь молоком каждый день?”

- Своего кота. - Мне казалось, что не было причины скрывать это от неё.

- У тебя нет кота. - Она так наслаждалась этим разговором, что почти смеялась.

- Есть. Он вернется. - Я сделала ударение на этом слове, потому что знала, что это правда.

- Правда? Ты имеешь ввиду того черного колдуна, который раньше жил у твоей бабушки? - Она придвинулась к забору, чтобы видеть мое лицо, разговаривая со мной.

- Он вернется, - снова сказала я, пытаюсь не заплакать перед ней, потому что чувствовала, что именно этого она и ожидала от меня.

- Нет, не вернется. Он не вернется, может быть, только в твоих снах, дорогуша. Иван, скажи ей, что ты сделал с её котом, - крикнула она своему мужу.

её муж вышел из курятника и постоял на пороге, пытаюсь понять, о чем она говорила. Через какое-то время он, наконец, понял, что она имел ввиду, засмеялся с явным удовольствием и громко ответил: “Эта скотина? Я разрубил его пополам этим самым топором! - Он показал мне железный топор, которым он рубил курам головы. - Я поймал его, разрубил пополам и выбросил на помойку.

- Я помню, как молоко медленно закапало на землю, потому что мои руки уже не держали блюдечко. Я слышала свой собственный голос, крикнувший будто издалека: “НЕТ!”. Затем я помню, что бегу как в замедленной съемке, будто во сне, по узкой тропинке к дому – через высокую траву и кусты. Мои ноги будто ватные. Я пыталась бежать быстрее, но ноги меня не слушались. Длинная ветка от какого-то куста преградила мне дорогу; мои ноги запутались в ней, и я полетела на землю лицом вниз. Мои руки горели от боли. Губы почувствовали вкус соленой крови из-за прикусанного языка. Пыльная, неровная поверхность земли, покрытая прошлогодней травой – тонкой и пожелтевшей – ударила меня в лицо, и я больше никогда не хотела покидать это место.

Я помолчала какое-то время, а когда открыла глаза, то увидела перед собой Михаила. На короткий момент после этого я заметила, что его лицо было полно сострадания, которого я еще в нем раньше не видела, но потом выражение его лица изменилось, и он опять выглядел расслабленным и улыбающимся. Он молча протянул мне руку, помогая подняться. Он ничего не сказал, и мы продолжили свою прогулку в руинах Афрасиаба.

Глава 7

Скоро мы дошли до границы долины, и я увидела дом на холме. Это был обычный узбекский частный жилой дом, выкрашенный белой краской. Вокруг него росли молодые

тополя. На закрытой двери была прибитая обычная табличка с надписью “Музей”. Михаил заметил круглый белый камень рядом с тополем и сел на него.

- Это место, в котором рассказывают истории, - сказал он. - Вы начали мне рассказывать ваши истории, а теперь моя очередь рассказать вам мою – как я и обещал.

- Я посмотрела вокруг и больше не заметила никаких камней, на которых можно было присесть. Но затем я увидела маленькую деревянную скамейку недалеко от входа в музей и села на неё, так что Михаил находился где-то на расстоянии двух метров от меня. Расстояние было не очень комфортным для разговора, но так как я ничего не могла изменить, я решила не обращать внимания на неудобства.

- История, которую вы мне только что рассказали, является еще одним покровом, маскирующим вашу грусть. Ваш рассказ принадлежит тому же уголку вашей памяти, откуда произрастает ваша грусть. Вы капнули глубже и восстановили то воспоминание. Для вас было очень важно это сделать, и вы это сделали. Это не было рассказом ребенка, который потерял домашнего любимца. Вы действительно верите, что были виноваты в том, что не уберегли своего кота. Вы верите, что могли поступить по-другому, сделать что-то, и тогда ваш кот был бы спасен. Вы, скорее всего, умом понимаете, что пятилетний ребенок мало что мог сделать в той ситуации, но это только ваши умозаключения. Ваши чувства и переживания говорят вам, что вы виноваты.

Я молча покачала головой, соглашаясь с его словами.

- Тот факт, что травма необратима, делает её еще болезненнее, - продолжал Михаил. - Вы чувствуете бессилие из-за того, что уже ничего нельзя изменить. Вы испытываете боль, потому что переживаете за то, что не смогли предотвратить смерть, и потому что не можете отменить смерть, когда она уже случилась. Это является настоящей ниточкой к тому, что является сердцевинкой вашей травмы, то, что вам нужно помнить в дальнейшем.

Я чувствовала себя неуютно, но продолжала слушать Михаила, не прерывая.

- А теперь разрешите мне рассказать вам кое-что еще. Это не конец, как говорит вам ваш ум. Чувство окончательности произрастает из ограничений, с которыми сталкивается ваше сознание, соприкасаясь с концепцией смерти. Здесь вам не нужно бояться смерти, хотя это место видело много смертей. Это место является одним из немногих, где люди сознательно работали со смертью и приобрели определенный опыт. Они знали, что смерть и сновидения суть одно и то же, и различаются они только интенсивностью. Люди специально работали здесь над сновидениями, потому что эти приблизило их к управлению смертью.

- Люди не могут управлять смертью. Это не то, что можно контролировать, - сказала я.

- Конечно, можно. Смерть – это субъективное переживание. Когда вы боитесь смерти, вы не боитесь, что ваше тело будет испытывать боль и страдания. Вы боитесь того, каким образом испытаете то, что называется смертью. Это абсолютно субъективный опыт, а субъективные переживания – это то, что вы МОЖЕТЕ контролировать. После того, как приобретете соответствующие навыки. То же относится и к вашим снам. Вы думаете, что не можете их контролировать. Но знаете ли вы, как это можно сделать? Постигли ли вы природу сновидений? Если бы постигли, то вы быстро бы узнали, как можно контролировать сновидения. Люди, давным-давно жившие на этой земле, обладали огромными знаниями в этой области. Они знали, как работать со сновидениями. У них были знания.

Михаил замолчал, смотря перед собой некоторое время; его глаза были широко открыты и смотрели в никуда, будто перед его мысленным взором проплывали сцены прошлого. Затем он закрыл глаза. Он поднял голову и повернул её к солнцу. Его глаза чуть заметно двигались под веками, будто он видел какие-то образы, хотя его лицо выглядело расслабленным и далеким. Я подумала, что он обо мне забыл. Затем Михаил открыл глаза, смотря прямо на солнце, и я с удивлением поняла, что с того момента, как мы встретились утром, прошло уже несколько часов.

- Единственный способ почерпнуть знания из этого места – это обменяться знанием. Этот процесс должен быть личным. Вы не можете получить знание, просто приняв решение,

что хотите этого. Взамен вам нужно отдать свою историю. А вы должны узнать истории этого места и людей, которые жили на этой земле. Для вас это будет частью обмена.

- Истории людей, которые пережили здесь трансформацию, должны быть рассказаны заново. Таким образом это снова оживит их переживания, завершит трансформацию и усилит импульс преобразований в людях, которые услышат эти истории. Эта земля хочет поделиться своими историями с людьми из других стран, чтобы они смогли научиться чему-то. Дух древних людей хочет возродиться к жизни, чтобы активировать изменение памяти в ныне живущих.

- Травмы людей прошлого продолжают жить в их потомках сегодня, хотя большинство даже об этом не подозревает. Рассказывая эти истории, мы помогаем излечить те древние травмы и изменить что-то очень важное в жизнях современных людей. Так что вам придется пересказать эти истории позднее, после того, как вы услышите их от меня и вернетесь к себе домой.

Он посмотрел на меня, и когда увидел на моем лице выражение того, что мне бы не хотелось брать на себя какие-либо обязательства, он добавил: “Это скорее вопрос ответственности, нежели выбора. Я часто работаю на благо этого места, даже когда мне не хочется, как будто эти развалины подталкивают меня. Но я знаю, что я один из немногих, кто может рассказать истории об этом месте, и я вынужден это делать. Для таких мест, как это, намного сложнее рассказать свою историю, потому что только люди могут создавать и рассказывать истории. Так что местам нужны люди, чтобы поведать их истории миру.

Сказав это, он продолжил после короткой паузы: “Это очень древнее место. Здесь представлены пласты истории. Они взаимосвязаны; они оказывают влияние друг на друга и продолжают жить, сохраняя с нами связь через прямые каналы трансформации силы. Я связан с самой древней частицей этого города, с самой сущностью того, что сейчас называется Афрасиабом. Вы знаете, кто он, этот Афрасиаб?

- Я знаю, что так называются развалины этого древнего города. Это также и имя собственное, верно?

- Да, Афрасиаб – это имя человека.

- О нем существует древняя легенда. Некоторые куски этой легенды были утеряны, некоторые были сознательно стерты из человеческой памяти, но сама легенда все еще жива. Я расскажу вам её так, как услышал сам. И несмотря на то, что вы можете воспринять некоторые её части как странные и запутанные, эта легенда все же должна быть рассказана именно таким образом. В легенде говорится, что Афрасиаб был таким же бесстрашным, как тигр. Он был правителем этого места во времена Золотого Века, когда мир не знал разделения. Афрасиаб искренне служил своему Богу, а взамен получал силу.

Михаил замолчал на долгое время, будто обдумывая, что можно было говорить, а что нет.

- В то время кто был его Богом? Это было очень давно, ведь так?

- Его Богом был Бог Солнца и Живого Времени, повелитель неба и грома. По велению этого Бога священные воды жизни стекали с вершины мировой горы и давали жизнь всему живому. Этим Богом была женщина, Великая Мать Анахита, и Афрасиаб служил ей как тигр. Он был честным и преданным, потому что познал её любовь. Женщины в те времена были равны мужчинам, и сила между ними распределялась поровну. У Анахиты жрецами служили и мужчины и женщины. Афрасиаб не был одним из жрецов, но он строил храмы огня, служа Анахите через управление своим царством, и охранял эти храмы. Эти храмы назывались “суфа”, и все еще можно встретить их развалины, если идти через руины Афрасиаба на восток.

- В этих храмах, называемых “суфа”, жрецы пытались оберегать и сохранять “Золотое Время”, пока все не начало меняться из-за зависти. У Анахиты жрецами самого высокого уровня служили два брата. Один из них – Зараташта, в какой-то момент начал думать, что у него должно быть больше власти, чем у его брата. Он стал врагом и своему брату, и богине, которая давала жизнь. Она узнала о его желании, когда Зараташта уже собирался украсть

священное сокровище, но богиня убежала, взяв это сокровище с собой. Зараташта начал преследовать богиню. Когда он уже почти схватил её, богиня разорвала цепочку, которую носила, и в которой была заключено сокровище, и бросила на дно озера, скрытого у подножия горы. Она вызвала молочный дождь и наполнила им озеро, чтобы спрятать сокровище.

- Зараташта оказался бессильным что-то сделать, очень разозлился и поклялся отомстить.

- Богиня покинула этот мир, потому что поняла, что зависть уже поселилась в нем. Она спряталась в звезде Сириус, который и раньше служил ей жилищем. Богиня продолжала управлять оттуда. Афрасиаб, который узнал об этой истории, не спал, не ел, но шел и шел многие километры, пока не нашел тайное озеро. Посреди озера был остров, на котором росло дерево хаома. В дереве хаома был сок, которые Анахита использовала, чтобы соединить Землю и звезды, где она жила до того, как спуститься на Землю.

- Афрасиаб разбил лагерь рядом с деревом хаома и стал изучать озеро. Он узнал, что сокровище было спрятано на дне озера, у корней, идущих на самую большую глубину. Он узнал от белой птички, которая жила в кроне дерева, как добыть семена дерева хаома. Афрасиаб бросил семена дерева в священный огонь, разведенный на алтаре храма (суфы), который построил на острове по указанию белой птички. Он вдохнул дыма, исходящего от священного огня, и обрел силу.

- Сняв одежду, Афрасиаб нырял в озеро три раза. На третий раз он нашел на дне сокровище. Это был ключ к бессмертию. Богиня Анахита увидела это и возрадовалась его смелости. Из своего дома на Сириусе она послала на землю сорок прекрасных мужчин и женщин – сорок древних духов, - чтобы служить Афрасиабу.

- После двух тысяч земных лет, Афрасиаб решил покинуть землю. По указанию Анахиты он построил мистический объект – герметично закрытый храм-крепость в форме идеальной сферы из блестящего металла – и спрятался там. Внутри были искусственные звезды, Солнце и Луна. Их свет лился на таинственный сад. У Афрасиаба в этом храме было все, что ему было нужно. Когда его две тысячи лет земной жизни почти истекли, то Афрасиаб был готов поднять храм на вершину самой высокой горы, куда Анахита спускалась два раза в год. Чтобы быть ближе к богине, Афрасиаб построил семь блестящих колонн, которые могли перенести храм на вершину горы.

- Но в самый последний день из отведенных ему двух тысяч лет земной жизни, когда Афрасиаб гулял по саду, он увидел смуглого мужчину, чье лицо было закрыто. Афрасиаб с опаской подошел к этому человеку, и в тот момент, когда посмотрел на него, Афрасиаб понял, что это была его собственная тень, гуляющая сама по себе, будто другое существо.

- Это произошло из-за зависти Зараташты, которую он заботливо лелеял все это время, ожидая конца Золотого Века на Земле, для того, чтобы отомстить. Яд Зараташты достиг храма Афрасиаба, и через это Афрасиаб увидел свою собственную тень. Все же все это произошло по воле Анахиты. Она знала, что Золотой Век скоро закончится, на смену ему придет соперничество, и люди забудут её знание. По замыслу Анахиты, Афрасиаб должен был совершить жертвоприношение, чтобы стать Живым Царем Мертвых. У него находился ключ к бессмертию, и во времена, когда люди забудут любовь Анахиты, Афрасиаб смог бы помогать людям при переходе от жизни к тому, что лежало за границами смерти.

- Тот сферический храм-корабль, который построил Афрасиаб, никогда так и не поднялся на самую высокую вершину. Он исчез с лица земли и переместился в мир предков, где Афрасиаб стал первым человеком – Царем Мертвых.

- С тех пор храм-корабль Афрасиаба появляется между горами как блестящий сферический корабль и путешествует между царством предков и царством Анахиты. Афрасиаб помогает тем кто умер избежать второй смерти.

Михаил замолчал и продолжал смотреть на небо. А потом, до того, как у меня появилась возможность спросить, что такое вторая смерть, он сказал тихим голосом: “Это было началом битвы. До сих пор последствия этой битвы в нашей памяти проявляются через

то, как мы запоминаем наши переживания и жизненный опыт. Это оказывает влияние на индивидуальную и коллективную память. Память разделилась, и появилось много теней. Когда Зараташтра поклялся, что отомстит, он знал, что не будет делать этого сам. Он ждал, чтобы отомстить по-другому. Его память о злобе и страхе хлынула мощным потоком через память поколений его потомков, ища, где бы прижиться и пустить корни. В конце концов, она нашла мальчика, который всегда и во всем был вторым. Он знал, как это больно – не быть первым. Его старший брат был жрецом Анахиты, в то время, как сам мальчик служил не Анахите, а её сыну – Ахура Мазда. В жизни мальчика не было любви. Служение сыну богини не избавило его от боли и зависти к брату, поэтому он стал одержимым идеей СТАТЬ ПЕРВЫМ. Он оставил свою духовную практику, покинул семью и дом, и пошел в чужие земли, проповедуя собственные идеи и представления, чтобы стать самым первым жрецом. Этого мальчика звали Заратустра.

- Он позволил разрушить храм Анахиты, чтобы вера его брата не поднялась над его верой, и чтобы больше не брат был первым, а он. Чтобы стать первым, Заратустре пришлось изменить традицию на противоположную. Вместо единства он стал проповедовать разделение. Все разделилось на два: черное и белое, добро и зло, первый и последний. Это было настоящим концом Золотого Века.

- Заратустра стал первым, кто установил новые правила. Чтобы сохранить эти изменения, ему пришлось изменить культурный код и память поколений. В своих проповедях он стал обвинять Афрасиаба во всех грехах и превратил его в глазах людей во врага. Заратустра очернил имя Афрасиаба, но только на поверхности, потому что в “подземном мире” Афрасиаб все еще остается живым царем, и сорок древних духов все еще поддерживают его по воле богини Анахиты.

- Вы не слишком осведомлены о Заратустре и его учении, но ваше сознание все еще организовано по правилам разделения, которые он установил. Осознание было перенесено из центра единого существа с помощью деления всего на черное и белое, с тенями по обеим сторонам. Существуют разные способы, чтобы преодолеть разделение и избежать появления теней. Это один из аспектов, где мы можем помочь вам.

Михаил достал из кармана фрагмент древней керамики и протянул мне. Под ногами, на пыльных тропинках, когда мы шли через холмы Афрасиаба, я видела точно такие же фрагменты гончарных изделий. На поверхности того фрагмента, который мне протянул Михаил, была нарисована свастика, которая выглядела точно также как и те рисунки, которые я вчера заметила на стенах древних памятников, пока бродила между ними.

- Это очень сильный символ, который сможет преодолеть разделение вашего сознания, - сказал Михаил, пока я продолжала смотреть на маленький фрагмент, который легко умещался у меня на ладони. - Четыре руки этой свастики соединяют правую и левую части нашего мозга, и посредством этого связывают прошлое и будущее. Они также соединяют действие и восприятие таким способом, который отличается от нашего обычного опыта. Таким образом в середине символа формируется чувство единства. Весь этот опыт не может быть разделен и заключен в отдельные кластеры нашей памяти, но служит воротами в Золотой Век, во времена, когда не было разделения.

- Изображение свастики является очень важным для работы, ведущейся в нашей традиции сновидящих целителей. Части этой свастики связывают прошлое и настоящее, действие и восприятие таким образом, что центр напрямую связывается с кластерами памяти. Когда вы знаете, как активировать этот символ и как с ним работать, центр этого изображения начинает работать как ворота, открывающие пространство сновидений. В этом пространстве объединяются все когда-либо записанные воспоминания, и через это же пространство можно добраться до этих воспоминаний и трансформировать их. В центре нет теней. Центр напрямую связан с каждым воспоминанием, хранящимся в памяти.

- Центр фигуры – это вход в пространство сновидений. Если вы знаете, как с ним работать, то это даст вам возможность пережить определенные сны – ОСОЗНАННЫЕ СНЫ, - в которых действие и восприятие соединены абсолютно другим образом, чем при обычных

переживаниях. В обычной жизни существует только одно переживание, связывающее действие и восприятие, прошлое и настоящее таким же образом, как и осознанные сновидения – это оргазм. Чувство единения, испытываемое во время оргазма также же может использоваться для излечения демонов памяти, но это не наш способ. Мы работаем со сновидениями и лечим через пространство сновидений.

- Осознанное сновидение – это самое близкое к смерти переживание, которое можно испытать при жизни. Я принадлежу к традиции целителей, которые исцеляют демонов памяти, чтобы избавить людей от первичной, самой глубинной травмы – травмы, связанной со смертью. Как я уже сказал вам, единственной разницей между смертью и миром сновидений является интенсивность вашего сознания. В смерти то, что вы называете субъективным опытом, абсолютно объективизируется. Осознанные сновидения – это способ подготовиться при помощи работы с более тонкой материей сновидений. Цель – достичь исцеляющих преобразований до того, как демоны памяти заострятся и начнут причинять вам боль после смерти. Осознанные сновидения защищают вас от боли, причиняемой демонами памяти, и только в осознанных сновидениях вы можете стать достаточно сильными, чтобы завоевать их.

- В обычной жизни демоны памяти получают над нами власть посредством использования тех образов памяти, которые вызывают депрессию и тревогу. В осознанных сновидениях вы не можете быть ни в депрессии, ни испытывать тревогу. Возьмите этот символ с собой – сегодня ночью он вам поможет.

Я подержала изображение свастики в руке, но колебалась – брать или не брать. Михаил понял мои сомнения.

- Этот символ использовался на протяжении тысячелетий до того, как пришли нацисты. Этот символ использовался для исцеления и обретения равновесия и никогда для того, чтобы причинить боль и разрушение. До тех пор, пока не пришли нацисты. Причина, по которой нацисты использовали этот символ в перевернутом виде, заключался в том, что среди них были люди, чьи личности воплощали в себе демонов памяти. Они были абсолютными воплощениями духов травмы и пытались нивелировать самое грозное оружие, которое только могло быть использовано против них. Именно поэтому они и перевернули свастику, чтобы защитить себя от её исцеляющей силы. Но они проиграли. Они всегда проигрывают!

- Полное исцеление – это всего лишь вопрос времени, но рано или поздно демоны памяти исцелятся. К сожалению, они возвращаются снова, плодятся через разных людей в различные периоды человеческой истории, и продолжают причинять боль коллективной памяти. В данный момент, чтобы исцелить этих демонов, нам нужно проделать огромную работу. Поэтому не бойтесь и возьмите этот символ с собой в гостиницу. Приходите сюда завтра в обед. Но, пожалуйста, не думайте о том, что говорить завтра.

- Позвольте всему услышанному просто существовать в пространстве. Ваши мысли пока не смогут проникнуть туда и что-то изменить. Разрешите процессу, который был запущен сегодня, продолжаться сегодня ночью в ваших сновидениях. Свастика вам в этом поможет. Думайте только о том, что видите вокруг себя. Желаю вам безопасной поездки назад в гостиницу. Увидимся завтра в обед. Возьмите платок, чтобы покрыть голову – завтра будет очень жаркий день.

Глава 8

Я в одиночестве шла назад через мягкие холмы Афрасиаба с длинной цепочкой мечетей Шахи-Зинда, вытянутых по правую руку. Я помню свои ощущения в тот момент – без мыслей, без умозаключений, только глубокое чувство наполненности, захлестнувшее мое тело. Я бы описала его как смесь глубоких, древних энергий, исходящих из далекого прошлого, и высоких космических сил, идущих из далеких галактик. В тот момент я никак не

описывала для себя свои переживания. Я просто чувствовала, как иду по пыльной дороге, зная, что завтра снова приду сюда. Я не стремилась ко всему этому, а скорее просто шла к этому, как к неизбежному будущему.

Когда я вернулась в Самарканд, еще не было поздно, как я ожидала. По сравнению со всеми другими местами, в которых я побывала, в этом месте время обладало странными качествами и пульсировало с другим ритмом.

В этот послеобеденный час базар был переполнен – люди приходила сделать покупки после работы. Я нашла маленький магазин с деревянной вывеской, на которой было написано “Ткани”. В магазине, представляющем из себя маленькую полутемную комнатку, было немного прохладно. Рулоны шелковых тканей лежали на прилавке, и множество платков и шалей разных размеров и расцветок были развешаны по стенам.

Мои глаза остановились на белой шелковой шали. Она была элегантна в своем минимализме, и цена не выглядела слишком высокой. Я попросила её посмотреть, и девушка-подросток, которая помогала своему отцу, разговаривающему с другим покупателем, протянула мне шаль. её поверхность была мягкой, как детская кожа, а цвет на свету больше походил на кремовый, нежели чисто белый. Я тут же её купила, даже не раздумывая.

- Завтра будет очень жаркий день, - я вспомнила, что сказал Михаил. Я заметила, что все, что он говорил, обладало для меня авторитетом, и мне становилось все сложнее задаваться вопросом, почему я вообще должна ему доверять. Я просто доверяла, и не хотела задумываться, почему.

Михаил не ослабил моей ноши. Наверное, он даже её увеличил. Но его присутствие приносило что-то особенное. Я воспринимала его больше как некую фигуру из сна, нежели обычного человека. Его присутствие придавало всему, что я испытала в Самарканде, некий налет нереальности, будто я находилась во сне, а Михаил был связующей нитью с этим миром снов – настоящим Мастером Сновидений, кем он и являлся, как я узнала позже.

Я все еще ощущала некоторую тревогу, особенно, когда вошла в свой номер. Его убрали, пока меня не было, и мои вещи были перенесены в угол, будто для меня здесь не было места. Все выглядело очень странно, как будто принадлежало другому миру – современному миру, где люди жили по своим правилам и законам, и думали, что могут предсказать будущее. Я знала, что это был мир, который я оставила позади, хотя все еще могла быть его частью, когда смотрела телевизор, проверяла свои сумки или пользовалась телефоном. Что могло быть проще – набрать номер и связаться с кем-то из этих “современных” людей? За исключением того, что я этого не хотела.

Я приспособлялась к ощущению того, что я скорее наблюдатель, а не участник этого мира. Мне было страшно, но я чувствовала, что это было единственным верным шагом – отпустить защитные механизмы, существующие в “современном” мире и довериться Михаилу. Я чувствовала, что это было верным решением.

Тем же вечером, после возвращения в гостиницу, я поинтересовалась на стойке регистрации, были ли для меня какие-то сообщения. Ничего не было. Как ничего не было и на следующее утро, и через несколько дней. Каким-то образом, меня это не расстроило – я больше не переживала из-за отсутствия сообщений. То, что происходило между мной и Михаилом, заставило меня забыть про Владимира, и я перестала ждать его появления.

На город быстро спускалась ночь. Я настолько устала за день, что как только легла в постель и положила эмблему свастики под подушку, то тут же заснула и оказалась в сновидении. Это был странный сон: я снова в России. Я иду в Москве по Красной Площади, которая пустынна в этот предзакатный час. Холодно, и ветер со снегом дует мне в лицо. Я поворачиваюсь и вижу, как ко мне приближается черная машина. Она останавливается слева от меня и будто ждет, что я сяду внутрь. Как только я сажусь на переднее пассажирское сиденье, то машина трогается и едет очень медленно, будто участвует в какой-то официальной процессии. Я не вижу лица водителя, но чувствую его присутствие. Я ощущаю

что-то странное, что-то невыразимо странное во всей этой ситуации. Я будто чувствую, что в машине сзади меня сидят еще люди, но и на них я тоже не могу взглянуть.

Я наблюдаю за темной, старинной брусчаткой площади, по которой мы медленно едем.

Я вижу, как на правую часть площади выходят люди. Это всего лишь дети, которые идут по одной линии. Они великолепно организованы и держат ряды. Их вожаки играют на барабанах, задавая ритм движению. Их лица серьезны и сконцентрированы. Алые шелковые галстуки, повязанные вокруг их открытых шей, развеваются на ветру. Колонна марширует прямо на нашу машину. Дети подходят все ближе и ближе, и я уже могу различать их лица. По отдельности я никого не узнаю, но все вместе они создают у меня впечатление, что давным-давно я уже их видела. Они не замечают ни меня, ни машину. Мы приближаемся навстречу друг другу медленно, но неотвратно.

Теперь они почти что передо мной, всего лишь за несколько метров, но скорость нашего обоюдного движения не уменьшается. Я все так же не могу повернуть голову к водителю и спросить, что происходит. Поэтому я просто сижу, замершая и наблюдающая за этими непреклонными детьми, которые все приближаются и приближаются.

Моя неспособность что-то изменить вызывает ужас внутри меня. Меня почти парализует страх, потому что я вижу, что сейчас произойдет что-то ужасное. Огромная черная машина уже через секунду достигнет этих детей, а они все еще её не видят. Уже ничего не сможет предотвратить ужасное столкновение, которое вот-вот должно произойти. Я пытаюсь кричать, что не могу. Я пытаюсь закрыть глаза, чтобы не видеть кровавую сцену, но не могу контролировать свои веки. С широко раскрытыми глазами мне приходится наблюдать за этой ужасной сценой. Когда лица детей из первых рядов встают передо мной, мой ужас достигает предела.

В следующее мгновение из моего горла вырывается крик. Во-первых, руки детей, держащих барабаны, затем, их школьные галстуки, их фигуры, их лица свободно проходят через лобовое стекло машины, проходя через сиденья и мое тело. Страх отпускает меня, но я все еще испытываю шок. Марширующие дети состоят из другой материи, нежели машина. Они не чувствуют моего прикосновения; они не слышат моего крика; они продолжают гордо идти, будто ничего не произошло. Пройдя через меня и машину, они исчезают где-то за спиной. Теперь я могу видеть, куда и как они исчезли.

Я вижу водителя – молодого человека в черном шерстяном пальто, с круглым лицом и неуклонным профилем. У него бритая голова, а его светло-голубые глаза неотрывно смотрят на дорогу. Я поворачиваюсь к задним сиденьям. Я знаю, что что-то странное происходит со мной, и знаю, что люди, сидящие на заднем сиденье, знают, что конкретно. Я вижу две маленькие фигурки, сидящие вместе. Их руки спокойно лежат на коленях. Они смотрят на меня, прекрасно понимая, что со мной происходит. Меня снова охватывает ужас.

Это фигуры людей с птичьими головами – большими птичьими головами с выпирающими клювами. Птичьи глаза внимательно за мной наблюдают. Реальность их присутствия, которое я отчетливо ощущаю, вызывает у меня чувство, что со мной произошло что-то ужасное и непоправимое.

- Со мной что-то уже случилось? - я нахожу в себе силы спросить у них, зная, что они понимают не только мои слова, но и самые глубинные переживания.

У них нет ртов, чтобы говорить, но они утвердительно качают головами, подтверждая мои подозрения. Когда я вижу их медленнодвигающиеся птичьи головы, понимание доходит до моего сознания и находит выражение, почти против моей воли, в моем следующем вопросе: “Я уже умерла?”

Еще до того, как они утвердительно махнули головами, я уже знаю ответ. Неизбывная печаль и меланхолия пронзают меня. Закрылась дверь к единственному существованию, которое я знала в своей жизни. И у меня нет ключей, чтобы снова открыть эту дверь. Мне нет входа назад. Я брошена в мире, где управляют люди с птичьими головами, и у меня нет ни знаний, ни защиты, ни указаний, которые бы мне помогли.

Я неожиданно проснулась – в моем теле поселилась грусть. В моем сне не было ни капли смысла, но картины пережитого были настолько глубокими и полными, что мне уже больше не нужно было чувство тревоги, чтобы скрыть от себя причину своей грусти. Сон открыл для меня пространство моей самой глубокой травмы; он показал мне самые потаенные уголки моей памяти, от которых я пыталась убежать. И я знала, что теперь мне придется с этим что-то делать, что я больше не могла убежать от чувства вины и горечи.

В моей памяти детские галстуки все еще продолжали развеиваться на ветру, и я автоматическим дотронулась до шеи, пытаясь развязать алый шелк, который все еще был повязан на моей шее и душил меня. Сон высвободил что-то во мне, и я поняла, что теперь я смогу рассказать Михаилу о том, что меня беспокоило.

У меня было время до обеда завтрашнего дня, и после завтрака в отеле я вышла на улицу и остановилась у книжного магазина. До крушения Советского Союза много книг издавалось на русском языке – в то время официальном языке Узбекистана, – и я стала просматривать книги, выставленные в магазине. Я пыталась найти что-то о духовной традиции, к которой относился Михаил, но не смогла найти ни одного прямого упоминания. Книги о суфизме были ближе всего по теме, но их концепции все же были другими. Я не смогла найти ничего конкретного о традиции сновидящих целителей. Перед тем, как уйти из магазина, я взяла толстый том под названием “Мифологический словарь” и открыла его на букве “ч”. На странице было краткое описание слова “чилтан”.

В словаре говорилось, что “слово “Чилтан” происходит от персидского “сорок человек”. В Центрально-Азиатских духовных традициях они описываются как сорок невидимых духов, которые управляют миром. Чилтаны часто не видны людям, но они также могут жить и среди людей, так же, как обычные люди. В узбекском мифе рассказывается о том, что чилтаны живут на удаленном острове, куда не может добраться ни одно человеческое существо. Они часто собираются, чтобы обсудить свои дела, в уединенных местах, рядом с местами захоронений, вблизи древних развалин. Некоторые узбеки верят, что чилтаны были первыми шаманами, а также первыми защитниками шаманов. Иногда они появляются в облике сорока прекрасных молодых мужчин и женщин, танцующих в ночи.”

Я не могла связать эту информацию со словами женщины вчера на базаре. Я закрыла книгу, выбросила из головы ненужную информацию, и пошла в Афрасиаб на встречу с Михаилом.

Он пришел раньше меня. Я увидела его уже на расстоянии, так как он перепрыгивал через узкие щели между холмами. Его тело выглядело очень легким, почти невесомым, и было очевидно, что эти прыжки не представляли для его натренированного тела никакой сложности. Когда я подошла ближе, он сказал: “Привет!” – а потом перепрыгнул на другую сторону глубокого колодца, выкопанного в этой древней земле. Колодец был немного шире в диаметре, чем средний шаг, но он был настолько глубоким, что я всего-лишь могла видеть круглые стены, идущие далеко в землю, но не дно. Михаил стоял на другой стороне колодца. До того, как я попыталась его обойти, чтобы приблизиться к Михаилу, он остановил меня. – Нет! Не идите сюда. Просто перепрыгните!

Я опять посмотрела в колодец. Это был темный туннель без конца, и его размера было достаточно, чтоб мое тело могло в него упасть и пролететь до самого дна, если бы я в него упала. – Спасибо, но мне не хочется, – сказала я как можно спокойнее, надеясь, что он оставит эту идею.

- Почему нет? – Очевидно, что он не хотел оставлять этот разговор.
- Потому что в этом нет особого смысла, и потому что я просто этого не хочу.
- Вы боитесь? – Он внимательно посмотрел на меня.
- Может да, а может нет. Я даже не хочу задумываться, почему не хочу перепрыгивать через этот глупый колодец.

- О, вы даже разозлились из-за этого. Почему, Ольга? Вы неплохой человек. Почему вы так противитесь такому простому предложению?

- Михаил, то, как вы об этом спрашиваете, звучит так, будто вы знаете, почему я так себя чувствую. Что ВЫ думаете по поводу того, почему я не хочу перепрыгивать через колодец?

- Все очень просто! Потому что это заставит вас отклониться от модели поведения, основанной на фиксации. Фиксация – это механизм, с помощью которого сознание удерживает свою обособленность и разделение. Демоны памяти пользуются этим механизмом, чтобы сохранить свое присутствие внутри различных кластеров памяти. Когда ваша энергия течет свободно, когда ваше тело подвижно, тогда вы можете легко перепрыгнуть даже через бездну. Тогда ваше сознание функционирует по-другому, а ваша память легко избавляется от всех разрозненных и глубоко запрятанных переживаний, чтобы стать единым целым со всеми остальными аспектами вашего сознания. К тому же, это просто здорово – перепрыгивать через колодцы.

Эта последняя фраза Михаила сделала его похожим на мальчика, который получал удовольствие от перепрыгивания через колодцы, и я почувствовала, как уходит мое первоначальное раздражение. Я снова посмотрела вниз колодца, но его глубина вызвала во мне неприятное чувство.

- Вы знаете, Михаил, я действительно боюсь перепрыгнуть через него, - сказала я вежливо, надеясь, что теперь, когда я в этом призналась, он оставит весь этот разговор. Михаил с удовольствием рассмеялся. Я подумала, что ничего из того, что происходило со мной, не могло укрыться от его внимания.

- Используйте этот как упражнение, - настаивал он. - Самое лучшее, чему вы можете себя научить, это как переключать внимание, смещать фокус концентрации вашего сознания. Именно это вы и сделали вчера, когда ходили по веревке, лежащей на земле. Пока вы думаете о том, что вам нужно делать, ваша память остается активной и толкает вас от одной точки фиксации к другой – все это засоряет ваше внимание и усложняет чистоту ваших движений. Вы чересчур внимательно присматриваетесь к заданию, и бесконечные ассоциации проносятся у вас в голове. Если вы попытаетесь прыгнуть в этом состоянии сознания, то можете реально упасть, несмотря на то, что, в принципе, теоретически шанс для этого минимальный. Но вы, скорее всего, упадете, потому что ваш страх настолько реален, что он и подтолкнет вас к падению. Я не хочу, чтобы это произошло. Чего я хочу, так этого того, чтобы вы таким образом сфокусировали свое внимание, чтобы оно было свободно от устрашающих картин падения, а потом просто прыгнули с удовольствием. Используйте для переноса фокуса вашего внимания столько времени, сколько вам нужно. Посмотрите на себя как бы сверху. Ощутите свое тело будто с расстояния. Вам также может помочь попытка посмотреть на свои страхи тоже с расстояния, так, будто они не ваши, а принадлежат кому-то другому.

Пока он говорил, мое внимание переместилось, и я ощутила себя как некую точку, летящую высоко над моим телом, но связанную с ним очень прочным канатом. Этот канат был упругим и надежным, и для меня не составило никакого труда подпрыгнуть в воздухе и позволить моему телу перелететь через колодец. Это оказалось очень легко, и это было здорово!

После того, как мои ноги мягко приземлились на другой стороне колодца, я посмотрела на Михаила и сказала: “Спасибо!”

- Пожалуйста! - ответил он с улыбкой. Мы пошли по направлению к музею той же дорогой, какой шли вчера. Он не задавал никаких вопросов, а мне казалось, что было еще не время, чтобы рассказывать ему мою историю. Он заговорил, а я внимательно слушала, пока мы подошли к музею.

- После того, как богиня Анахита сделала Афрасиаба Живым Царем Мертвых, это место стало полем боя. Отделение самой травмы от её осознания в человеческой памяти произошло именно здесь, и именно поэтому именно в этом месте существует самый высокий шанс для исцеления. Веками людей привлекал Самарканд, потому что здесь было намного проще сделать окончательный выбор: либо быть исцеленными и трансформироваться, либо полностью подчиниться демонам памяти, которые были очень сильны на этой территории.

Со времен Афрасиаба это место видело очень много страданий. Люди причиняют боль другим людям, когда они боятся. Это закон. Чем больше страданий человек испытывает, тем больше страха он испытывает внутри.

- Главная причина, почему человек испытывает страх, это ощущение, что он отдает кому-то власть над собой. Люди не хотят отдавать эту власть добровольно, но они постоянно это делают, когда им причинили боль. Когда люди не хотят, чтобы страдания были частью их личных воспоминаний, они вообще отрицают болезненные переживания. Они не признают эти переживания, как неотъемлемую часть себя, именно поэтому демон памяти поселяется в этом пробеле и говорит: “Это мое!”. Демон памяти таким образом получает энергию, а человеческое Я её теряет.

- Так и образуется пробел в череде личных переживаний и опытов, который в дальнейшем будет всегда восприниматься как страх. Когда мы испытываем страх, мы ощущаем этот пробел между тем, что мы считаем как бы реальным воспоминанием, и тем, что кроется в самом отдаленном уголке нашей души. А страх возвращается снова и снова, чтобы причинять нам боль. А через нас он причиняет боль и другим людям, и, в свою очередь, подпитывает загнанные в уголки сознания воспоминания.

- Жил еще один мальчик, чья судьба была неразрывно связана с этим городом. Сейчас я расскажу вам его историю, потому что она должна быть рассказана. Запомните её и расскажите другим, и через этот процесс будет продолжаться исцеление. Его имя понесет исцеление тем людям, кто знает его. Когда они услышат эту историю от вас, то станут частью процесса исцеления его прошлого и своего настоящего. В человеческой памяти существует много историй о нем, но я расскажу вам мою версию с другой точки зрения, а именно с точки зрения страданий, страха и трансформации.

- В Самарканде у него было другое имя – не то, под которым он был известен на родине. Его люди помнят его как “Великого”. Наши люди помнят его как “Ужасного”. Александр Великий. Искандер Ужасный. Мальчики растут, чтобы стать владыками мира, когда их личные пробелы и страхи на глубинном уровне резонируют с коллективными пробелами и страхами народов и племен. Замученный ребенок страдающего народа может использовать силу своей травмы, чтобы изменить историю своей нации. Но в конце, если он не достигает исцеления, то всегда превращается в жестокого тирана и порождает больше страха и страданий, чем изначально пытался побороть. Именно такая трансформация из жертвы в злодея и произошла с Александром здесь, в Самарканде, когда он наконец-то достиг пределов города.

- У него в жизни был переломный момент, момент выбора, когда он мог остановиться и излечиться от шрамов детства. Он мог бы помочь своему отцу и деду наконец-то освободиться от последствий их ранней насильственной смерти и обрести мир. Но Александр был до краев наполнен демонами памяти, когда наконец-то достиг Самарканда, или Маракарда, как его называли греки.

- Демоны памяти одолевали его еще со времен Египта, где он внушил себе, что является фараоном – не человеческим существом, а божеством, существом, рожденным от Бога и не нуждающимся в земном отце. Это в Египте он отринул своего отца и память о нем. Это там он упустил возможность излечиться от детских травм и стать великим лидером. После того поворотного момента это уже был не Александр, не его сущность, а демоны памяти, которые взяли власть над ним. А Александр Великий превратился в Искандера Ужасного.

- Он разрушил Самарканд, который и так бы мирно сдался ему, чтобы защитить себя. Его люди жгли, насиловали и убивали на этих улицах. Александр дрожал от страха, исходящего из глубин его памяти. Он отринул свою внутреннюю силу и заменил её постоянным страхом, который не отпускал его. Этот страх из прошлого следовал за ним по пятам, как тень.

- Он обращался к жрецам, к колдунам, но страх проявлялся в каждой жертве, которую они приносили для него, в каждом предсказании будущего, данном ему. Помните: когда люди

испытывают страх, они начинают причинять боль другим. Александр стал причинять боль другим как сумасшедший.

- Когда армия Александра перешла Амударью и вторглась в нашу землю, огромная толпа людей вышла из города, чтобы приветствовать его. Это были грязные, дикие, оборванные мужчины, женщины и дети, кричащие приветствия и размахивающие зелеными ветками. Потомки древнегреческих рабов, привезенных Ксерксом, чтобы работать на восточной границе его империи, они разговаривали на старом греческом наречии. Они приветствовали Александра необузданно и с большим энтузиазмом, а он стоял нахмурившись, а потом неожиданно приказал своим солдатам убить их всех. Ни у кого не было времени убежать, поэтому они все погибли. Аристотель услышал об агонии Александра и послал своего ученика, Каллистена сюда, чтобы помочь Александру. Но Александр запер философа в клетке, а потом повесил его как заговорщика, планирующего свергнуть его власть. Теперь каждый выглядел для него подозрительным; ему казалось, что все против него, и они все заслуживают смерти. Его лучшие друзья, его самые бесстрашные воины – все один за другим пали жертвами страхов Александра.

- Последний шанс был предоставлен ему Роксаной. Александр убил её отца, но она все же согласилась выйти за него замуж. Она познала пути богини Анахиты и отдала себя Александру, чтобы прекратить его страдания. Она успокоила его. В её присутствии он помнил, кто он есть; он испытывал моменты счастья, когда она успокаивала его страхи, как учила её Анахита. Роксана готовила Александра к смерти. Некоторые говорят, что наши колдуны объединились с вавилонскими волшебниками с помощью Зеркала Мира, которое они держали между собой, чтобы уничтожить Александра. Поэтому, когда он ушел отсюда в Индию, то уже был приговорен к смерти. Я бы сказал, что его собственные демоны памяти убили его, и это сделал он сам, а никакие не колдуны. Эти демоны были созданы самим Александром, и они же породили его страхи.

- Это правда, что когда человек наполнен страхами, то становится уязвимым перед любым ментальными манипуляциями. Так происходит потому, что он потерял связь с самим собой. А эта связь с собой и является самым главным защитным механизмом. Но Роксана защищала Александра и поделилась с ним тайным знанием о смерти, о том, что за ней, так что он, наконец-то смог освободиться от демонов памяти. Он был готов умереть, когда его страхи разрывали его тело, когда затуманивали ум и заставляли корчиться от боли. Его страхи выходили с рвотными позывами, освобождая его от цепей. Он отпустил их вместе со своим агонизирующим телом, через любовь – как и показала ему Роксана. И наконец-то, в самом конце он достиг того мира, к которому стремился в течение всей своей жизни. Роксана умерла вскоре после него, вместе с их сыном.

Когда Михаил закончил, я опять почувствовала грусть. Он говорил о смерти, и её необратимость причиняла мне боль. Я вспомнила, как вчера он рассказывал о том, как можно контролировать смерть, но я не до конца могла принять его слова. В моем сознании существовал пробел между моим желанием поверить тому, что он говорил, и глубокой грустью, вызванной необратимостью смерти.

- Михаил, скажите мне, почему вы думаете, что люди могут контролировать смерть?

- Я не думаю, я знаю. - Он посмотрел на меня с возросшим интересом. - Почему вы задали этот вопрос? Вы нашли причину вашей травмы? - Несмотря на то, что он задал этот вопрос по-доброму, я не знала, что ему ответить, хотя и точно осознавала, что должна была сказать. - Расскажите мне о вашем вчерашнем сне, - попросил он меня.

Я понимала, что Михаил пытался помочь мне разговаривать. Я села на скамейку напротив входа в музей и, не глядя на него, рассказала ему свой сон. Я рассказала ему о черной винтажной машине, рядах детей, и людях с птичьими головами. Я ничего ему не объясняла, просто пересказывала виденное.

Михаил внимательно слушал. Когда я закончила, он поднялся с камня, на котором сидел, и сделал несколько шагов туда и обратно перед скамейкой. Затем он остановился передо мной, наклонился ко мне, посмотрел мне в глаза и сказал: “Когда вы видите себя во

сне в образе человека, который уже умер, а вы по-настоящему еще живы, значит вы видите кого-то, кто реально умер, но продолжает жить ВНУТРИ вас, и кто все еще продолжает быть частью вашей памяти. Это следующий пласт вашей памяти, приоткрывшийся через сон вкупе с вашей вчерашней историей про кота.

- Вы передвигались по коридорам своей памяти по карте, которую я вам предложил, и используя кластеры памяти как ключи вы достигли самой сердцевины. Опираясь на способ, с помощью которого вы путешествовали по своим воспоминаниям, я теперь могу вам рассказать, что является причиной вашей травмы, и помочь вам выговориться. Я могу сказать вам, что кто-то, кто был вам дорог, умер, и скорее всего, насильственной смертью. Вы вините себя в том, что не сделали ничего, чтобы предотвратить эту смерть. Вы чувствуете вину, что это произошло определенным образом, и испытываете неизбывную печаль из-за окончательности и необратимости того, что произошло с тем человеком.

Я махнула головой, молча соглашаясь с его словами.

- Вы также думаете, что так как вы не смогли помочь тому человеку, то не сможете помочь никому другому, и вообще больше не сможете помогать людям. Именно здесь демон памяти пытается забрать вашу силу и оставить вас беззащитной, чтобы вы застряли в этих переживаниях и установках и действительно уже никогда никому не смогли помочь. Скажи мне, Ольга, кто этот человек? Как его зовут?

- Как её зовут. - Я почувствовала, что наконец-то была готова рассказать Михаилу всю историю.

Глава 9

Мне казалось, что я была готова. Но позднее я поняла, насколько тяжело, а иногда даже невозможно, разговаривать или даже думать о том, что однажды причинило боль, потому что любое возвращение к этому воспоминанию делает эту боль такой же реальной и невыносимой, как и месяцы, а то и годы до этого. Конечно, Михаил обо всем этом знал. И я думаю, что во мне, в моих внутренних порывах он четко видел (как хирург видит болезнь и способы излечения, когда оперирует разрезанное тело), как контролировать процесс моего излечения таким образом, чтобы у меня было достаточно силы завершить его.

Вместо того, чтобы подвести меня к рассказу моей истории, он неожиданно сказал: “Знаете что, почему бы вам не отдохнуть немного, перед тем как рассказать вашу историю, и не послушать меня? Я расскажу вам о том, что произошло в Самарканде через несколько веков после Александра. Я расскажу вам эту историю не для того, чтобы вас перебивать, а для того, чтобы помочь вам продвинуться дальше в пространство исцеления, которое вам так нужно. Я также помогу вам использовать целительную энергию того глубокого процесса, через который вы сейчас проходите, и направить её на людей, живших раньше, и на их потомков, чтобы помочь им исцелиться. Не смотрите на меня так. Вы знаете, что я знаю, что смерть это еще не конец. К данному моменту вы бы уже должны были понять, что я воспринимаю по-другому и само время, и то, каким образом связаны прошлое, настоящее и будущее. Я знаю, что для исцеления никогда не бывает слишком поздно.

- Прошли века после Александра, и родился еще один мальчик. Он был сам свет. Он родился от света, как верили его родители, от маленького шарика света, принесенного на Землю по воле Великого Шамана. У него были светлые волосы, светло-зеленые глаза, бледная кожа, но его внутренний дух был подобен огню. Шаманы защищали его как особенного ребенка, так как он родился в благородной семье и обладал всеми чертами, предвещавшими ему великое будущее.

- Но однажды их защита не сработала. Сначала был убит отец мальчика. Семья осталась без защиты. Его мать была очень сильной женщиной, но не достаточно сильной, чтобы защитить себя от необузданности диких кочевников. Однажды вражеская конница сравняла с землей дом мальчика и сожгла его дотла. А он, милый светлокожий мальчик, так

отличавшийся от остальных, сделался рабом. Его враги заковали его в деревянные колодки, чтобы он не убежал. Но он даже не мог ходить. Он жил как собака и вырос как собака, прикованный снаружи, питаясь гнилью, замерзая зимними вечерами и моля о смерти. Но смерть не пришла. Он выжил.

- Когда он в конце концов сбежал, то его личность уже претерпела необратимые изменения. Он знал, что теперь его имя будет произноситься как воинский клич, и что оно будет навлекать ужас и смерть на любого, кто посмеет его послушаться. Ему было предназначено судьбой защищать людей и помочь им вернуть уважение, которого они заслуживали. Его имя пронеслось как гром через всю Азию. Люди слышали его имя и спешили покориться ему. Они называли себя “Люди Длинной Воли”, а имя мальчика руководило их волей и направляло её. Его имя, как мы знаем его сейчас, было Чингисхан.

- Мы тоже услышали его имя, когда он пришел на нашу землю, столетия после Александра. Он был великим воином и не знал страха. На его стороне был шаман, который направлял Чингисхана во время его видений. Но закон есть закон. Если пробелы в вашей памяти не залечены, если вы отвергаете свое прошлое, то впускаете в себя духов травмы. Не важно, насколько вы велики, но рано или поздно эти духи травмы придут, чтобы мучить вас, а через вас и других людей.

- Шаман Чингисхана был мудрым человеком. Он знал закон. Он уже заметил предвестников этой трансформации. И он предупредил мальчика, который уже стал самым великим из живущих владык – властелином мира на вершине своей власти. Но шаман также знал и того мальчика, который скрывался внутри властелина мира – испуганного и незащищенного. Это была опасная ситуация, и предупреждение не было принято во внимание. Когда старик говорил с Чингисханом, то внутри него уже жил страх. Чингисханом руководил страх, это он принимал решения. И тогда Чингисхан принял решение избавиться от всего, что стояло на пути его страхов – он убил своего учителя.

- Когда Чингисхан пришел в Самарканд, то его люди разрушили город. Они убили почти всех – лишь немногие спаслись. Но Чингисхан верил в магию, поговорил со жрецами из этих мест и оставил их в живых, потому что верил, что это место могло открыть ему такую магию, которой он раньше не встречал. Жрецам-зароострийцам была дарована жизнь. Скорее всего, они показали ему кое-какое волшебство, но все же даже они не смогли спасти его от духов травмы, которые мучили Чингизхана. Несмотря на это, ему все же был дарован еще один шанс, как раньше и Александру.

- Чингисхан увидел женщину, одну из немногих, которая осталась в живых. Это была юная девушка, в шоке сидящая на земле. Вся её семья была убита, её дом был сожжен. её золотого города больше не существовало. Но смерть не забрала её с собой, и девушка чувствовала себя потерянной, не зная, что с ней будет дальше.

- У неё было необычное лицо: она была светловолосой, с прекрасными чертами лица. её глаза были светло-зелеными, и у неё была светлая кожа. Девушка молча сидела на земле. Чингисхан увидел её лицо и понял, что она была очень похожа на его мать, до того, как подверглась пыткам. Мальчик внутри него зарыдал. Он услышал крики своего отца. Звук лязгающего металла наполнил его уши. Видения языков пламени помutilи его взор, и он вспомнил, как огонь ожёг его губы. Тот мальчик был все еще жив и не мог перестать проливать слезы, хотя и думал, что они были уже все выплаканы давным-давно и больше не были частью его памяти и жизни. Но слезы вернулись, разрывая его легкие, заставляя его кровь кипеть, и вызывая страх.

- Внутренний голос, тот самый, который раньше успокаивал его, нашептывая “убей шамана”, снова заговорил и заставил Чингизхана поверить, что тот мальчик мертв. “Просто разруши все, что на твоём пути, и это воспоминание больше не вернется. Я об этом позабочусь”.

- Чингисхан схватил длинные волосы девушки и толкнул её на землю. Она была гуттаперчевой, как кукла. Она ничему не сопротивлялась. её глаза были открыты и смотрели на небо. Теперь она чувствовала себя лучше, потому что знала, что её ждет. Небо было

чистым, безоблачным, и солнце стояла прямо над головой. Чингисхан разорвал её шелковое платье. её груди были мягкими, а все её тело пахло молоком. Голос мальчика послышался в голове и причинил сердечную боль, и весь мир наполнился его криком.

- Черный гнев поднялся из глубины души Чингизхана и превратил его в обезумевшее животное, которое насиловало эту девушку, разрывало её на части, наполняло её своей яростью, чтобы она перестала существовать. Она видела небо и солнце над своим истерзанным телом. Любовь, которая жила в ней, не смогла пробиться к нему, не смогла растворить его страхи.

- Великая Мать Анахита забрала девушку к себе, когда его страхи превратили её любовь в ненависть, и Чингисхан упустил последний шанс к спасению. После того, как она умерла, он стянул белый шелковый платок с её головы и прикрыл им её растерзанное тело, как будто боялся, что ему могут повредить солнечные лучи. Он медленно брел от тела девушки, потому что его мучила невыносимая головная боль, усиливающаяся с каждым шагом. Ему приходилось останавливаться много раз, пока боль не прошла, и он не смог опять нормально ходить. Скорее всего, он шел по той же самой дороге, по которой мы с вами шли этим утром. Руины Афрасиаба – это то место, где раньше был город, до того, как его разрушил Чингисхан. Самарканд вырос на этом месте. Но это уже другая история.

- Почему это место все еще называется Афрасиаб, хотя уже существовал Самарканд?

- Потому что Афрасиаб все еще живет в этом городе, - сказал Михаил. - Мне даже кажется, что ему будет интересно услышать вашу историю. - Как и раньше, мне было сложно сказать, была ли в его словах ирония, или он сказал это всерьез. Но после рассказанной истории эта фраза неожиданно прозвучала настолько легко и непринужденно, что я почувствовала, что тоже могу говорить легко и непринужденно о чем угодно, даже о самых неприятных вещах.

- Мою подругу звали Лара. Она умерла неестественной смертью. И вы были правы, когда сказали, что я не сделала ничего, чтобы предотвратить её смерть, и что именно поэтому мне кажется, что я никому уже не смогу помочь.

- Ольга, подождите секунду! - прервал меня Михаил. - Язык – это слишком сильное оружие, чтобы его игнорировать. Я не говорил, что вы не сделали ничего, чтобы предотвратить её смерть, я сказал, что ВЫ ДУМАЕТЕ, что ничего не сделали. Это большая разница. Когда вы что-то говорите, то думайте, как и что вы говорите.

- Почему вы думаете, что не помогли ей?

- Потому, что в самый последний раз, когда я видела Лару, она попросила меня ей помочь, а я отказала. В тот день, когда я видела её в последний раз – она всегда была таким красивым и светлым человеком – она была уже достаточно сильно измучена своей депрессией. Я долго с ней не виделась, и была неприятно поражена, увидев, как сильно она изменилась. Я знала её долгие годы – мы десять лет вместе ходили в школу, начиная с первого класса – но я никогда раньше не видела её настолько истощенной и подавленной. Мы неожиданно столкнулись на улице. После нескольких ничего не значащих ремарок она прямо сказала, то хотела бы, чтобы я с ней поработала как психолог и психиатр. Она всегда была очень деликатным и скромным человеком, и если она когда-то что-то просила для себя, то только в ситуации острой необходимости. Действительно, ей очень нужна была помощь. Я думаю, что она уже поняла, что её собственных сил было недостаточно, чтобы справиться с депрессией, и она попросила меня о помощи.

- Она была важным человеком в моей жизни. Я была с ней очень близка, несмотря на то, что в последнее время мы виделись нечасто. Я очень её ценила, и думала, что сделала бы для неё все, если бы ей была нужна помощь. Но в тот момент я была под бременем своих собственных проблем. Я собиралась работать за границей и вежливо сказала ей, что скоро уезжаю, но когда вернусь, то буду рада помочь ей всеми доступными способами. Но глубоко внутри я чувствовала, что лгу; на каком-то глубинном уровне я знала, что у неё не было достаточно сил, чтобы справиться с депрессией, и что я вижу её в последний раз.

- Вы думаете, что причиной её депрессии было изнасилование? И что это была ваша вина, что вы напрямую не спросили её об этом?

Вопрос Михаила был равносителен удару в лицо. Этот вопрос был тем, в чем я не хотела признаваться даже самой себе, при этом вопрос был очевиден для него, будто Михаил знал в деталях все скрытые подробности этой истории. То, что он спросил об этом, было правомерно, ведь это был главный вопрос, который я задавала себе с момента своей последней встречи с Ларой.

Я виделась с ней, когда её депрессия уже пустила корни, и было очевидно, что то, через что ей приходилось пройти, вскорости убьет Лару, если она не получит помощи. Несмотря на это, я все же не спросила Лару ни о её депрессии, ни о том, что её вызвало, хотя и слышала сплетни о том, что однажды ночью её кто-то изнасиловал. Михаил не пытался гадать. Он точно знал, о чем спрашивал. Я не знала, как ему ответить, потому что не знала ответа.

Было тяжело рассказывать ему эту историю, потому что она все еще оставалась частью моей личной реальности, и многие бессонные ночи, факты, обстоятельства, мои предположения, и то, что я слышала от других людей - все это аккумулировалось в одно сильное, болезненное чувство, от которого я пыталась бежать. Теперь я доверяла Михаилу больше, чем кому бы то ни было. Но я также понимала, что от меня потребуется еще больше усилий, чтобы рассказать ему остальное, может быть больше, чем я могла вынести. Я молчала, не зная, как ответить на его вопрос.

- Итак, почему вы не спросили её об изнасиловании? - повторил Михаил. Я не повернулась к нему, а продолжала молча стоять и смотреть на небо.

Я чувствовала, как немеют мои ноги. Может быть, от долгой прогулки через холмы к развалинам. Я стала молча опускаться, ближе к земле, которая была сырой и прохладной, чтобы только почувствовать её поддержку и не думать о вопросе Михаила.

- Вы знаете, Михаил, мне кажется, что уже время возвращаться в гостиницу. Спасибо за то, что выслушали меня. Но я неожиданно почувствовала себя очень уставшей, почти больной. Наверное, вы тоже устали слушать меня. Я думаю, что мне пора.

- А мне кажется, что вы должны остаться. И теперь я не буду спасать вас с помощью своих историй. Вам придется по-честному закончить вашу, несмотря ни на что.

- Пробел в сознании, про который я говорил вам раньше, это место, в котором демон памяти закрепляется и растет. Это паразит, который бесконечно пытается обманом заставить вас поверить, что является самой сокровенной вашей частью, в то время как высасывает из вас энергию и кормится вашими страхами. Такой пробел образуется каждый раз, когда происходит какое-то травмирующее событие, а личность недостаточно сильна, чтобы принять это как часть себя. Сознание воспринимает это как что-то инородное. А когда много таких травматических переживаний аккумулируются, то они становятся питательной средой для некой посторонней субстанции. Так как эта субстанция вызвана травмой, то мы можем называть её "духом травмы". Он есть у каждого человека.

- Кто-то больше, кто-то меньше, но мы все несем в себе отрывки воспоминаний, которыми завладевают демоны памяти. Они наследуются как страхи и травмы наших родителей и более дальних предков. А духи травмы уже сами создают все более и более травмирующие обстоятельства, снова и снова. Эти духи травмы дают людям возможность избегать конфронтации с ними при свете дня. Они заставляют людей чувствовать себя неожиданно уставшими, теряющими интерес к предмету обсуждения, желающими изменить тему разговора до того, как вскрыется природа этой травмы. Так же как вы сейчас хотите вернуться в гостиницу.

- Вы хотите сказать, что мой выбор на самом деле направляется духами травмы, и что они уводят меня в сторону от того, чтобы увидеть проблему в реальном свете?

- Я думаю, что вы достаточно опытны, чтобы понять это. Вспомните своих пациентов, тех, которые сделают что угодно, только бы избежать исцеления. В данный момент вы не сильно от них отличаетесь. И еще кое-что: я рассказал вам о зависти, и том, насколько

опасной она может быть. Демоны памяти полны зависти. Они сражаются за ваше внимание и являются врагами любому дару, которым обладает человек. Они попытаются украсть ваш дар и уничтожить его, так что все внимание человека будет приковано только к страхам, созданным этими демонами. В вашем случае эта травма пытается украсть ваш дар целителя, чтобы не дать вам возможности исцелять тех, кому это нужно. Это цель вашего духа травмы, и если вы сейчас уйдете, то послужите этой цели.

Михаил стоял напротив заходящего солнца, его силуэт вырисовывался на фоне розового неба и холмов Афрасиаба. Я подумала, насколько он был красивым и привлекательным, но в то же время, как к мужчине я не испытывала к нему никакого сексуального притяжения. Его лицо было в тени, но сквозь чуть заметную перемену позы я догадалась, что он улыбается. Затем я услышала, как он смеется таким зажигательным смехом, что я не смогла удержаться от улыбки.

- Все половинчатое, скорее всего, увеличит пробел и подкормит демонов памяти. Так как вы думаете о сексе, то могу вам сказать, что половинчатый секс, секс без духовной близости и понимания, способствует этому больше, чем что бы то ни было еще. - В напряжении я поняла, что он каким-то образом почувствовал мои мысли и отвечает на них.

- Вот почему многие люди чувствуют себя травмированными после занятий любовью. Они ищут любви, чтобы заполнить болезненные пробелы, но довольствуются половинчатым сексом, который, даже если и приносит физическое удовлетворение, в конце концов причиняет больше вреда. Вы не чувствуете никакого физического притяжения ко мне, потому что я практикую другой способ реализации моих любовных переживаний. Но это не то, о чем вы хотите мне рассказать. Опять белое и черное за работой, Ольга! Вы начали думать о занятиях любовью, чтобы спрятаться от того, что является антагонистом любви. Это изнасилование! И это то, о чем вы действительно хотели рассказать. Ольга, не тратьте время!

- Хорошо! Никто ничего не знает точно про Лару. Ходили слухи, что её изнасиловали, но никто ничего не знал наверняка. Она просто исчезла на пару часов ночью, поздней осенью, когда возвращалась домой после ночной смены. Она пришла домой с синяками и в порванной одежде. Она не сказала, что случилось что-то плохое, и никогда особо не придавала этому значения. Просто ходили слухи. По-настоящему слухам никто не верил – ни её муж, ни отец.

- Почему вы так боитесь принять вероятность того, что её изнасиловали?

- Потому что не хочу думать о том, что ей пришлось страдать.

- Почему вы не хотите об этом думать?

- Потому что я не хотела, чтобы она страдала.

- Не вы ли только что мне сказали, рассказывая вашу историю, что видели, как Лара страдала, и что чувствуете вину за то, что не помогли ей, когда она об этом попросила?

- Да.

- Значит, вы помните, что она страдала, но не хотите принять тот факт, что её изнасиловали той ночью? Вы профессионал, и достаточно хороший, насколько я могу судить. Не врите мне, что вы не сможете распознать психологические последствия изнасилования. Могу поклясться, что вы увидите все в первые несколько минут вашего разговора с пациентом. Вы и распознали. Я уверен, вы увидели это в Ларе, но отказались принять это, отдавая это той части вашей памяти, которую не считаете своей. Лара была слишком хороша, чтобы быть изнасилованной. Хороших женщин не насилюют. Это ваш первый пробел – так же, как это был и её пробел. Хотя бы сейчас признайтесь в этом.

- Я почти вижу её образ таким, каким вы пытаетесь его сохранить в своей памяти: идеальная, нежная женщина, красивая, незапачканая грязью. Она живет в вас – её образ в вашей памяти возвращен в течение многих лет, пока вы вместе росли. Вы воспринимаете её как икону – чистую, всегда сильную, ту, к кому вы всегда можете прильнуть в моменты замешательства. Вы несказанно рады, что идеал существует и может служить вам путеводной звездой, когда вам это нужно. Придерживаясь этого идеала, вы оказываете себе самой психологическую помощь. Вы все не откажетесь от этого идеала, даже ценой

страданий реального человека. Вы закрываете глаза и уши, чтобы только не слышать о грязном изнасиловании; вы полностью вычеркиваете это событие из её личной судьбы. Это лицемерие, Ольга, - огромный пробел, который вы должны залечить. Лара была живым человеком, и её страдание не символично, а реально. Вы должны ей помочь.

Теплые слезы потекли по моим щекам. Я не могла выговорить то, что хотела сказать, и просто качала головой. У меня не было платка, чтобы вытереть слезы, поэтому они продолжали течь, прокладывая дорожки к моим губам, и заставляя меня чувствовать себя наконец-то свободной от чего-то тяжелого и болезненного. Меня не ранила неожиданная грубость Михаила. Я понимала, что его суровость была направлена на что-то, что не было мной, на что-то, от чего я очень хотела избавиться. Своими жесткими, но правдивыми словами он просто помог мне избавиться от этой фальши.

Когда я на него посмотрела, то жесткость уже исчезла, и я увидела, что его лицо опять полно сострадания. Его глаза смотрели на меня со вниманием и пониманием.

- Вы помните как мы использовали метафору, говоря о физических движениях и о путешествиях сквозь память? - спросил он.

Я кивнула.

- Концепция простого движения и движения, обремененного грузом ментальных конструкций, точно также подходит и к движению через кластеры памяти. Чтобы свободно передвигаться по кластерам вашей памяти, ваши движения должны быть как можно более простыми. Для того, чтобы достичь той точки вашей памяти, которая нуждается в трансформации, вам нужно быть свободной от страхов, злости и разочарований. В данный момент ваша история полна разочарований. До того, как вы продолжите рассказывать про Лару, скажите мне, что же действительно беспокоит вас.

Искренность его порыва помочь мне была такой сильной, что заставила меня тут же понять, что он имел ввиду, когда задавал этот вопрос.

- Мне не хочется думать о тех людях, - сказала я. Михаил не спросил меня, кого я имела ввиду, а просто ждал, когда я продолжу.

- Я не могу быть спокойной, зная, что те люди все еще на свободе. Я не могу принять тот факт, что её уже нет, а тот, кто стал причиной её смерти, все еще ходит по земле. Я просто не могу этого принять.

- Вы говорите о людях, которые совершают изнасилования, ведь так? В их случае их воспоминания были вызваны болью, которую они сами испытали когда-то в прошлом от рук других людей. Эти воспоминания могут оставаться активными в подсознании в течение долгого времени, а затем они становятся достаточно сильными, чтобы полностью подчинить себе личность. Они становятся полноценным олицетворением демонов памяти и начинают причинять боль другим людям. Такие люди перестают быть людьми, а становятся образами травмы. Именно поэтому многие из них используют наркотики. Им нужны наркотики, чтобы заполнить пробелы своей личности и вернуть ощущение своего Я.

- То же самое относится и к другим людям, которые используют наркотики. Они пытаются заполнить пробелы в своей памяти, чтобы вернуть свою идентичность, разрушенную болью. Но они не могут добиться этого с помощью наркотиков, поэтому они и испытывают страх. А когда им страшно, то они могут начать причинять боль другим людям.

- Я уже рассказывал вам про нацистов. То же самое происходит и в тоталитарных государствах. Там жили люди, чья идентичность стала равна демонам памяти. То же самое относится и к серийным убийцам, и к насильникам. Если и не постоянно, то в момент совершения преступления их поведение направляется демонами памяти. В такие моменты они САМИ ЯВЛЯЮТСЯ демонами памяти, а эти демоны памяти получают подпитку через причинение боли другим людям.

- Я понимаю, как вы себя чувствуете. Я понимаю ваше разочарование. Существуют способы, трансформирующие демонов памяти. У общества есть свои способы, чтобы защитить себя от таких людей. Магия выработала свои собственные способы, но магия не может сосуществовать со злостью и разочарованием, потому что они уводят вас от неё.

Чтобы побороть демонов памяти магическим способом, вам сначала нужно очистить свое внутреннее пространство так, чтобы ваша память не была доступна для их атак. Это очень сложная задача.

- Работа со сновидениями может достаточно сильно помочь в этом. Осознанные сновидения помогают очистить внутреннее пространство достаточно быстро, потому что их существенным элементом является движение. Я дал вам свастику, потому что её форма ускоряет движение через кластеры памяти и помогает в осознанных сновидениях. Вы становитесь более подготовленной к магическому сражению. Пространство памяти заполнено образами. Демонов памяти тоже можно рассматривать как образы, но в них больше осознанной энергии, чем в обычных воспоминаниях. И именно поэтому, когда вы их признаете и трансформируете, то они не исчезают, а меняют качество своей энергии и начинают служить вам после того, как вы их завоевали. Именно так шаманы находят самых сильных духов-помощников. Многие люди верят, что шаманы находят помощников, которые передаются от старых шаманов. Это правда.

- Но когда-то раньше эти духи-помощники были демонами памяти, которые трансформировались и покорились шаману, превратившему их в послушных слуг. В этом суть трансформации психической энергии. Осознанные сновидения и шаманистские трансы являются для этого самыми лучшими состояниями. А теперь скажите мне, как умерла Лара?

- Когда я об этом размышляю, то понимаю, что у меня нет каких-то связных воспоминаний о её смерти. Я помню какие-то картины, сцены, которые придумала себе на основе того, что мне рассказали другие люди о её смерти. Это несвязные сцены, и они часто приходят ко мне как кадры из фильма, живущие в моей голове своей собственной жизнью. Я не смогу сложить их вместе в одну историю и рассказать её вам шаг за шагом.

- Это и есть пробел, вызванный травмой, - сказал Михаил. - Вы не можете связать эти картины в вашей голове с предыдущими переживаниями, и они остаются несвязными, живя, как вы сказали, “своей собственной жизнью”. Они контролируют ваше внимание, и могут продолжать причинять вам боль. Расскажите мне, что вы помните.

- Я знаю, что после той осенней ночи Лара стала другим человеком. Было похоже, что как будто внутри неё погас источник света, и её стала заполнять депрессия. её семья не знала, что делать с этой депрессией, так как Лара отказывалась обсуждать это с кем бы то ни было.

- Однажды, когда я была за границей, где-то далеко-далеко, ранним утром, в сибирской квартире муж Лары помогал ей надеть длинную, до щиколоток шубу, будто она была куклой и не могла сама двигаться. Он помог ей выйти в коридор и выйти на улицу, где уже прогревалась машина, готовая к дальней поездке.

- Её везли к “бабушке” - известной пожилой целительнице и предсказательнице, живущей в деревне недалеко от города. Лара плохо себя чувствовала. Она отказалась позавтракать, как обычно делала в последние месяцы; она не разговаривала и была очень слаба. Она не смотрела по сторонам – её большие черные глаза были прикованы к скользкой зимней дороге. Она ушла в себя, но что парадоксально, эта внутренняя концентрация заставляла её глаза светиться необычной глубиной. Когда машина остановилась и они подошли к дому целительницы, то она выдернула свою руку из руки мужа и пошла самостоятельно.

- Здание было обычным деревенским домом, который не сильно отличался от других домов в округе. “Бабушка” уже ждала их и встречала на пороге своего дома. - Заходи, красавица, заходи! - сказала она. Лара молча сняла шубу, встряхнув её пару раз, чтобы избавиться от снега, который покрыл мех за то короткое время, пока они шли от машины до дома. Муж остался ждать в приемной, а две женщины вошли внутрь.

- В комнате стоял большой обеденный стол, в главном углу висели иконы, а в воздухе стоял сильный запах трав. Ларе было сказано сесть у стола, и “бабушка” начала свою работу. Она посмотрела на руки Лары, а потом бросила на стол колоду карт. Она попросила Лару перемешать карты, а потом, посмотрев на них какое-то время, встала и вышла из комнаты.

- Вообще-то ей не нужны были никакие дополнительные магические атрибуты, чтобы предсказать Ларино будущее; ей даже не нужны были карты. Восьмидесятилетняя женщина, которая посвятила свою жизнь тому, что предсказывала людям их судьбу и лечила их от всех возможных болезней, - эта “бабушка” знала, с какой болью она соприкоснулась. Ей нужно было уйти из комнаты, чтобы освободиться от напряженного, прямого взгляда темных глаз этой красивой женщины, полных такой боли. За многие годы практики она переняла знания от старой колдуньи – своей бабушки. Даже семьдесят лет спустя она все еще очень хорошо помнила, как превратить свое тело в идеальное зеркало, и как правильно читать то, что отражалось на его поверхности. Случай этой девочки был очень редким. Она была слишком хороша, чтобы позволить демонам забрать её просто так. Чтобы помочь ей освободиться, за неё нужно было сражаться.

- Пожилая женщина покачала головой, будто сбрасывая ненужный вес со своих плеч и вернулась в комнату с прозрачным стаканом, наполненным водой. Она поставила стакан на стол справа от себя, и, посмотрев на карты, стала медленно их перемешивать, что-то шепча на воду, будто разговаривала с человеком, который там спрятался.

- Лара сидела тихо, глядя на неё с возросшим интересом.

- “Послушай меня, девочка!”, - сказала бабушка. - Ты впустила силу, которая во много раз больше тебя. Сейчас ты чувствуешь себя так, будто можешь с ней справиться, потому что она внутри тебя и стала той частью тебя, которая делает тебя сильнее и помогает тебе забыть боль, через которую ты прошла. Но однажды эта сила может выйти из-под контроля, и у тебя не будет сил, чтобы сопротивляться ей. Мой тебе совет, красавица, – не переступай барьера. Держись от неё подальше. Борись. Беги. Ты еще можешь спастись. Это проще сделать сейчас, нежели когда ты начнешь отдавать себя этой силе по кусочкам. Я могу тебе помочь. Приходи ко мне на следующей неделе. Мы начнем работать, и тебе станет лучше.

- Лара покинула дом “бабушки” озадаченной, но успокоенной. Она чувствовала, что эта пожилая женщина понимала, что с ней происходит, и у неё были какие-то тайные способы сделать жизнь Лары такой, какой она была раньше. Когда они ехали назад, то Лара даже разговаривала со своим мужем, пусть даже это и был банальный разговор; но это было показателем того, что этот день МОГ БЫ стать поворотным моментом к исцелению.

- От вас, Михаил, я узнала о демонах памяти. И чем больше я узнаю, тем больше понимаю, через что пришлось пройти Ларе. Теперь я понимаю, что духи травмы – это реальность. Я видела это в Ларе. Теперь я знаю, что это реальное измерение, хотя оно и относится больше к области психологии, нежели к материальному миру. И я также верю, что именно из-за своей нематериальности эти демоны могут добиться власти над нами и покорить нас.

- Лара ожидала следующей встречи с “бабушкой”, потому что, как мы говорим в России, “надежда умирает последней”. Лара все еще надеялась прорваться через пелену, отделяющую её от внешнего мира, и верила, что у старой женщины была сила, чтобы помочь ей. Во второй раз, когда она собиралась поехать к “бабушке”, она шла к машине быстрым шагом, в предвкушении. Но когда машина сделала один неправильный поворот за другим, пока, наконец, не остановилась перед высокими железными воротами, на которых была вывеска “Психиатрическая больница № 3”, а мрачный охранник открыл ворота, молча кивая мужу Лары, будто знал об их приезде, она не спросила мужа, почему он изменил свое решение, и не сопротивлялась. Он просто молчала и шла за ними.

- Каждый человек, который был в больнице, знает фундаментальный страх, неизменно возникающий там. Вы новичок, и вы, скорее всего попали в больницу не по желанию, а по дьявольской воле вашей болезни. Это пугает. Я думаю, что Лара тоже испугалась. Я уверена, что она думала, что входя в психиатрическое отделение больницы она как бы подтверждала свою умственную неадекватность, признавая, что с ней было что-то не так. Признание этого является самым устрашающим. Несмотря на то, что это отделение было недавним добавлением к больнице, и было одним из самых первых частных больничных отделений в городе, организованное для пациентов с незначительными психологическими проблемами,

оно все же находилось на территории больницы, за железным забором, и все так же навешивало на своих пациентов ярлык людей, побывавших в сумасшедшем доме.

- А, новенькая? - сказала молодая девушка – Ларина новая соседка по комнате – когда Лара вошла в отведенную ей комнату.

- Девушка поднялась с незастеленной кровати, поправила свои короткие рыжие волосы, и наклонилась к Ларе, которая напряженно сидела на своей новой кровати.

- Варвара, - сказала девушка, представляясь, и протягивая руку для пожатия. Её тонкая рука, от ладони до локтя, была покрыта длинными глубокими шрамами, которые тянулись по коже как ряды фиолетовых проводов. Она прекрасно знала, какое впечатление производили её оголенные руки, и сразу прочитала по Лариному лицу, что она даже не знала, что можно резать себя, и была слишком деликатной, чтобы спрашивать, откуда взялись шрамы.

- Так что Варвара решила подождать. Не навязываться, не пугать, просто завоевать Лару постепенно, но бесповоротно. Она будет учить Лару мягко, но настойчиво, и ни за что не отдаст её этим глупым, амбициозным и неуверенным в себе психиатрам, которые придут завтра и попытаются включить эту новенькую в свои игры.

- Варвара знала, что нужно делать. Когда наступила ночь, она уже была готова. Она слышала знакомые смеющиеся голоса, доносившиеся из комнаты медсестер. И знала, что медсестры ночной смены будут заняты какое-то время, сплетничая. Они не удосужатся сделать ночной обход. Она испытывала страх и предвкушение, прокачивая кровь, заставляя вены вздуваться, и ей пришлось замереть на время, чтобы восстановить дыхание.

- Лара спала, бездвижная, как кукла. Варвара подумала, что, скорее всего, будет сложно разбудить её по-тихому, без переполоха. Она наклонилась и осторожно вытащила из-под матраса новую железную бритву, которую она обменяла на сигареты во время сегодняшней прогулки. Комната освещалась искусственным голубым светом, и она хорошо видела, где присесть на Лариной кровати так, чтобы Ларе было лучше видно, когда она проснется.

- Но Лара проснулась до того, как Варвара успела её разбудить. Она открыла глаза и увидела эту рыжеволосую девушку с румянцем на измученном лице и с нервно блестящими глазами, сидящую на её кровати – точь-в-точь как существо, которое проникло в комнату из её собственного повторяющегося кошмара.

- Лара и так не собиралась ничего говорить, но девушка приложила пальцы к Лариным губам, заставляя её молчать. Лара села на кровати, спиной к стене, и посмотрела на девушку в ожидании.

- В темноте Ларины глаза казались черными и огромными, и она была настолько непоколебима в своем безмолвии и безразличии, что это заставило Варвару усомниться в том, правильно ли она оценила Лару с первого взгляда. Наблюдение за Ларой вызвало в Варваре еще большую нервозность и беспокойство, так что она еще сильнее сжала в руке холодный металл лезвия, напоминая себе, кто все же контролировал ситуацию.

- Ощущение власти, смешанное с напряжением от почти невыносимого беспокойства и предвкушения, затопило её. Варварины движения стали медленными, будто она находилась под водой; её зрительный фокус перемещался между темнотой и вспышками образов голубой комнаты со странной женщиной в углу. Варвара заметила, что ей стало трудно контролировать свое дыхание, и она все сильнее и сильнее сжимала лезвие, то приобретая, то теряя контроль над своими действиями, возможностями выбора, своим непослушным телом, которым она вскоре будет управлять всеми возможными способами. Она знала, что железное лезвие соприкасалось с её кожей, готовое пронзить её.

- В этот раз Варвара сделала слишком глубокий порез. Вместо капель, кровь потекла по её руке потоком, и это принесло облегчение намного более сильное, чем обычно. Она все продолжала смотреть на свою кровь, как будто это было самым прекрасным зрелищем, которое она когда-либо видела. В данный момент это был поток силы, магический поток, и он уносил с собой все опасности и все, что не принадлежало ей.

- Она подняла глаза и взглянула на Лару. Ей так хотелось увидеть перед собой свою бывшую соседку по комнате, которая поделила бы с ней её радость, и которая бы поняла, насколько воодушевленной она себя ощущала. Но ту женщину пару дней назад перевели в другую комнату, а эта новая девушка была слишком далека от Варвариных переживаний, даже когда мягко спросила: “Вам больно?”

- Но дело было не в вопросе. Чувствительная к боли, Лара знала, что больно не было. Однако ей не хотелось знать, зачем Варвара это делала, и на она ни о чем не спрашивала.

- В любое другое время её безразличие вызвало бы в Варваре раздражение, но только не сейчас. Испытываемые ощущения были слишком хороши, чтобы замутнить их гневом.

- Вы не понимаете, - сказала она шепотом, возвращаясь к своей кровати и пытаясь наполнить маленькую бутылку, которую вытаскила из кармана халата, своей кровью.

- Другие вещи причиняют боль. Я думаю, вы знаете. Сначала, когда это происходит, бывает больно. Когда ваше тело используют, а у вас нет власти, чтобы это прекратить. Абсолютно никакой власти. И чем больше вы пытаетесь сопротивляться, тем большее наслаждение они получают от вашего тела. ЭТО действительно вызывает боль.

- Варвара продолжала говорить шепотом, собирая свою кровь в бутылку – капля за каплей.

- Потом приходит другая боль. Начинает болеть внутри – от воспоминаний, которые жгут, но вы слишком слабы, чтобы бороться с ними. Вы оглядываетесь по сторонам в поисках помощи, но еще до того, как вы успеете что-то сказать, вас уже предают. Все они – ваша семья, мужчины, друзья. Они знают ваш секрет, но им не хочется иметь к этому никакого отношения. Они запирают ваши переживания лучше, чем вы сами когда-либо смогли бы это сделать, и держат их закрытыми до тех пор, пока вы сами себя не предадите. Когда наступает этот момент, вы соглашаетесь с тем, что такие вещи, как изнасилование, случаются только с плохими людьми, только с плохими женщинами, потому что хорошие бы спаслись. И если вы не спаслись, значит, должно быть, вы прокляты. И все в таком же духе. Это причиняет самую сильную боль.

- Резать себя – это контроль. Все наоборот. Через боль вы возвращаете себе контроль, потому что вы избранная и знаете, как этого добиться. Люди делали это на протяжении веков, люди, которые были избранными. Вы знаете, это есть в религиях, потому что это из области мистического. Как Распутин. Вы знаете, что они делали в свое “секте хлыстов”, еще до того, как он получил власть над всей Россией? Они причиняли себе боль. Они действительно причиняли себе сильную боль, пускали кровь, чтобы получить силу. Но вам нужно это испытать, чтобы понять.

- Она плотно закрыла бутылку, аккуратно вытерла руку, чтобы скрыть следы порезов, и посмотрела на Лару, которая все еще неподвижно сидела в кровати.

- Когда их глаза встретились, Лара отвернулась и легла на кровать. Перед тем, как закрыть глаза, она опять взглянула в сторону Варвары, и сказала тихим голосом: “Мне жаль, но я не смогу помочь вам, Варвара. Я себе-то не могу помочь”.

- После этого она молчала на протяжении всей ночи. В конце концов они оставили её в покое. Варвара и еще пара других женщин решили во время дневной прогулки, что Лара была слишком странной, и не заслуживала того, чтобы её включали в их тайные обряды. Лару оставили в покое.

- Вскоре её выписали домой на основании “временного улучшения”. А пару недель после этого, весенним воскресеньем, она взяла бутылку кислоты и всю её выпила. После часа невыносимых страданий она умерла, и скорая помощь была бессильна ей помочь. Мне сказали об этом через девять дней после её смерти, в аэропорту, после моего возвращения из заграницы. Ларе уже не нужна была моя помощь. Было уже слишком поздно.

Глава 11

Когда я замолчала, Михаил сказал: “Я хочу, чтобы вы знали, Ольга, что есть огромная сила в рассказывании историй. Иногда люди могут исцелиться от самой глубокой боли просто рассказывая о ней. Вы только что это сделали, и это поможет вам двигаться дальше. А теперь отдохните и послушайте меня.

- В нашей традиции очень ценится способность рассказывать истории, потому что это связано с исцелением. Мы также верим, что наши сны – это самые лучшие рассказчики, и самое глубокое исцеление может произойти с помощью историй, рассказанных в наших снах. В нашей духовной традиции целительства природа моей работы заключается в охране входа в область сновидений, а когда необходимо, то и в вскрытии тех переживаний и воспоминаний, которые нуждаются в трансформации. Это нужно для того, чтобы демоны памяти, которые исцелились и были освобождены в процессе исцеляющих сновидений, никогда больше не вернулись и никогда уже не стали частью человеческой памяти.

- Вам было необходимо услышать истории людей прошлого. Я рассказал вам об изначальной травме, которая родилась на этой земле из-за зависти Зараташты. Я рассказал вам о нескольких известных людях, которые позднее пришли на эту землю, неся с собой демонов своих прошлых страданий, увеличивая боль и, в то же время, отчаянно ища исцеления. Их опыт и переживания были частью важного процесса, который бесконечно идет на этой земле. Образы этих людей – это всего лишь несколько видимых зарисовок, связанных невидимыми нитями с воспоминаниями многих людей не только из прошлого, но и из настоящего. Теперь вам нужно услышать о других людях, которые работали на этой земле, чтобы осознанно исцелять страдания и через свою работу поддерживать живым огонь великой богини Анахиты.

- Это место, - Михаил показал на место, где находился музей, - когда-то было реальным зданием, порталом в другие пространства, через который трансформировалось много боли. Оно было построено для этой цели Улугбеком. Это была его обсерватория. Когда он был еще подростком, его отец сделал его правителем Самарканда. Он был посвященным, которому было открыто древнее знание этой земли. Это его музей. Он был построен на том месте, где были обнаружены остатки его космической обсерватории.

Михаил переместился вправо, а я поднялась со скамейки, так как было похоже, что он хочет мне что-то показать. С другой стороны музея мы подошли к большому кратеру в земле, который опоясывали металлические рельсы. Рельсы были остатками значительного по размеру круга, который мог поддерживать движение какого-то большого тела, вращающегося по диаметру большого, сделанного руками человека, кратера.

- Это все, что осталось, - сказал Михаил сдержанным голосом. - Он был правителем Самарканда на протяжении сорока лет. Его дедом был Тимур, один из трех воинов, про которых я вам рассказал в самом начале наших бесед. Вы знаете, у нас здесь другие представления об истории, нежели у вас на Западе. Вы знаете Александра как “Великого”, мы помним его как “Ужасного”. Вы знаете Тимура под именем Тамерлана – хромого чудовища, - который нес с собой ужас везде, куда бы ни шел. Мы помним его как великого правителя, который вернул жизнь Самарканду и его людям. С обеих перспектив вы можете видеть пробелы в коллективной памяти, противопоставленной друг другу, отрицающей друг друга. Но эти пробелы причиняют боль и воспоминаниям наших предков и нашим.

- Тимур пытался освободить демонов памяти, созданных во время своих военных кампаний, посредством постройки храмов в Самарканде. Он запечатывал свои воспоминания, превращая ужас в красоту, и он добился высоких результатов в этом искусстве. Но одним из его собственных пробелов было то, что он публично заявил, что является потомком Чингизхана – человека, который мучил этот город за двести лет до Тимура. Вместе с силой, которую несло в себе имя Чингизхана, Тимуру пришлось принять и его растревоженные воспоминания. Он их принял, а потом ему пришлось искать способы, чтобы с этим жить. Когда он готовился к смерти, то понял, что его переход в загробный мир должен был быть осуществлен со всеми возможными предосторожностями – его

воспоминания были связаны с этой землей, а он хотел, чтобы его похоронили определенным образом, чтобы защитить эту землю от его страхов и травм.

- Его тело привезли в его золотой город, Самарканд, издалека, из отдаленного места на севере, где он неожиданно умер. После того, как он завоевал большую часть Азии, Тимур готовился к покорению Китая. Его внук (десятилетний Улугбек) был с Тимуром в его лагере. К тому времени он уже присутствовал при нескольких сражениях своего деда. Никто не знает, что умирающий Тимур рассказал своему внуку, но он не передал Улугбеку своих неисцеленных страхов и болезненных воспоминаний – он унес их с собой в могилу. Улугбек привез тело своего деда в Самарканд, и Тимура похоронили в мавзолее Гур Эмира в Самарканде. Одним из предупреждений, которое оставил Тимур перед смертью, было указание не беспокоить его могилу, потому что это может быть опасным для живущих. Он знал, какие ужасы он уносил с собой в землю, и не хотел, чтобы они вернулись.

- В начале двадцатого века русский ученый Вяткин нашел место, где была обсерватория. Он делал много раскопок на территории Афрасиаба, но оставил не слишком много информации о том, что здесь обнаружил. Развалины обсерватории были одной из немногих находок, которую он описал – остальные материалы исчезли после его смерти.

- Вы знаете, когда они открыли могилу Тимура в первый раз? Советский ученый Герасимов, который был одержим идеей реконструирования черт лица по останкам черепа, приехал сюда с разрешения Советского правительства и вскрыл захоронение Тимура, чтобы реконструировать его лицо. Ни один из местных не стал бы этого делать, потому что все еще помнили предостережение Тимура, но советский ученый все равно это сделал. Он вскрыл захоронение 22 июня 1941 года, за несколько часов до того, как Германия объявила войну Советскому Союзу. Предсказание Тимура сбылось.

- Почему было так сложно отыскать обсерваторию, хотя большинство построек времен Тимура в Самарканде хорошо сохранились?

- Потому что обсерватория была разрушена. - Лицо Михаила потемнело, будто на него набежала невидимая туча. её сравнивали с землей не внешние завоеватели, а наши собственные порождения страха, которые знали, что усилия Улугбека забирали у них силу. У обсерватории, которую построил Улугбек, не было мировых аналогов. Это было трехэтажное круглое здание, построенное для связи со звездами. Вы можете прочитать про научные достижения Улугбека – они были блестящими. Но ничего не известно о его работе над духом. Я уже говорил вам, что люди, живущие здесь, были настоящими провидцами. Они работали с природой смерти и сновидений и сохранили глубокие знания о духовных трансформациях. Работа, которую здесь вели, была направлена на то, чтобы сделать бессмертие доступным для как можно большего количества людей.

- Это была наука, которая использовала глубинные знания о процессе смерти и о том, как сохранить индивидуальное сознание после смерти. Для этого нужна была связь со звездами. В обсерватории Улугбека на стенах были изображения семь звезд, которые считались воротами к трансформации. Это были семь ворот, которые предоставляли доступ к семи разным типам загробного существования.

- Наши учителя из прошлого знали про разные ступени сознания, через которые проходит тело, когда умирает. Сражение с демонами памяти – это первый этап; по законам неба, его удачное завершение связано с прохождением через ворота Солнца. На этом этапе большинство людей ожидает вторая смерть и потеря шанса на бессмертие, потому что они забыли, кто они есть на самом деле. Они приходят в ужас от своих демонов памяти и теряют связь с силой любви, идущей от Солнца, которое всегда связано с нашим сердцем и у которого лицо богини Анахиты.

Когда я услышала, как Михаил произнес эти слова, я тут же вспомнила случай с каменным изваянием, который он организовал для меня в цыганском таборе.

- То, второе, лицо на груди скульптуры, которую я видела в шатре, оно как-то связано с тем, о чем вы сейчас говорите?

- Оно показало именно то, о чем я говорю. Этот образ обычно называется “Бог Зурван” – бог, известный людям как главный бог Времени и Смерти. Но Зурван – это более поздняя маска богини Анахиты, которую она приняла, чтобы защитить свое лицо и сохранить свою власть. Это её лицо отражается в наших сердцах. Это её лицо, которое предоставляет нам последнее прибежище от любых болезненных воспоминаний и от чувства вины, страха, беспокойства и грусти, которую они вызывают. Она дарит нам спасение от второй смерти, если мы знаем, как установить с ней связь на первой ступени трансформации после физической смерти. Если эта связь установилась, то индивидуальное сознание выходит на следующую фазу пути через семь звездных ворот. Сознание притягивается к одним из этих семи звездных ворот в зависимости от того, каким должен быть будущий опыт. Выбор одной из этих семи звезд определяет судьбу человека в загробной жизни.

- Здесь было собрано много знаний, и впервые со времен Золотого Века Улугбек сделал это знание доступным простым людям. Но ему самому пришлось готовиться к жертвоприношению. Он знал, что демоны, аккумулированные в памяти людей, включая его собственное семейное древо, были слишком сильны и рано или поздно попытаются уничтожить его. Как гласит легенда, семейное древо Шахруха, отца Улугбека, было проклято, когда во время одной из своих военных кампаний Шахрух казнил в горах несколько святых. Улугбек знал о грозящей ему опасности из-за того, что совершили его предки. Он в тайне подготовил для себя специальное убежище в случае своей несвоевременной кончины.

- Он закончил постройку большей части священных зданий в Самарканде, и в одном из них решил найти пристанище и защиту от демонов памяти уже после смерти, так чтобы они не смогли извратить память о нем и не могли вмешаться в процесс его загробной трансформации. Он подготовил секретный саркофаг, в котором собирался пережить загробную трансформацию. Я знаю, где это место, но не могу сказать вам. Это все еще секрет, к тому же секрет, обладающий огромной силой. И это место не одно и то же с тем местом, которое общепринято считается могилой Улугбека в Гур Эмире.

- Так что, когда за ним пришла смерть, он был уже готов к ней. Он путешествовал, одетый в белое, окруженный группой близких учеников, когда лезвие меча прошло через его шею. В одно мгновение меч отсек его голову слева направо. Смерть наступила мгновенно. Убийца был нанят сыном Улугбека – Абд ал Латифом, чья кровь была отравлена завистью Зараташты. Помните, как демоны памяти воссоздают себя через причинение боли. Абд ал Латиф сам погиб от руки наемного убийцы всего через несколько месяцев после убийства его отца. За день до своей собственной смерти он увидел свою голову, преподнесенную ему на блюде. Возмездие настигло его сначала изнутри, через его собственные сновидения, и ему не было от этого спасения. Вскоре после смерти Абд ал Латифа его отрезанную голову выставили на всеобщее обозрение над аркой медресе Улугбека – академии, которую Улугбек построил в Самарканде. Та же самая судьба была уготована и потомкам сына Улугбека. Сын и внук Абд ал Латифа приняли ту же самую смерть.

- После смерти Улугбека его враги разрушили обсерваторию, сравняли её с землей, рассказав, что это было вместилище сорока очень могущественных злых духов.

Михаил замолчал и стоял на месте какое-то время; его глаза были устремлены за горизонт, как будто он был заколдован образами, пронесившимися в его голове. Затем он чуть заметно встряхнул головой и посмотрел на меня, сказав при этом обычным голосом: “Мне нужно было рассказать вам эту историю, потому что тот факт, что она рассказана, вызовет изменения в отголосках тех далеких событий, которые все еще продолжают влиять на людей, живущих в наше время”.

- Я рассказал вам то, что смог. Это был длинный день. А теперь мне нужно уйти – у меня еще есть другие дела. У меня встреча через полчаса. А вам нужно отдохнуть. Завтра будет тоже длинный день – ваш последний день со мной. И завтра вам нужно будет сделать то, что вы обещали в самом начале – исцелить одного человека. Встретимся завтра на базаре.

Глава 12

На следующее утро на базаре было не так много народу, и я сразу увидела Михаила. Он стоял за рядами ковров, с нежностью разговаривая с пожилой женщиной. Она была маленького роста и еле-еле доставала Михаилу до плеча. Когда они увидели, как я приближаюсь, то повернулись в мою сторону и стали оживленно разговаривать друг с другом, очевидно, обсуждая меня. Я совершенно не ощущала при этом никакого дискомфорта. Я чувствовала себя очень легко и заметила, что во всем моем теле было намного меньше страха.

Женщина заглянула мне в лицо, улыбаясь. её лицо было в глубоких морщинах, но её глаза – черные, глубокие, миндалевидные – были чуть ли не моложе глаз Михаила и излучали смех.

- Это моя бабушка Сулема, - сказал Михаил, и его голос еле сдерживал смех.

- Я тут же почувствовала почтение к этой маленькой женщине и неожиданно поняла, как много для меня значил Михаил, и как сильно я его уважала.

- Для меня большая честь познакомиться с вами, - сказала я ей и немного наклонила голову. На этот мой жест они разразились смехом.

- Приходите к нам в гости, - сказала она мелодичным, глубоким голосом. - Пойдемте со мной к нам домой. Михаил придет позже. Ему нужно купить травы.

Я прошла с Сулемой несколько кварталов от базара. День был ясным, а утреннее солнце мягким. Цветы наполняли воздух сладким ароматом. Люди улыбались мне, и я радовалась, что иду с этой женщиной по улицам Самарканда.

Она завернула за угол, и на узкой улочке, где росло большое дерево, за белым забором стоял маленький домик.

- Входите! Нам нужно кое-что сделать, - сказала Сулема, и открыла дверь большим железным ключом.

Пройдя через несколько прохладных и затемненных комнат, мы сразу же вышли в садик позади дома. её дом напомнил мне дом моей бабушки в России: старый, теплый, приветливый и дающий ощущение защищенности. В самом центре дворика располагался очаг. В нем все еще теплился огонь, и Сулема подложила в него пару сухих веток, чтобы он разгорелся сильнее. Основанием очага служили старые белые кирпичи, выложенные кругом. Своими движениями, когда выносила большие кастрюли из дома и ставила их на деревянный стол в садике, Сулема напоминала обычную бабушку, одетую в темное хлопковое платье. Каким-то образом для меня это было удивительно, потому что я уже решила для себя, что все, связанное с Михаилом, должно быть необычным. Но затем, будто в подтверждение моих мыслей, она молча посмотрела на меня несколько мгновений, и я почувствовала присутствие исключительной силы. В такие моменты я чувствовала себя серьезной и сфокусированной.

- Михаил жил в этом доме с тех пор, как ему исполнилось десять. - Скорее всего она почувствовала, что любая деталь его жизни имела для меня огромное значение, поэтому я слушала очень внимательно, не пытаясь задавать вопросы или прерывать её рассказ.

- До этого я думала, что потеряла его. Они поехали жить в Афганистан – он и его родители. В последний раз я видела его, когда ему было шесть. Конечно, они слали мне фотографии. Но что можно сказать по фотографиям о том, как растет ребенок? Не много. Я так по нему скучала. Но я знала, что однажды он вернется. Я только не знала, что этот день будет таким болезненным. У его отца и матери в Афганистане было важное дело. Я могла получать от них весточки только почтой. Вы видите, что у меня нет телефона. Но однажды какой-то мужчина постучал в дверь. У него в руках был большой конверт. Я удивилась, что они послали письмо не почтой, как делали раньше, а через посыльного. Но письмо было не от них. Оно было о них. О бомбе, которая взорвалась в том месте, где они работали, убив всех, кто там находился.

- Человек сказал: “Мои соболезнования”, - и ушел. Я даже не спросила его о Михаиле. В письме говорилось, что семья погибла, и в моем сердце я знала, что его отца и матери

больше нет. Я знала, потому что могла их оплакивать. Но я не могла оплакивать Михаила. Я просто не могла. Единственное, что я могла сделать, это просто ждать его. Я никого ни о чем не спрашивала, не слала никаких писем.

- Однажды (была весна, как сейчас), я услышала, что в городе остановились цыгане. Я пошла на базар и увидела их цирк. Они были действительно хороши. Смелые и смешные. Когда я пришла домой, то почувствовала, что больше не могу ждать Михаила. Я знала, что мое сердце больше не выдержит. Это был день, когда старый цыган постучал в мою дверь. А когда я открыла её, то увидела Михала, стоящего на пороге. Он не хотел отпускать руку цыгана. Его лицо было таким загорелым, а сам он был очень серьезным. Но я видела, что он примирился со смертью своих родителей. Цыгане хорошо его излечили. Он жил и путешествовала с ними больше года. Они подобрали его в Афганистане и излечили его от травм. Какое-то время мне было с ним тяжело – после того, как цыгане оставили его со мной.

- Он никогда не рассказывал мне о своих скитаниях с цыганами, но я уверена, что он помнит каждую деталь. Время от времени он просто упоминает какого-то человека и называет его “дедушкой”. Но я точно знаю, что тот, цыганский “дедушка”, не был моим мужем. Сулема снова засмеялась, взяла коричневую чашку, вытерла её чистым полотенцем и протянула мне.

- Я накормлю вас своим пловом. Мне кажется, я могу с уверенностью сказать, что готовлю самый лучший плов, по крайней мере в этом районе. - Она посмотрела вокруг своими смеющимися яркими глазами, будто проверяя, слушает ли её кто-то. - Но не стоит есть до того, как выпьете жидкости.

- Чем Михаил занимается сейчас? Он закончил школу?

Сулема засмеялась. - Он бы мог стать профессором, если бы захотел. Он изучал химию и астрономию в университете. Вы, русские, думаете, что здесь все безграмотные? Ну, я знаю, что вы так не думаете. Но многие ваши соотечественники именно так и думают. Некоторые мои соотечественники думают наоборот! - она снова по-доброму рассмеялась. - Чем он сейчас занимается? Я думала, он вам рассказал. Магия – это все, ради чего он живет. После того, как он вернулся из своих скитаний, он получил образование в нашем клане. Как он это делает, вам нужно узнать у него. Но одну вещь я знаю наверняка – он живет в этом мире, чтобы скрасить дни моей старости. Мои и того цыганского “дедушки”, которого он время от времени навещает.

- А вот и он, - весело объявила она. Посмотрев справа от себя, я увидела Михаила, стоящего на ступенях у входа в садик. Его хорошо сложенная, высокая фигура почти закрывала весь дверной проем. Он был неподвижен, голова была немного откинута назад, руки расслабленно висели вдоль тела, а вся поза излучала такую гармонию физических пропорций, что он был похож на идеальный образ, который каким-то чудом ожил. Он молча постоял там какое-то время. Потом он направил свой взгляд на меня, и в тот момент, когда я встретилась с его взглядом, мощная волна грусти прошла через мое тело, и я была готова заплакать.

- Это не было личным. После всех этих дней, которые я провела в его обществе, я все еще не знала его “лично”. Большинство аспектов его личности все еще оставались для меня загадкой, и мне не хотелось разрушать эту тайну. Но как и раньше, его присутствие вызвало во мне какое-то сильное чувство. Я не до конца понимала его природу, но чувствовала, что отчасти оно было связано с пониманием того, что очень скоро мне придется с ним расстаться. Я знала, что больше ни с кем и никогда не испытаю снова такого ощущения присутствия, такого полного нахождения своего Я в настоящем, каким обладал Михаил. Это было то, с чем я никогда не соприкасалась до встречи с ним. Я знала, что буду скучать по его манере осознавать как самого себя, так и окружающих его людей.

- В нашу первую встречу я сказал вам, чтобы вы привыкали ко мне, - сказал он. - Конечно же, вы меня не послушали. Именно поэтому вы сейчас так себя ощущаете. Грусть – это цена, которую человек платит за опыт, приобретаемый за короткий промежуток времени. Когда вы ощущаете грусть по какому-то поводу, то принимаете ситуацию намного быстрее.

Одной из функций депрессии является помощь в принятии определенного опыта, который в противном случае остается чуждым для нашего Я и продолжает находиться во власти демонов памяти.

Михаил обошел очаг и сел рядом со мной на старом одеяле, брошенном на землю рядом с очагом.

- Я просил вас поработать со свастикой, чтобы помочь вам расчистить пространство ваших сновидений. Это вам помогло. Вы можете осознанно не помнить всех своих переживаний, которые в ваших сновидениях инициировала свастика, но ваше внутреннее пространство стало намного более сбалансированным и открытым. Содействие в расчистке вашего пространства сновидений было одним из способов помочь вам подготовиться к получению знаний, собранных в этой местности. Большинство этих знаний не только связано с пространством сновидений, но и специально было помещено туда.

- Главная задача наших сновидений – заполнить пробел в наших воспоминаниях. Проблема заключается в том, что когда демоны памяти уже поселились в вашей памяти, то они будут делать все возможное, чтобы защитить свое существование. Трудность в том, что они намного более живые, активные и обладают большей властью в сновидениях, нежели в обычной жизни. Так что, к сожалению, если пространство сновидений не очищено, то вместо исцеления сновидения приносят лишь усиление болезненных переживаний. Чтобы их победить, я имею ввиду демонов памяти, вам нужно обладать знаниями, которые позволяют вам работать внутри сновидений. Оно того стоит, поскольку полное исцеление происходит через изменение структуры образов, а не только их значения. Это проще сделать, если работать со сновидениями.

- Намного сложнее добиться изменения ваших поведенческих установок в состоянии бодрствования, потому что в большинстве своем они закладываются в вас в период взросления. Убеждения, которые безапелляционно говорят вам, что правильно, а что нет, что заслуживает поощрения, а что – наказания. В пространстве сновидений все намного проще, потому что сны не приемлют разделения целого на хорошее и плохое, правильное и неправильное. Это против их природы. В сновидениях разрешается все.

- А теперь загляните в себя и скажите мне, каким было самое значительное изменение в ваших сновидениях с тех пор, как вы сюда приехали?

Было сложно ответить на этот вопрос. Главным образом потому, что опыт, полученный мной в Самарканде, был таким разнообразным, таким необычным, - все пережитое воспринималось как один изумительный сон. Я попыталась сконцентрироваться и сказала Михаилу: “Я бы сказала, что это было то, как я стала ощущать себя в своих снах. Я стала себя чувствовать как человек, который переживает сновидения намного интенсивнее. Сны, которые я видела в последние пару ночей, были очень разнообразными и полными событий. Мне сложно назвать какие-то детали. Но я бы сказала, что главным изменением было то, что ощущение моего Я, проглядывающее за всеми этими картинками из снов, было намного более сильным и укорененным в настоящем моменте.

- Теперь вы можете что-то вспомнить?

Я заметила, как Сулема остановилась на другой стороне очага и посмотрела на меня с той же глубиной в глазах, как и раньше, ожидая моего ответа.

- Я не знаю. Я же сейчас не сплю!

- Это именно то, что вам нужно воссоздать. Посмотрите вокруг, обращайте внимание на каждую деталь, а потом попытайтесь внушить себе, что все, что вы видите – меня, бабушку, огонь – все это ваш сон, который вы видите в данный момент. Воссоздайте переживание.

- Но я не хочу! Я не хочу видеть вас как образ из сна.

- Ольга, когда вы научитесь полностью мне доверять? - Он улыбнулся настолько нежно, что я почувствовала некую неестественность, стоящую за моим сопротивлением последовать его совету.

- Это один из механизмов, с помощью которых духи травмы сохраняют свою власть над нашей памятью. Заставляя нас поверить в то, что воспоминания и сны несущественны. Это ВСЕГО ЛИШЬ сон – заставляют они нас думать. Это пример очень хитрого разделения. Правда заключается в том, что не существует приоритета одного типа переживаний или опыта над другим. Сновидения ничуть не менее важны. Они другие, но они тоже являются частью нашего полного сознания. Поэтому все же попытайтесь сделать усилие!

Говоря это, Михаил положил свою руку на мое запястье точно так же, как сделал в нашу первую встречу, когда мы познакомились.

Я посмотрела вокруг, и после того, что он только что сказал, мне было несложно вспомнить свое ощущение нахождения во сне. Для меня не было большой разницы между тем, что я воспринимала, как свои ночные сны, и тем, что я в этот момент переживала наяву. Языки пламени в очаге посреди двора чуть увеличились, подпитываемые теплым ветерком, дующим из-за забора. Сулема, с тем же выражением серьезной концентрации на лице, сидела на земле у очага. Я ощущала, как рука Михаила прикасается к моей коже, чувствовала тепло солнечного света на моем лице. Каждый звук, цвет, ощущение, которое я испытывала в данный момент, был очередной ниточкой, связывающей мое сознание с остальным миром. Все ощущения проникали в мое тело через различные каналы и интегрировались в одно в моем сердце, переполняемым сладким, мощным чувством.

- А теперь для вас пришло время заняться целительством, - сказал Михаил.

Я уже думала этим утром о том, с кем мне придется работать. Я не видела никаких признаков того, что мы ожидали чьего-то прихода. Я посмотрела сквозь огонь на Сулему и решила, что, скорее всего, это она была тем человеком, в чьем исцелении мне нужно было принять участие. Она улыбнулась, но её улыбка не подтвердила моего предположения.

- Сулема не тот человек, ради которого вы здесь, - сказал Михаил и убрал руку с моего запястья. Этот жест немного изменил мое восприятие реальности, но я все еще не утратила способности ощущать себя как во сне. - Лара является тем человеком, которого вам нужно излечить, - сказал он.

Я посмотрела на него в изумлении, пытаюсь понять, что он имеет в виду.

- Это только ваш ум нуждается в том, чтобы найти объяснение тому, что я только что сказал. Но ВАШЕ Я уже знает, что я имею в виду, потому что это является естественным продолжением вашего опыта и переживаний последних дней. Лара живет в вашей памяти, поэтому, работая со своей памятью, вы можете осуществить реальные изменения. Несколько дней тому назад я вам уже сказал, что она реальный человек, который нуждается в исцелении от демона памяти, который ей завладел. Я не ошибся. Я уже тогда знал, что она совершила самоубийство, но я также знаю, что существование не заканчивается со смертью физического тела. Я не верю, что может быть поздно для того, чтобы излечиться.

- Но как? Михаил, как я вообще могу это сделать?

- То, что вы собираетесь сделать, шаманы называли бы “прогулкой с душой усопшего”. Вы можете называть это “межличностной трансформацией” или любым другим именем, которое вызывает в вас меньше беспокойства. В сущности процесс будет тем же самым. Трансформация произойдет в реальности только тогда, когда внутреннее и внешнее пространства являются одним и тем же, где больше никакие ментальные барьеры их не разделяют. Это нельзя назвать полностью состоянием сна. Это особенное состояние, в которое вы можете войти только тогда, когда пространства ваших сновидений и памяти открыты и ничем не замутнены, и вы можете свободно между ними передвигаться. От вашей памяти будет зависеть то, какие образы выбрать для того, чтобы произошло исцеление. Образы, всплывающие в вашей памяти, будут носителями такой трансформации, но эффект от изменений будет выходить за рамки ваших персональных воспоминаний. Я буду за вами наблюдать и помогу вам в моменты, когда вы будете в этом нуждаться. Чтобы все случилось по-настоящему, вам нужно выпить вот это.

В его руке была все та же коричневая чашка, которую Сулема дала мне раньше. Сейчас в чашке была какая-то вязкая субстанция, похожая на молоко с толчеными травами.

- Что это? - Ко мне снова вернулась тревога.

- Это не наркотик, если вы переживаете именно из-за этого. Наркотики являются одним из средств, которые используют духи травмы, чтобы не отпускать боль. Мы не пользуемся наркотиками. Это особенная трава, которая растет у гор на севере отсюда. Сулема приготовила траву с молоком, чтобы питье не было чересчур горьким. Главное свойство этой травы – расслаблять мускулатуру. Вы не уснете, но будете находиться в пограничном состоянии сна. В то же время трава устранил мышечные зажимы, которые являются физическим проявлением узлов вашей памяти. Так что ваша память на какое-то время освободится от пут. Вы будете защищены от ваших обычных страхов, и сможете воскресить и пережить свои воспоминания намного более осознанно, чем обычно.

- Ваш опыт будет облачен в свою собственную, неповторимую форму. Его содержание – это не то, что имеет первостепенное значение. Самым главным будет процесс трансформации. И еще то, что будет иметь значение, - это сам процесс поиска демона памяти и покорения его таким образом, чтобы он служил вам и последующему исцелению в будущем.

Он протянул мне теплую чашку, и я неохотно её взяла. Затем я поставила её на землю – страх волной прошел по моему телу.

- Ольга, когда вы будете полностью мне доверять?

Я снова взглянула на него, и неожиданно совершенно новое чувство завладело мной. Чувство, что я знала его многие годы, но забыла, говоря себе, что это был просто сон. Это чувство было таким сильным, таким настоящим, что мой страх показался мне абсолютно незначительным. Я дошла до такого момента, когда смогла бы доверить ему свою жизнь.

Я взяла чашку и медленно выпила её содержимое. Молочно-сливочный вкус смягчил горькость трав. Ничего не изменилось.

Тот же самый теплый ветер нежно ласкал мою кожу. Сулема все еще сидела передо мной, подбрасывая поленья в огонь. Я не видела Михаила, но отчетливо ощущала его присутствие справа от себя.

У меня не было никаких ожиданий. Я просто сидела и смотрела на огонь, который вскоре стал центром моего внимания. Только лицо Сулемы на другой стороне очага было все еще различимо для меня. Я услышала, как она сказала: “Здесь мы любим рассказывать истории. Вы можете рассказать мне историю? Расскажите мне самую загадочную историю, которую знаете”. - Я подумала, что Сулема попросила меня рассказать историю только для того, чтобы я почувствовала себя более уютно, и я была ей за это благодарна.

- Сейчас?

- Конечно, почему нет?

Какое-то время я думала над её предложением, а потом история Гамлета – история, которая ставила меня в тупик еще со времен старшей школы, - неожиданно пришла мне в голову.

- Хорошо. Я знаю такую историю. Она озадачивала меня в течение многих лет, потому что мне так никогда и не удалось найти окончательное, полное и недвусмысленное объяснение для неё. Эта история произошла давным-давно.

- Когда-то в далекой стране жил принц. Не так давно умер его отец. Мать принца вышла замуж на его дядю, который стал королем, а принц жил в его королевстве. Принц был не так чтобы очень печальным, и не так чтобы очень одиноким. Он абсолютно точно не был сумасшедшим до того дня, когда всю изменилось, и принц тоже начал меняться.

- В тот день, а точнее ночь, он встретил призрак своего умершего отца, рассказавшего ему историю о том, как теперешний король, его собственный брат, отравил его, чтобы получить и королевство, и королеву впридачу. Призрак отца потребовал возмездия, и не было принцу покоя после того, как он услышал эту историю. Он придумал хитрый обман: пригласил бродячих артистов, чтобы сыграть для короля и королевы пьесу, придуманную им самим. А пьесой была история убийства его отца, которую актеры разыграли перед матерью

и дядей принца. Во время спектакля он увидел на их лицах подтверждение их вины, и тогда он по-настоящему впал в безумие.

- Его убили, ведь так? В конце истории принца тоже убили? - Сулема прервала меня, не дожидаясь, когда я закончу.

- Вообще-то да, убили. Вы знаете эту историю?

- Это призрак убил его, призрак его отца.

- Вообще-то нет...

- Вообще-то да! Он начал играть по правилам призрака. Он впустил в себя дух травмы. С помощью боли от смерти своего отца, он позволил демону проникнуть в свою память и стать частью своего Я. Он начал действовать по команде духа, поэтому ему пришлось умереть. Он не сошел с ума, как вы сказали. Он просто сражался с духом травмы. Но думаю, что он проиграл. У него не было жены, ведь так?

- Нет. Но у него была невеста, к которой он вначале испытывал очень нежные чувства, но потому она убила себя из-за его грубости и помешательства.

- Вот это да! В этой истории еще были мертвецы?

- Вообще-то да. Отец невесты и ...

- О! По-настоящему голодный призрак, тот, похожий на отца! Это была хорошая история. Тот, кто её написал, знал о борьбе.

Сулема замолчала и её прищуренные глаза смотрели прямо на меня через огонь, будто она могла видеть сквозь меня. Я видела её мягкую улыбку сквозь языки пламени, пока они снова не взметнулись, и её лицо не скрылось за ними.

Я начала замечать, что мои физические ощущения меняются. Казалось, будто какая-то невидимая сила проникла в мои зажатые мышцы и развязала старые болезненные узлы, сидящие там. Вместе с этим я ощущала, как сама моя память освобождалась и трансформировалась в ту же субстанцию, из которой сотканы сны, и вскоре мое сознание затопил поток образов. Их было великое множество, но это множество не создавало хаоса; все образы были будто связаны невидимым, совершенным порядком, а мое сознание следовало за ним.

Огонь продолжал подрагивать, но теперь он был абсолютно круглым, будто благодаря какому-то чуду, передо мной горел двойник солнца. Я смотрела на него, не отрывая взгляда, какое-то время, до тех пор, пока все вокруг не окрасилось красным, а диск солнца не стал черным. Я закрыла глаза и почувствовала, как это маленькое солнце передо мной стало пульсировать и приближаться. Я попыталась оставаться неподвижной – очень-очень неподвижной – пока не услышала звук, будто открылась дверь, и слова Михаила: “Ничего не бойтесь и помните, что отец – это тот, кто наказывает, а мать – та, кто прощает. Я буду с вами, когда понадобится вам”.

Глава 13

Мое тело пульсирует и увеличивается в размерах. Вся сила зажимов, аккумулированных в нем, неожиданно высвобождается, и энергия начинает свободно течь. Мое внутреннее пространство расширяется. Меня наполняет воздух, и мне кажется, что мое тело, твердое и спрессованное минуту назад, оказывается сделанным из множества широких, просторных коридоров, которые продолжают расширяться. Раньше я бы никогда не подумала, что внутри меня может быть столько пространства.

Внутренние коридоры будто живые и движутся, а один из них за какую-то долю секунды увеличился еще больше и засосал все мое внимание и концентрацию, будто в нем находился какой-то магнит. Я – чистое пространство, белое и открытое, а голос Михаила, немного приглушенный, звучит в центре этого пространства. Теперь я вижу его отчетливо: он в белой одежде, его волосы собраны в хвост, он неподвижно сидит с руками, скрещенными

на груди. Он смотрит на меня, и я знаю, что он знает о том, что со мной произошло, и что только собирается произойти, и я внимательно к нему прислушиваюсь.

- Это территория вашей памяти. Она так же реальна, как и территория вашей родной страны. Но она может быть очень обманчивой, поэтому вам нужно быть очень настойчивой в желании продвигаться вперед, несмотря ни на что. Передвигайтесь по этому пространству и ничего не бойтесь.

Вначале я вижу длинный проход – узкий, серый туннель. Две высокие, тяжелые каменные глыбы, покрытые в некоторых местах молодым, зеленым и сочным мхом, очерчивают границы этого узкого коридора. Приглушенный голубой свет проникает туда только из одного источника – сверху, и землю отчетливо не видно. Я поднимаю голову и вижу – прямо надо мной – четкие ряды вертикальных трубок, спускающихся с потолка. Свет просачивается через их полости, и с ужасом я понимаю, что это человеческие кости, используемые как лампы для освещения этого коридора.

Их сотни, висящих близко друг от друга, и они чуть заметно раскачиваются у меня над головой; серо-голубой свет тоже двигается с ними в такт, пока я иду по коридору. Иногда их движение генерирует звук, напоминающий мне тяжелые вздохи. У меня нет времени, чтобы к ним привыкнуть, потому что картинка меняется, и светильники, сделанные из человеческих костей, неожиданно исчезают. Я уже иду по другому коридору, освещаемому по бокам. Я не вижу источника света, потому что он скрыт за старыми, застиранными, сероватыми простынями, используемыми в качестве стен. Эти простыни отделяют меня от массы движущихся за ними тел. Я не знаю, являются ли эти существа, кружащие за тканью, человеческими существами или большими животными. Они не разговаривают. Они только тяжело дышат, фыркают, ворочаются, толкая друг друга – они настолько близко от меня, почти в прямом соприкосновении.

Я ощущаю, что их сотни, набитых в тесном маленьком пространстве за простынями, и чувствую, что они знают о том, что я иду по коридору. Они так же хорошо ощущают мое присутствие, как и я их. Иногда их большие конечности выталкиваются другим телом внутрь коридора, и тогда я чувствую, как они касаются меня через грязные простыни, пока я прохожу мимо. Круглые волны от их движений, которые они пытаются сдерживать, когда я прохожу мимо них, совпадают с волнами тошноты, которую я испытываю. Я ускоряю свои шаги.

Я почти вижу выход из этой ужасной галереи, и пытаюсь добраться до него как можно быстрее. В то же время я знаю, что не должна бежать. Каждой клеточкой своего тела я чувствую, что как только я побегу, то их уже ничто не удержит – они прорвутся через простыни и в мгновение ока задавят меня своими тяжелыми телами. Я продолжаю идти очень быстро. В следующее мгновение все заканчивается, и со вздохом облегчения я покидаю коридор и вхожу в большой зал.

Тяжелый ритм на заднем плане и фырканиедвигающихся тел за моей спиной сливаются в ритмичный механический шум, заполняющий комнату. Вначале я никого и ничего не вижу. Комната напоминает мне заброшенное промышленное здание с высокими потолками и цементным полом. Все работники уже ушли, оставив оборудование включенным. Здесь царит хаос: поломанные деревянные рамы, битое стекло, скрипящее под моими ногами, писк крыс, бегущих куда-то через кучи бумаги, валяющейся в углу. Комната представляет собой картину полного запустения, но фоновый механический звук остается неизменным, показывая, что что-то происходит.

Я иду через кучи старья. Наталкиваюсь на остатки мебели и порванных пожелтевших газет, напечатанных на иностранном языке. То тут, то там мне приходится поворачивать, чтобы пройти через кучи всего этого мусора, которым забита комната. Время от времени легкий ветерок касается моей кожи, заставляя меня думать, что где-то здесь должна быть дверь или окно, через которые проникает воздух. Когда я почти достигаю середины зала, то, наконец, вижу, что источником этого ветерка и постоянного механического шума является гигантская мельница-дробилка из темного дерева. Я не могу понять, почему я не заметила её

раньше; она настолько огромная, что я даже не вижу её верха, уходящего недостижимо высоко под потолок. Дробилка постоянно вибрирует и издает механический раздражающий звук. Эта вибрация аккумулируется мельницей перед каждым гигантским поворотом. Зловещий стон исходит от пространства вокруг меня, как будто порожден невыносимой болью.

Мое тело застывает в ужасе, не позволяющим мне двигаться. Не поворачивая головы, я опускаю глаза. Следующая картинка шокирует меня до самой глубины моего существа, и тот ужас, который я испытывала секунду назад, воспринимается как ничто, по сравнению с тем кошмаром, который я теперь ощущаю внутри и вокруг себя. Разломанные куски, которые я приняла за остатки мебели, начинают меняться у меня на глазах, и на поверку оказываются человеческими конечностями и частями тел, разбросанных вокруг. Они живые! Они двигаются! Некоторые из них даже пытаются ползти.

Тот стон, который я слышала секунду назад, исходит от них, как доказательство их невыносимых страданий. Я вижу перевернутую человеческую ногу; черная крыса рядом со мной поедает колено. Она намеренно мучает человеческую плоть своими отвратительными зубами. Только щиколотка все еще напоминает, что это человеческая нога, тогда как кожа, мышцы и кости прикреплены к железным фигуркам.

Борясь с приступом тошноты, я замечаю все больше человеческих останков с железными фигурками животных, прикрепленных к ним будто по капризу чьего-то дикого воображения. Они пытаются ползти, но железо очень тяжелое. Я чувствую, что было бы более безопасно и удобно подпитать мой страх и дискомфорт до максимальной точки, и позволить своему сознанию отключиться, чтобы прекратить созерцание этих отталкивающих образов. Но когда я чувствую, что мое тело покрылось холодным потом, а рот наполняет слюна, подавая сигнал, что я близка к блаженному забытию, я вспоминаю указание, которому я обещала следовать. Ничего не бойся! Я не могу защититься с помощью потери сознания. Мне нужно посмотреть в глаза страху. Мне нужно это испытать. Я согласилась на это в самом начале, поэтому мне нужно испытать все это до конца. Моя тошнота отступает и зрение проясняется.

Громкий тонкий свист раздается откуда-то сверху. Гигантская мельница начинает очередной поворот. До того, как моя паника заставляет меня бежать, я с облегчением замечаю, что ножи мельницы – это лучи света. Они яркие и мощные, но это всего лишь свет. Поэтому я стою, где стояла, не чувствуя никакой опасности. Когда широкое лезвие движущегося света касается меня, то мои ощущения ничем не отличаются от ощущений от прикосновения солнца к моей коже теплым днем.

Но это не относится к человеческим останкам вокруг меня. Первый же намек на поворот мельницы приводит их в отчаяние. Они пытаются освободиться от тяжести железных животных, и их завывания и стоны сливаются в один неземной вопль, который сотрясает тяжелые стены комнаты.

Лезвия-лучи проходят через человеческие останки очень медленно, один за другим освещая их. В одно мгновение фигурки железных животных раскаляются под действием лучей, и потоки огня проходят через них, достигая человеческих тканей, связанных с ними, и оставляют на тканях ожоги. Эти фигурки животных вибрируют от боли, проходящей через конечности. Неожиданно я начинаю испытывать сожаление к этим человеческим останкам. Я никогда не думала, что можно испытывать сожаление к отрубленным частям человеческого тела, но мое сердце почти останавливается, когда я чувствую боль, достигающую их все еще человеческих клеток. У этих конечностей нет индивидуальности; у них нет лица; стоны, которые они издают – не человеческие стоны. Это крики пытаемой плоти.

Я испытываю печаль и сострадание к этим кричащим человеческим останкам. Их образы проникают в мою память, чтобы надолго там остаться.

Я отворачиваюсь от мельницы, но не испытываю особой надежды на освобождение от этой печали. В следующее мгновение я вижу огромную полость, будто чье-то горло увеличили во много раз, отделили от тела и повесили на паре веревок к потолку. Я вижу

красную, воспаленную слизистую оболочку, будто рот был широко открыт для крика. Но этот рот не может кричать, потому что в нем находится острая бритва, которая двигается в этом куске плоти вперед и назад, но не разрезает его на части, а только причиняет боль.

Это для меня уже чересчур! Я больше не могу оставаться одна. Мне нужно услышать голос Михаила, и почувствовать, что он рядом со мной.

- Михаил, почему я все это вижу? Зачем мне нужно на все это смотреть?

Я слышу его ответ: “Чтобы почувствовать себя лучше, просто помните, что важны не форма и содержание, а процесс трансформации. То, что вы сейчас переживаете, называется “Залом Разъединения”. Это не первое место, куда устремляется человеческое внимание после смерти. Существуют сотни разных дорог для опыта и переживаний, через которые может проходить личность только что умершего человека.

- То, что вы здесь видите, это останки человеческих форм, и, как следствие, останки человеческих индивидуальных фокусов внимания, потому что фокусы внимания и форма неразрывно связаны. Для большинства людей, которые в течение своей жизни остались непросвещенными и неподготовленными относительно того, что станет с их существованием после смерти, процесс дезинтеграции физического тела сопровождается также и процессом дезинтеграции индивидуального сознания. Не путайте понятия “сознание” и “душа”. Когда духовные традиции говорят вам, что душа бессмертна и живет вечно, то это правда. Но сколько людей постигает свою душу при жизни? Как много из них способны распознать свою душу? Лишь немногие. Для всех остальных обычное осознание своего тела – это место, где находится фокус внимания, и индивидуальному сознанию также приходится проходить через процесс дезинтеграции, как и телу.

- Так как Древние Мистерии, которые обучали практикам исцеления после смерти и правильному переносу сознания в загробную жизнь, сейчас уже забыты или скрыты от глаз, то большинству людей, которые умирают, приходится проходить через очень болезненный процесс расчленения, осуществляемый демонами их памяти. То, что вы видите в этой комнате, - это финальная ступень такой дезинтеграции, когда ощущения уже отсоединены от памяти, чувства от мыслей, лица от личностей, которым они принадлежали. На этой ступени вы видите проявление сущности этих ощущений.

- В случае с этим залом, таким ощущением является боль. Вам необходимо пройти через этот зал, чтобы достичь своей цели. Но есть и другие залы, где переживаются другие ощущения. Не позволяйте вашему разуму вас запутать. Те страдания, которые вы видели, уже не ассоциируются с конкретным человеком. Но они обладают индивидуализированной природой. Это зависит от того, на чем фокусировалось их внимание в течение жизни.

- Это физические “островки памяти”, части тела, в которых когда-то жили демоны памяти. В вашей культуре это бы называлось “наказание за грехи”. Главной характеристикой греха, если уж мы вообще используем этот термин, не является его моральная составляющая, но его способность останавливать дальнейшее развитие, блокировать поступательное движение. У всех “великих” грешников, в сущности являющихся воплощениями демонов памяти и всех плохих поступков, которые они совершили, было одно, что их всех объединяло - их сознание было сконцентрировано на ПРЕДМЕТЕ их греха, будь то жадность, похоть, зависть или гнев.

- Все эти различные греховные порывы служили некой дамбой, возведенной для того, чтобы препятствовать развитию и трансформации. И это именно то, что инициировало процесс разделения и деградации. Когда такие индивиды умирают, то их сознание неразрывно связано с их грехом и травмой, поэтому они также умирают и второй смертью, в конце концов теряя свое индивидуальное сознание. Их персональные Я перестают существовать после второй смерти.

Я смотрю по сторонам, пытаюсь связать услышанное с увиденным. Отрезанные части тел и ужасное осознание страданий мешают мне думать. Я не могу прийти ни к какому заключению, но понимаю, что все услышанные слова проникают в мое сознание, и рано или поздно вернутся ко мне, и я смогу понять их лучше.

Только сейчас я замечаю, что воздух в этой комнате плотнее, чем воздух, которым я привыкла дышать. Или, может быть, мое искаженное чувство гравитации создает иллюзию более плотного воздуха. Некоторые объекты движутся медленно, поднимаясь с пола и зависая в воздухе. Я вижу странную приближающуюся фигуру, которая прилагает усилия, чтобы лететь через плотную атмосферу по направлению ко мне. Это человеческое существо с лицом молодого мужчины, но лицо искривлено из-за невероятных физических усилий, которые он прилагает, чтобы приблизиться ко мне. Он висит в воздухе; его тело – это всего лишь туловище и голова. У него нет конечностей, и он извивается, пытаясь двигаться по воздуху.

Я боюсь что-то говорить, и не хочу, чтобы он тоже заговорил, потому что он очень отталкивающий, и я даже не хочу думать о том, что он может начать со мной разговаривать. Но он приближается ко мне определенно с целью пообщаться. Я заставляю себя оставаться на месте, несмотря на сильное желание убежать.

Теперь он летает прямо передо мной. Я отчетливо вижу его лицо. У него тонкие, ничем не примечательные черты лица, но они искажены постоянным страданием и злостью, которые нашли отражение в глубоких морщинах.

Его лицо нервно подрагивает, когда он смотрит на меня с раздражением. Даже несмотря на морщины, это лицо принадлежит еще достаточно молодому мужчине лет сорока. Его светло-коричневые волосы коротко подстрижены, и используя немного воображения, я почти представляю его как нормального мужчину, одетого в черное пальто, успешного в карьере, и живущего в модной квартире на Манхэттене. Эта картинка помогает мне примириться с перспективой разговора с ним.

Поэтому после недолго молчания я решаюсь спросить его, чтобы только положить конец этому наминающему взгляду, которым он уставился на меня: “Кто вы?”

- Я тот, кто пытается остаться человеческим существом. - В его голосе было больше грусти, чем злости, и это позволило мне расслабиться и почувствовать себя более непринужденно. - Но, как вы видите, это нелегко, - добавил он с неприкрытой иронией. - Я ушел неподготовленным. Я шел на обед с очень важным бизнес-партнером, когда услышал поблизости sireны полицейской машины и несколько выстрелов. Я знаю, что умер, но до сих пор не представляю, было ли это от выстрела, или меня сбила мчащаяся на полной скорости машина.

Он очень странно рассказывал о своем прерванном обеде, будто все еще сожалел, что потерял такую хорошую возможность для бизнеса. Но я продолжаю слушать.

- Вы знаете, что я не могу вам рассказать, как пришел к пониманию того, что уже умер. Но даже если бы это и было мне позволено, я бы никогда не сделал этого сам, потому что страх и ужас, которые пришли после этого, слишком мучительны, чтобы их вспоминать. Я только могу вам сказать, что ничто из того, что я представлял себе за свою короткую жизнь о моей возможной смерти, не оказалось правдой. Я никогда не верил ни во что за пределами человеческой жизни, и находил достаточно нелепой перспективу тратить мое время и энергию на то, чтобы задумываться о такой абстрактной вещи, как смерть. Как смешно! Мне не были дарованы ни вечный сон, ни бесконечная тьма, ни мгновенное небытие.

- Мне пришлось пережить тысячи лет скитаний, поисков и сражений, и я не преувеличиваю – мне действительно казалось, что прошло так много времени. В конце концов я оказался здесь и застрял в этом месте боли и разложения – бесконечном конвейере в королевстве боли. Почему я здесь? Для чего? Я понятия не имею. Единственное, что я знаю, это то, что после всех тех лет моих смертных переживаний я вынужден отказаться от своей человеческой идентичности, и должен позволить частям моего тела пойти своей дорогой и страдать по отдельности. Но я не позволю этому случиться! Я буду бороться с этими ублюдками, и я выиграю! Вы меня слышите? Вы слышите меня, вы, тупое ничтожество, думающее, что являетесь центром всего?! Мне плевать на ваши намерения! Я любой ценой верну свое тело, и я выиграю, ты, неудачница!

Он истерично кричит, похоже в никуда, потому что в комнате ничего не меняется: все так же продолжает раздаваться механический шум, и никто и ничто не замечает его присутствия, кроме меня. Затем его лицо смягчается, губы начинают подрагивать, и слезы безысходности текут по его щекам. По иронии судьбы, у него даже нет рук, чтобы их вытереть.

Я чувствую, что почти плачу вместе с ним. Я не понимаю, почему этот человек проходит через такие страдания. Я протягиваю руку и вытираю его слезы, ощущая мягкую, прохладную кожу его впалых щек. Он тяжело вздыхает и успокаивается. Он благодарит меня легким покачиванием головы, все еще пытаюсь бороться со слезами. А потом я поворачиваюсь и вопрошаю пространство комнаты: “Почему? Почему ему приходится все это выносить?”

Но вместе того, чтобы прийти ко мне, ответ приходит к нему. Он может его слышать. В действительности он страстно прислушивается к этому ответу.

- Ты, Виктор, многого о себе не понимаешь. Ты никогда не воспринимал реальность своей души так же серьезно, как какой-то бизнес-ланч, о котором до сих пор переживаешь. Все, что происходило с тобой, - это всего лишь попытки добиться твоего внимания и помочь тебе наконец-то реализоваться. То, за что ты сражаешься, это не настоящий ты, а всего лишь образ, которые ты принимал за свое истинное Я. Не держись за него,пусти его. У тебя есть все для того, чтобы добиться правды сейчас, поэтому не навлекай на себя еще больше страданий. В этом нет твоей вины. Ты всего лишь продукт того времени, в котором родился.

- Ты был существом, не осознающим своего истинного Я и не имеющим реальной свободы; ты застрял между идеями и идеалами окружающих тебя людей, пытаюсь подстроиться под них и все дальше отдаляясь от себя и от СВОИХ целей. Именно поэтому ты никогда и не приобрел никаких инструментов, позволяющих что-то изменить, кроме раздражения и ненависти. Ты презирал насилие в своем родном городе, но так никогда ничего и не узнал о тех, кто его совершает. Ты устал и выдохся от бесконечного соперничества на работе, но не нашел никаких других способов борьбы, кроме как стать еще более злым и продолжать ранить себя и окружающих. Ты был невежественным, но это, в сущности, не было твоей виной.

- У тебя может быть другая судьба. Тебе просто нужно это увидеть и принять. Это сложно, потому что тебя учили всю твою жизнь, что быть мягким и испытывать сострадание равносильно тому, что ты неудачник – единственное, кем ты никогда не хотел быть. А теперь оглянись. Посмотри на эти человеческие останки. Попытайся представить, что с ними связаны не только человеческие судьбы, но и ошибки, страдания, боль, непрошеное. Попытайся почувствовать к ним сострадание. В тот момент, когда ты это прочувствуешь, ты забудешь свою иллюзорную битву.

Лицо Виктора смягчается, расслабляется. Слезы опять начинают течь по его щекам, но это уже другие слезы. Он на глазах превращается в мягкого, нежного человека. Голос продолжает говорить с ним.

- Иди за мной! Тебе удалось изменить свой взгляд на вещи, поэтому твои переживания также могут измениться. Иди за мной!

Очевидно, что Виктор видит своего проводника, который для меня остается всего лишь голосом. Это не голос Михаила, но у меня нет времени прислушиваться к нему, чтобы понять, кому он принадлежит. Виктор движется по воздуху к выходу из комнаты, а затем покидает её через тяжелую железную дверь, которая открывается при его приближении. Я следую за ним, пытаюсь не отставать по скорости от его легкого планирования в воздухе. Я иду быстро и без всякого сожаления покидаю самую грустную комнату, в которой когда-либо была в своей жизни.

Теперь мы стоим на берегу голубого озера. Оно небольшое, но через его чистую, кристальную воду не видно дна. Виктор опускает свое неполноценное тело рядом с озером. Его лицо выглядит одухотворенным, глубокие морщины почти исчезли.

Я слышу, как он тихо говорит: “Это был первый раз с момента моей смерти, когда меня назвали по имени”.

- Тебе было даровано освобождение, - продолжает говорить его проводник. - Это - озеро забвения. Это самая высокая степень освобождения, которая может быть дарована тебе в данный момент. Ты прошел долгий путь, чтобы добиться его. Но освобождение всегда было рядом, с того самого момента, когда машина того пьяного водителя сбила тебя. Все это было в твоей голове – твое упорное сопротивление и желание сражаться, заставляющее тебя переходить из одного пространства в другое, бесконечно ища победы в сражении, которое не кто-то другой, а ты сам вел с самим собой. Выпей этой воды и раствори в ней свои воспоминания. Верни все это назад и освободись. Это самое большое милосердие, которое может быть даровано тебе, так как ты никогда не пытался добиться чего-то большего и никогда так и постиг, как выйти за эти границы. Иди и сделай это. Прощай, Виктор!

Виктор улыбается по-доброму, и его губы произносят так долго сдерживаемое “спасибо”! Он опускает свое тело ближе к воде и наклоняет к ней лицо.

Затем он начинает пить воду жадными глотками. Кристальная жидкость проникает в его тело, мягко струясь внутрь. Она заполняет его, очищая все тело, растворяя его осязаемость, утончая очертания, делая его менее различимым, пока я не вижу только чистую голубую воду, которая все еще имеет форму очертаний его тела. Затем, одним чуть заметным движением этот контур будто ныряет в озеро и полностью сливается с его водами. И, будто по берегу пронеслось легкое дуновение ветерка, я слышу его последний вздох, а потом воды озера опять становятся неподвижными и гладкими.

Я стою там, пораженная этим чудом. Я чувствую такое притяжение к этому озеру, способному настолько красиво трансформировать страдания, что не могу удержаться от того, чтобы протянуть руку и с благодарностью дотронуться до его нежных вод.

- Не смей этого делать! - это абсолютно точно голос Михаила. Голос звучит почти зло. - Вам нельзя к нему прикасаться. Пожалуйста, не делайте этого! - говорит он уже более мягко, когда я отхожу от берега. - У вас осталось не так много времени. Поспешите, если хотите завершить свое дело”.

Глава 14

В следующий момент я стою перед железной дверью в каменной стене. Дверь по высоте ниже меня, поэтому, мне приходится пригнуться, чтобы войти, когда дверь неожиданно открывается. Она это делает со ржавым скрипом, показывая, что её не открывали многие годы.

- Привет! Как дела? - я не могу удержаться от этого приветствия, адресованного странному маленькому животному, находящемуся в комнате. Похоже, что оно давно ожидало моего прихода и устало и перевозбудилось от этого ожидания, хотя и выглядит готовым бежать впереди меня, показывая мне дорогу.

Животное представляет собой странное сочетание: частично – маленькая черная собака с длинным хвостом, а частично – неизвестное животное, чья голова венчает это странное существо. В пропорции к туловищу голова очень маленькая, и напоминает птичью голову с длинным клювом, который выглядит одновременно и мягким и твердым. Я не боюсь этого животного. Его добрые намерения проявляются в каждом движении.

Животное нетерпеливо, готово тронуться в путь, но в тот момент, когда я вхожу, чтобы следовать за ним, появляется неожиданное препятствие. Плоские железные пластины, покрывающие пол, неожиданно поднимаются вверх со свистящим и дробящим звуком. Появляются две огромные железные лошади – настолько большие, что почти полностью заполняют комнату. Их тонкие длинные шеи венчают очень маленькие головы с огромными железными клювами. Эти монстры отрываются от пола с невероятной скоростью, трансформируясь из плоских пластин в трехмерные тела, и с невероятной силой сходятся в

схватке, бодаясь друг с другом – от их ударяющихся клювов летят искры. В следующую секунду они так же быстро, как и поднялись, падают на пол, и продолжают лежать там – безжизненные куски железа.

Я сразу понимаю, что для меня не осталось возможности пройти через эту комнату. Я чувствую, что даже самое осторожное движение по соседству с этими лошадьми снова разбудит их, и они раздавят своими железными клювами все, что попытается пересечь их территорию. В доказательство моего предположения, эти гиганты опять вскакивают, растревоженные чуть заметным движением какого-то насекомого. На какое-то мгновение я теряюсь. Я знаю, что для меня нет пути назад, что я не могу вернуться той дорогой, которой пришла. В то же самое время я не вижу никакой возможности избежать железных клювов и пройти через комнату.

Я стою без движения, не зная, что делать, когда мое внимание привлекает прыгающее маленькое черное животное. Эти ничем не ограниченные прыжки не вызывают никакой реакции у спящих железных гигантов, и животное может свободно прыгать между их неподвижными клювами. Животное смотрит на меня своими умными глазами, которые, похоже, тоже подпрыгивают. Я начинаю понимать, что если позволю своему телу в точности скопировать манеру его движений, то тоже останусь незамеченной этими охранниками.

Я наблюдаю за крутящейся собачкой, пытаюсь постигнуть природу её движений. Потом я понимаю, что то, что позволяет ей оставаться невредимой в данной ситуации и то, что делает её движения такими особенными, – это их искренняя игривость. Животному просто все равно. Каждый его мускул посылает сигнал, говорящий о том, что ему не важно, что произойдет с его телом. Это существо ничего не боится, и об этом говорит его беззаботное, подвижное и нетерпеливое тело.

Я тоже легко поддаюсь нетерпению. Моя цель все еще далека, и для меня она важнее всего. Понимание этого помогает мне избавиться от страха и начать двигаться. Поначалу я пытаюсь идти подальше от лошадей, но собачий восторг от моих движений – полутанец-полумарш – подбадривает меня, и я начинаю двигаться более свободно, приближаясь к спящим железным фигурам почти незамеченной. Животное воспринимает это как игру и подталкивает меня все дальше в центр комнаты. Я не слышу, чтобы оно издавало какие-то звуки, но я уверена, что оно по-своему смеётся, и что эти смех и беззаботность передаются мне. В какой-то момент я забываю про железную угрозу и просто бегу за этим животным, которое специально меня подзуживает, которое бежит все быстрее и быстрее, уворачиваясь каждый раз, когда мои руки уже готовы его схватить.

А затем кошмарное столкновение за моей спиной заставляет меня замереть на месте, и, даже не поворачивая головы, я понимаю с чувством ужаса, что за моей спиной столкнулись лошади. Но я все же испытываю облегчение от мысли, что я вне пределов их досягаемости. Теперь я могу идти вперед и просто забыть о них, как о ночном кошмаре. Животное бежит впереди меня, и я следую за ним в следующую комнату.

Там я понимаю, что это место, где мне нужно сделать что-то очень важное, и сделать это быстро. Я чувствую, что время моего нахождения в этом месте ограничено, и мне нужно будет использовать его с умом, чтобы все закончить вовремя. Комната напоминает мне картинную галерею, которую я когда-то посетила в Санта Фе, в Новой Мексике, и хозяин которой разорился. Он бегал по магазину, а его картины и скульптуры расположились в беспорядке на полу и около стен. Он пытался спасти хоть что-то от хаоса, в который его вверг капризный туристический рынок. В этой комнате я не вижу хозяина. Старые тяжелые рамы – какие-то из них деревянные, какие-то из потемневшего металла – обрамляют картины и стоят прислоненными к стене; некоторые картины прислонены к другим таким образом, что я вижу только рамы, а не сами полотна.

Не думая, а просто следуя настойчивому чувству, которое подталкивает меня, я подхожу к картинам и начинаю разбирать рамы, при этом не глядя на сами полотна. Но мое периферическое зрение остро, как и всегда, когда я позволяю себе прислушаться к голосу

своей интуиции, и тогда я начинаю различать очертания лиц, и ко мне приходит осознание, что я пролистываю портреты.

Каким-то образом я знаю, что это трепетание в моих руках может вызвать только присутствие Лариного лица, все еще скрывающегося на одном из полотен. Я вытаскиваю серебряную раму. Она тяжелая от затейливых украшений, а сам холст местами порван. Я не смотрю на него и даже не испытываю желания сделать это. Каким-то образом мне очевидно, что я не должна смотреть на портрет, но я не переживаю по этом поводу. Я беру его в руки и пытаюсь решить, что делать дальше.

Я знаю, что ни за что не оставлю Ларин портрет среди этого бесконечного ряда лиц. Я отношу его как можно дальше от стены и ищу помощи. Рама слишком тяжелая, чтобы я могла её нести. Рядом со мной опять оказывается мое маленькое животное, и с помощью знаков заставляет меня посмотреть направо, где я вижу ослика. Он смотрит на меня своими большими, немного удивленными глазами, и ожидает, что я использую его как поддержку для транспортировки картины.

Я аккуратно пристраиваю раму на спине ослика и, поддерживая её, мы быстро покидаем комнату. Мы идем по открытому пространству в лес. Прогулка по этому лесу настолько освежает, что мне все равно, что она будет длинной, и что я даже не вижу за горизонтом нашей цели. Я пытаюсь понять важность нашего путешествия, потому что не могу не заметить, что воздух в лесу совсем другой – это необычная комбинация окружающих нас звуков, которую я не могу соотнести ни с какими лесными звуками, слышимыми ранее. Свет здесь тоже особенный – он просачивается сквозь деревья так, как я раньше не видела ни в одном лесу. Я пытаюсь понять, что же такого особенного в этой дороге, и почему я ощущаю, что для меня настолько важно пройти по ней.

Я опять очень остро ощущаю присутствие Михаила, будто он идет рядом со мной. Я чувствую, что нахожусь в особенном потоке своего сновидения, где я не могу его видеть, но он может не только видеть меня, но и знать обо всем, что со мной происходит.

Потом я слышу, как он говорит: “Это не просто лес, через который вы идете. Это земля развития. Она может казаться лесом одному человеку, но для другого будет представлена в виде реки или могучего, бесконечного океана. Форма, которую она принимает, субъективна. Как я вам уже говорил, форма не имеет значения. Все, что индивидуальное сознание готово принять, таким эти территория эволюции и представляется”.

- Важность этого перехода проистекает из его роли в качестве моста между разными “комнатами” и “коридорами”, где происходит работа над конкретными качествами человеческой природы. Существует бесконечное множество таких комнат, где то или иное качество предстает перед индивидуальным сознанием для проверки связи с ним. Если часть человеческой памяти была чересчур переполнена этими качествами и не была интегрирована с остальным сознанием, то существует очень высокий шанс, что в одной из комнат индивид проиграет демонам памяти свое индивидуальное сознание, свое Я, и тогда эволюция и освобождение такого индивида будет отложена на долгое время.

Такие переходы, как этот лес, обладают огромным преимуществом. Они являются туннелями, соединяющими различные измерения, и в этом качестве они обладают самым высоким потенциалом для освобождения усопших от бесконечных скитаний и помогают им вступить на следующую ступень загробной жизни. Но сделать это достаточно сложно, потому что страх смерти – это самый базовый страх, в который сливаются все другие страхи, так же как и кусочки пазла сливаются в стройную картину, после того, как их верно собрали. Любой страх, отличный от страха смерти, каким бы гигантским и всеобъемлющим он не был в момент переживания, всегда частичен, ведь это всего лишь кусочек пазла. Он всегда указывает на наличие некой границы, некоего перекрестка. Люди испытывают страх каждый раз, когда достигают демаркационной линии между разными состояниями, и страх является базовой реакцией на возможность изменения состояния. Страх смерти – это всегда самый

последний страх. Он завладевает вами не с помощью ожидания смерти, а засасывает в саму смерть.

- Лара была очень смелой, но когда она находилась в агонии, то оказалась не готова к этому первичному, базовому страху. Чем больше у человека таких пробелов, заполненных страхом, тем сложнее ему достигнуть освобождения в загробной жизни. Вы уже поняли, что первым пробелом, который породил ваши с Ларой отношения и руководил вашими действиями в прошлом, было утверждение, что “хороших женщин не насилуют”. Это был самый первый ваш пробел, впрочем как и её тоже, и он продолжал отравлять её память. Теперь пришло время узнать о втором пробеле.

- Вы верите в то, что самоубийство это грех, и поэтому уже является грехом вспоминать человека, который убил себя. Именно поэтому вы и пытались вытолкать её из своей памяти. Но глубоко в вашем сердце вы знали, что это убеждение не дает вам оплакать её так, как вам бы хотелось. Отпустите от себя это убеждение; осознайте его и отпустите, потому что вам нужно познать кое-то другое. Самоубийство, так как его понимает ваш ум, - это всего лишь понятие. Самоубийство – это страдание. Не осуждайте его; помогите трансформировать ту боль, которую оно после себя оставило. Поэтому отпустите свои собственные пробелы, чтобы быть готовой услышать то, что я собираюсь вам сказать.

- Мне нужно будет рассказать вам о жертвенности. Настоящая жертвенность требует осознания подходящего для неё времени. Это очень важно, поэтому, пожалуйста, используйте все ваше внимание для того, чтобы понять это. Подходящее время неразрывно связано с пониманием того, что смерть уже наступила. Никто и никогда не избежит момента осмысления, что смерть уже пришла. Вы знаете, это осмысление придет и к вам. Поэтому я советую вам быть сейчас очень внимательной, чтобы постигнуть то, что сможет вам помочь в будущем.

Как только человек понимает, что он смотрит в лицо смерти, у него есть время осуществить последнее жертвоприношение и полностью освободить себя от всех страхов. Он должен отказаться от всего, что в нем есть, от своей прошлой жизни, от каждого воспоминания, которое в противном случае было бы для него самым драгоценным в этот самый решающий момент – отказаться от всего этого в пользу своего настоящего Я, той божественной сущности, которая всегда существовала в его сердце, и которая сейчас готова принять это последнее подношение.

Человек должен объединить воедино свою индивидуальность, свои привычки, страхи, грусть, желание повернуть время вспять и вернуть ускользающий мир, и вручить все, что он помнит о себе, в качестве подарка той милосердной и любящей силе, сконцентрированной в его сердце. И Великая Мать, которая всегда живет в его сердце, потому что ОНА дала ему жизнь, заполнит его СВОЕЙ любовью, и он будет спасен от страха оказаться в вечном царстве смерти. Она продлит его жизнь на вечные времена, если он запомнит её лик и попросит её спасти его. Лара не успела все это завершить, но у неё все еще есть шанс, чтобы сделать это.

- У вас осталось лишь пару часов. Помните, ваш путь налагает на вас ответственность. Поэтому оставайтесь спокойной и продолжайте двигаться.

Я продолжаю идти и вскоре вижу границу леса, и моему взору предстает вершина высокой горы. Мы – собачка, ослик и я – подходим к горе, и меня удивляет множество грузовиков, едущих по горным дорогам, будто они что-то вывозят из недр горы. Видение этих грузовиков настолько меня поражает, что я стою какое-то время уставившись на них, вместо того, чтобы двигаться дальше.

В конце концов я следую за маленьким животным и послушным осликом, несущим портрет Лары. Гора без деревьев, её покрывают древние белые камни. Она настолько высокая и крутая, что мне сложно увидеть её вершину. Я освобождаю ослика от его ноши и, не глядя на холст, ставлю портрет рядом с одним из белых камней. Ослик исчезает без следа. Маленькое черное животное все еще крутится у моих ног, но я чувствую, что оно не

останется со мной надолго. Когда его глаза говорят мне “до свидания”, я знаю, что он уйдет не навсегда, и что я увижу его когда-нибудь в будущем. Теперь я осталась одна.

Я слышу шум, будто на вершине горы формируется лавина. С горы быстро спускается поток искрящегося света. Как только этот поток света касается того места, где стоит портрет, я понимаю, что мне остается только ждать, быть терпеливой и ни во что не вмешиваться. Свет окутывает раму портрета и затем замерзает вокруг неё ледяной коркой, образуя вокруг портрета хрустальный щит. Через несколько секунд шум прекращается, и все опять выглядит “нормальным”, а ледяная корка вокруг портрета – это чудесное зеркало, отражающее свет.

Металлическая рама, закованная в лед, теперь выглядит еще больше по размеру. Неожиданно два камня над портретом расходятся, освобождая путь еще более массивному камню, который проступает в пространстве между ними. Это лицо пожилого мужчины. Его глаза прикрыты серыми веками. Его неподвижное лицо отражает мудрость и сосредоточенность. Лицо располагается прямо над рамой. Кусочки льда начинают трескаться. Лед отлетает щепками, будто ломаемый какой-то сильной рукой. Лицо постепенно размывается, два камня опять сходятся вместе, а затем лицо полностью исчезает. То, что имело форму прямоугольной металлической рамы, сейчас трансформировалось во что-то более овальной формы. Большинство рамы теперь размылось. Затем все повторяется снова. Камни отодвигаются, позволяя проявиться лицу. Оно направляет свой взгляд на заледеневшую раму, еще больше кусков льда откалываются. Теперь форма все больше напоминает человека. Все это повторяется пять раз.

Затем каменные ворота закрываются, скрывая лицо внутри горы. Передо мной стоит стройная молодая женщина. её тело все еще покрыто тонким слоем сверкающего льда, но он настолько прозрачен, что я отчетливо вижу детали её длинного белого платья, волны её черных волос зачесаны назад ото лба, её тонкие запястья и её белые руки скрещены на груди. Я не смотрю на её лицо. Мне приходится отворачиваться, потому что я знаю, что не должна смотреть на неё. Ни под каким предлогом я не должна встречаться с ней взглядом или разговаривать с ней. Мне сложно отворачиваться от неё, потому что её присутствие ощущается невероятно сильно.

Я заставляю себя не вспоминать даже её имя, и приказываю себе стоять отвернувшись от неё. В то же время я везде чувствую её присутствие. В следующее мгновение я вижу её лицо, но её образ приходит ко мне из моей памяти, из одного из тех странных уголков сознания, где можно обнаружить все, что угодно. Она – девушка-подросток в белой шубке - стоит, прислонившись к иве. Она смотрит на небо и глотает горькие слезы.

Они обильно текут из её широко открытых глаз и сбегает по её щекам, превращая её лицо в фарфоровую маску, покрытую тонким, сверкающим льдом. Это Лара. Она стоит в нашем зимнем школьном дворе. Я помню, что она любила кататься на лыжах, что она была лучшей в школе, всегда занимая первое место, какую бы дистанцию не бежала. Для неё это так просто, будто к лыжам были приделаны невидимые крылья, и она знала, как заставить их летать. В тот день она готовилась стать победителем. Как и все другие ученики, она взяла лыжи со школьно склада, и, надев лыжные ботинки, вышла на мороз. Было холодное, солнечное утро. Учитель объявил дистанцию, которую мы должны были проехать, и попросил всех подготовиться и занять место на лыжном треке. Она первая надела лыжи и легко отъехала к снежной горке – не слишком высокой, но все же довольно хорошей, чтобы доставить удовольствие от спуска. Она встала на вершине горки, и, оттолкнувшись палками от земли, покатила.

Я не видела, как она упала. Когда я повернула голову в сторону горки, то она уже была на земле, её белая пушистая шубка смешалась со снегом, так что с первого взгляда было сложно их различить. её голубая вязаная шапочка слетела с головы, а распущенные черные волосы покрылись снегом. Кусок сломанной лыжи торчал из земли, а другая лыжа слетела с её ноги и лежала в стороне в нескольких метрах.

Я заметила одного из самых противных мальчишек нашего класса (того, кто в дальнейшем во взрослой жизни загремел в тюрьму за изнасилование), кривляющимся перед Ларой и насмехающимся над её слезами. Я видела, как она поднялась, прислонилась к иве и посмотрела на небо мокрыми от слез глазами, пытаясь уклониться от издевательств. Плакала ли она от боли? Или её слезы были от обиды, что она потеряла шанс выиграть главное соревнование года, потому что у учителя уже не было времени дать ей другие лыжи, и он пробормотал что-то о том, что она все равно получит свою хорошую оценку за полугодие? Или же это был тот мальчишка, который кривлялся перед ней и дразнился?

Я не знаю, почему она плакала. Мне так хотелось подойти к ней и сказать ей что-то доброе и подбадривающее, но в тот момент, когда я уже собиралась сделать шаг по направлению к Ларе, еще одна из моих подружек, Рита, подбежала ко мне, будто почувствовала мое намерение, и отвела меня в другую сторону.

Наверное, Рита была одной из тех людей, которые по какой-то причине не любили Лару. Сама Рита была очень привлекательно девочкой со смуглой кожей, черными как вороново крыло прямыми волосами и большими, хорошо накрашенными глазами. Энергичная и насмешливая – она была намного более популярна в старших классах, нежели Лара. Она всегда пыталась встать между мной и Ларой. “О боже, она такая неженка!” – сказала Рита. – “Знаешь, как легко для меня заставить её плакать? Ты и сама знаешь. Я понятия не имею, как она будет справляться с этим, когда мы закончим школу. Абсолютно парниковое растение – она создала в классе какую-то неестественную атмосферу, и все это принимают. Что она будет делать, когда мы каждый пойдем своей дорогой? её съедят живьем, и я думаю, что она этого заслуживает, потому что она всегда сама по себе, вместо того, чтобы приспособливаться к другим людям. И ты знаешь, она просто не может нравиться – она слишком высокомерная. Я понятия не имею, почему ты так хорошо к ней относишься”. – В тот день Рита увела меня от Лары, и с другой стороны поля я видела Ларину фигурку, стоящую у ивы с поднятой к небу головой.

Теперь я опять вижу эту сцену. Я знаю, что могу подойти ближе к ней, посмотреть на неё и поговорить с ней, потому что это её образ из моих воспоминаний, и я могу себе позволить поговорить с воспоминанием. И иду к Ларе через поле, замечая краем глаза, как исчезает Ритино удивленное лицо. Я поднимаю с земли Ларину голубую шапку, стряхивая с неё снег. Я вижу, как с каждым моим шагом замедляются движения того противного мальчишки, будто даже не видя меня, он все равно чувствует мое приближение. Я подхожу ближе к ним и кладу руку на плечо мальчишки. Я знаю, что он хорошо помнит мой гнев.

Однажды он попытался высмеять меня перед моими друзьями, проверяя границы того, как далеко сможет зайти в будущем. Наверное, он до сих пор помнит мое лицо, когда я подошла к нему и толкнула его к стене школьного коридора. Он продолжал смеяться, наблюдая за своими друзьями, стоящими за моей спиной, предвкушая хорошее веселье после всего этого. Я помню чувство дикой злобы, затопившей меня, когда я толкнула его к стене, тот момент, когда мои длинные, ярко-красные ногти схватили его тонкую шею и проткнули его кожу. Его глаза расширились и наполнились ужасом, когда он понял, что не мог ни говорить, ни дышать.

Я помню, как мои друзья пытались оторвать меня от него, но я продолжала сжимать его шею до тех пор, пока не почувствовала, что оставила на нем отметину, которая останется навсегда, и больше он никогда ко мне не подойдет. Затем я разжала свои пальцы, а он продолжал смотреть на меня в ужасе. Когда я повернулась, чтобы уйти, то услышала, как он сказала своим друзьям: “Она сумасшедшая. Оставьте её в покое”.

Мне нужно было всего лишь повернуться и посмотреть на него, чтобы он заискивающе сказал “извини” и опустил глаза. Больше он никогда не приставал ко мне.

Теперь он поворачивается ко мне, как только я касаюсь его плеча, и его глаза наполняются тем же самым ужасом, который я видела в том школьном коридоре. Я вижу шрамы на его коже, которые давным-давно оставили мои пальцы, и в ту же секунду я понимаю, что обладаю властью над ним. Его лицо съеживается в извиняющуюся гримасу; он

пытает убежать, исчезнуть, но я чувствую, как мой взгляд приковывает его к месту, как его энергия принадлежит мне. Он мягко говорит “извини” тем же самым голосом, которым сказал это же слово в прошлом.

Я смотрю прямо в его светло-голубые глаза, в которых плещется страх. Я чувствую этот страх как прямой канал, через который моя воля поработает его волю, и он становится восприимчивым к любым изменениям, которые я захочу в нем произвести. Его глаза смотрят на меня не мигая, в то время, как страх пробегает по его телу, сотрясая его. Через какое-то время я замечаю, как изменяются его глаза, а его тело полностью трансформируется из тела человека в тело волка. В его волчьих глазах уже нет страха, только преданность и послушание. Я знаю, что с этого момента он готов мне служить. Только тогда я отпускаю его.

Я протягиваю голубую шапку Ларе и говорю: “Лариса, пожалуйста, не плачь!”

Она с удивлением поднимает на меня свои большие глаза и продолжает стоять неподвижно. Через какое-то время слезы исчезают с её лица. - Тебе нет нужды выигрывать этот забег. Даже без него ты самая лучшая лыжница. Это правда! - Она нежно улыбается и несколько раз утвердительно качает головой. Я вижу, как меняется её лицо, и выражение отчаяния на её лице исчезает.

её глаза проясняются, и она улыбается, снова и снова качая головой, будто она готова согласиться со всем, что я говорю. Я чувствую, что то, что происходит сейчас, полностью меняет мои воспоминания о ней.

Я чувствую Ларино присутствие, наполненное её горем, скорбью, её верой в самопожертвование, её надеждой и любовью. Воспоминания выжигают её имя, показывая всё и всех в её сознании. Я знаю, что женщина в белом платье, освобожденная ото льда, сливается в одно с девочкой-подростком из школьного двора. Я чувствую, как с каждым новым воспоминанием её горе и боль становятся острее, так же как и её любовь и надежда.

Затем я слышу слова, обращенные к ней. Это полный решимости голос, который говорит ей: “Двери твоего прошлого дома были скрыты от тебя чужими руками. Застежки на твоей одежде были застегнуты изнутри, поэтому ты не могла их расстегнуть. И собрался ветер и решил уничтожить то, что было посажено в землю. В чем же теперь твоя проблема? Страх, аккуратно маскирующий себя в твоём роду, делал свое дело. Выплесни его теперь в ведро, где останется все чуждое.

- Это твое прошлое, которое становится настоящим незнакомца. Ты снова знаешь свое имя, и теперь твое имя принимает форму птицы. Восстанови свою речь и оставь молчание своей прошлой форме. Ты все еще знаешь, что значит быть в темноте. Ты все еще несешь тяжесть, которая была сброшена давным-давно. И снова и снова ты пытаешься умереть, переходя из вчера в завтра. Ты сможешь улететь в другое пространство, когда вчера и завтра умрут для тебя, и когда тяжесть и ожидания умрут для тебя. Как только они исчезнут, то солнце поднимет тебя выше и выше. Еще дальше и в менее опасном окружении тебя будет ожидать дверь, за которой прячется голодная вторая смерть, подстерегая тебя. Ври ей, отдай ей свои одежды, швырни ей в лицо свои кольца и браслеты вместе со своими самыми милыми сердцу желаниями; откажись от них и откажись от своей смерти, потому что старый мир умер.

Лара поворачивается и сильно отталкивается лыжными палками от снега, а её лыжи быстро уносят её навстречу белому, освещенному солнечным светом пространству, которое открылось для неё. Она так хорошо катается на лыжах! Это её самый лучший забег, и на её пути нет ничего, что бы остановило её или причинило ей боль. Она направляется прямо к огромному солнечному диску, который мягко окутывает её своими лучами. Я знаю, что моя миссия завершена. Я знаю, что теперь Лара в месте, из которого она сможет свободно передвигаться, и ничто не остановит её. Я вижу освещенный солнцем горизонт, и остро ощущаю, что там есть место и для меня тоже. Я ощущаю его присутствие настолько ярко, будто уже испытала его в те редкие моменты детства, когда кажется, что мир сделан из света, и в этом мире нет страха.

Увиденное переполняет мое сердце и заставляет его вибрировать, а рука Михаила опять мягко сдвигается с моего плеча, и я вижу лицо Бога Времени, смотрящего мне прямо в сердце, так же, как я видела его в шатре в Афрасиабе пару дней назад.

Языки пламени вздрагивают посреди очага, и доброе лицо Сулемы, так напоминающее мне лицо моей бабушки, теперь чуть перемещается на другую сторону от огня. Я понимаю, что огонь и солнце являются продолжением моего сердца, и что это истинная территория Бога Времени. Это её территория. Здесь, внутри солнца, живет Великая Мать, и это её любовь объединяет все разрозненные воспоминания. У неё есть сила, чтобы все простить, потому что это она дала жизнь всему вокруг. Она заполняет все окружающее пространство своим принятием, и она не позволяет страху или вине существовать на своей территории. Она стирает страх и вину в качестве отдельных воспоминаний, которые воспроизводят боль, и она снова делает жизнь полной. Весь мир принадлежит ей, как и раньше, и жизнь продолжается по её воле.

В первый раз я понимаю, что Бог – это не ментальная конструкция, а живое, сильное и вибрирующее существо, и мы все принадлежим Ей. Ко мне приходит это понимание. Я знаю, что Лара нашла свою дорогу к Матери, когда её удаляющаяся фигура сливается с солнечным диском, и он полностью принимает её, а мои воспоминания о Ларе исцеляются и становятся завершёнными.

Другие ментальные зажимы, связанные с этими воспоминаниями, развязываются, и я вижу Варвару – девушку из больницы – с её красноватыми глазами и обезоруживающей улыбкой, несмело подходящую к огню в центре садика Сулемы. Варвару достигает тепло огня, и она наконец-то возвращается к истинной себе, к той маленькой девочке, которую незаслуженно ранили, и кто беззвучно плачет до заката солнца за высоким зеленым кустом в дворике за домом.

Огонь Солнца касается шрамов на Варвариних запястьях и разглаживает их так же, как разглаживает её грубость и тревогу. Наконец-то она чувствует себя настолько безусловно защищенной, что позволяет себе снова стать доброй. Затем я вспоминаю Машу, и она будто появляется прямо передо мной, полная изумления, открытая, но все еще сомневающаяся в себе. Эти воспоминания накатывают на меня почти одновременно, и перемена, которую этот опыт вызывает во мне, подталкивает меня к пониманию самого главного пробела в моей памяти, который я все еще несу в себе. Это пробел, который несет в себе каждый человек нашего времени. Этот самый большой пробел в нашей памяти порождает самый большой страх – страх, что мы забыли лицо Матери, что мы забыли Её имя.

Это понимание наполняет мое сознание, и все болезненное в нем становится защищенным и преображенным. Сладкое чувство затопляет мое сердце благодарностью, и я хочу отдать все эти воспоминания Ей, Великой Матери, которая всегда любит и всегда прощает.

Я испытываю такую благодарность к Михаилу за то, что он помог мне все это испытать. Мысли о нем переносят мое внимание на огонь. По другую сторону огня я вижу внимательное лицо Сулемы. В тот момент, когда мои глаза встречаются с её глазами, она поднимается и идет ко мне, неся чашку с водой. Я пью холодную воду. Она фиксирует мое внимание на настоящем моменте, и я полностью возвращаюсь к полному самоосознанию, сидя на земле на заднем дворике, неся глубоко в памяти все исцеляющие трансформации, которые открылись мне благодаря силе огня.

Каким-то образом, даже не глядя, я знаю, что Михаил ушел, и я больше его не увижу. Я не испытываю грусти, потому что понимаю, что так и должно было случиться. Он лучше знает, а я доверяю ему. Я ничего не говорю Сулеме, а просто качаю головой с благодарностью. Я все еще чувствую сухость и горечь во рту, а мое тело очень расслаблено. Она снимает со своего запястья четки Михаила и вешает мне их на шею. Бусинки такие легкие и теплые на ощупь, будто впитали в себя тепло Солнца.

Я оглядываюсь по сторонам и вижу траву. Я вдыхаю её свежесть. Я слышу шелест кустов. Все мои чувства обострены и объективны – такие, какими я их помню в детстве.

Между мной и жизнью не существует никаких границ. Мне не нужно ничего доказывать, и не надо ничего бояться. Мне просто нужно быть и принадлежать.

Сулема поднимает с земли чашки. Мы встряхиваем одеяло и уносим его внутрь дома. Сулема молчит, и единственное, что она говорит мне перед тем, как мы покидает дом: “Он вернулся на свой остров, где он живет большую часть времени. По крайней мере, я так думаю. Он ничего мне не сказал. Или он пошел в горы, чтобы встретиться со своим цыганским дедушкой. В любом случае, я буду ждать, когда он вернется”.

После этого она ведет меня на базар той же дорогой, которой мы пришли, когда я этим утром встретила её и Михаила.

Глава 15

Когда мы возвращаемся на базар, то Сулема обнимает меня, как сделала бы это моя бабушка. Потом она уходит, сказав, что ей нужно купить овощи, а так как цены в конце дня значительно снижались, то ей нужно было спешить.

Я стояла там, не двигаясь, посреди базарной площади, рядом с мечетью Биби Ханум. Цвета, человеческие голоса, смех, препирательства, запах масла, горящего на старинных открытых очагах, и смешанного с ароматом бесчисленных трав, прибывших на самаркандский базар со всего мира – все это было сильнейшим магнитом, притягивающим меня и стимулирующим мое новообретенное сознание. Я опять подумала, как мудра была Сулема, приведя меня на базар перед тем, как отправить назад в гостиницу.

Я услышала, как рядом играет тамбурин и увидела, как большой павлин гордо вышагивает по земле, рядом с группой мужчин, которые торговались за него. Птица почти что танцевала под звуки тамбурина, будто готовя себя к тому, чтобы стать украшением чьего-то тайного дворца.

Один из мужчин, стоящих вокруг павлина, отошел от группы и пошел по направлению ко мне, уверенно улыбаясь. Он выглядел как узбек среднего возраста, с короткими темными волосами, в темных брюках, и в шелковой рубашке, расстегнутой сверху. Только после того, как он сделал по направлению ко мне несколько шагов, я поняла, что это Владимир.

Я думала, что захочу задать ему так много вопросов о своих первых днях в Узбекистане, когда все еще надеялась увидеться с ним. Теперь я просто была рада увидеть его, и у меня не было вопросов, которые я бы хотела ему задать.

Он тепло меня приветствовал, а потом попросил вернуть ему его четки, потому что для меня пришло время уезжать, а четки должны были остаться в Самарканде. Я прикоснулась к теплым бусинам и задержала их на какой-то момент в руке, перед тем, как отдать их Владимиру, который намотал четки вокруг своего правого запястья.

Он проводил меня до гостиницы и рассказал мне, что он только что вернулся из Новосибирска. Он также сказал, что Виктор и Фил возможно прилетят в Самарканд в следующем месяце. Он также поведал мне, что Маша не смогла приехать, по крайней мере в этот раз, потому что пережила серьезный нервный срыв.

- её пришлось положить в больницу. Я не знаю подробностей, за исключением того, что она попросила, чтобы её привезли в вашу больницу и чтобы её лечили именно вы. Так что она вас ждет. Когда вернетесь домой, лечите её хорошо.

- Я так и сделаю! - я знала, что именно так и будет.

После рассказа о последних новостях он какое-то время шел молча, а потом сказал: “Вы знаете, Ольга, рано или поздно вы зададите себе самой вопрос. Тот же самый вопрос, который ваша западная культура несет в себе на протяжении столетий. Было ли все это по-настоящему или нет? Было ли все это объективно или субъективно? Позвольте мне рассказать вам, что мы думаем по поводу этого вопроса здесь. Считайте это окончанием моей лекции, которую я не завершил”.

Он улыбался и разговаривал, пока мы шли от базара до гостиницы. Он говорил лекторским тоном, но меня это не раздражало, потому что я чувствовала, что единственной его целью было передать мне знание. Я уже воспринимала его как человека, обладающего огромным знанием, и мне было интересно, что он мог мне рассказать.

- Единственная реальная разница между “субъективным” и объективным” опытом определяется точкой зрения. Для обычных людей до сих пор существует огромная разница между внутренними и внешними переживаниями, и они имеют привычку рассматривать только внешние события как “объективные”. Так происходит потому, что внимание таких людей не приучено фокусироваться на внутренней реальности, включая сновидения.

- Ребенок развивает только те модели внимания, которые поддерживаются большинством. Люди в течение своей жизни учатся соединять фокус своего внимания с фокусом внимания других людей, чтобы видеть реальность так же, как и все. Когда они ночью ложатся спать и переходят в состояние сна, то остаются наедине с самими собой. И если их специально не учили, то их внимание в состоянии сна достаточно слабо. Их переживания менее осязаемые, потому что на их генерацию тратится меньше внимания. Они называют эти переживания субъективными и нереальными.

- Если бы только вам сказали, что другие люди видели те же картинки, и переживали ту же реальность, что и вы, то вы бы вздохнули с облегчением и начали рассматривать ваши собственные переживания как более объективные. Требуется очень много усилий, чтобы осознать, что значительность нашей реальности и переживаний не зависит от поддержки других людей, но связано со способностью этих переживаний затронуть и активировать глубочайшие модели трансформации, которые в вас есть.

- Вы можете сделать свои внутренние переживания, начиная с ваших сновидений, “объективными”, просто фокусируя на них все ваше внимание, и этим самым освобождая себя от навязанных коллективных шаблонов и интерпретаций.

- Я знаю, что вы понимаете, что я вам говорю, не только на интеллектуальном, но и на более глубоком уровне, где вы всегда можете почувствовать и распознать правду. С помощью усилий многих поколений людей Самарканд аккумулировал огромный пласт знаний и опыта в области осознания реальности сновидений. Это делает все то, что вы здесь пережили, реальным и объективным. Теперь вы тоже стали частью работы, которая осуществлялась здесь на протяжении столетий, и теперь вашей задачей будет раскрыть суть этой работы для как можно большего числа людей по всему миру. Я знаю, что вы обладаете всеми нужными качествами, чтобы преуспеть в этом. Вы прочно обосновались в обеих реальностях. Вы и раньше уже прошли через значительный опыт в этой сфере, и у вас есть уважение к традиции.

- К тому же, в будущем вас ждет много важных задач, но ваш успех в них по большей части будет зависеть от вашей способности пересказать то, что вы познали здесь, в Самарканде, другим людям, которым нужно будет об этом узнать. Вашим самым главным препятствием могут быть ваши сомнения. Помните, что я вам говорил, и не позволяйте духам травмы отравлять вас их сомнениями, и не переиначивайте свои воспоминания о том, что произошло с вами здесь.

- Мы – сновидящие целители. Связь между различными целителями, работающими посредством сновидений по всему миру, должна быть восстановлена. Сновидящие целители существуют не только в Узбекистане, но и в других местах на Земле. По большей части они связаны через сновидящее племя, которое бродит по отдаленным землям, между прошлым и будущим, между общепринятой реальностью и территорией за её пределами. Я знаю, что вы встречались с некоторыми людьми из этого сновидящего племени, которое называют “лиули” – центрально-азиатские цыгане.

Его последняя фраза заставила меня замереть. Я посмотрела на него и разрозненные кусочки сложились в стройную картину.

- Так вы знаете Михаила, ведь так?

Он смотрит на меня молча и тепло улыбается. Его улыбка напоминает мне о нашей первой встрече в Новосибирске. - Конечно, я его знаю. А вы что думали? Это же я вас сюда пригласил.

Его улыбка настолько обезоруживающая и все объясняющая, что у меня отпадают все вопросы, потому что через его улыбку я понимаю все, что мне нужно знать. Единственный вопрос, который у меня остался, это вопрос о Михаиле.

- Владимир, как вы думаете, я еще увижу Михаила?

- Михаил – очень особенный человек. У него необычная жизнь. Его невозможно предсказать. Он живет свою жизнь не так, как большинство людей. Но он также живет и внутри снов. Он – мастер осознанных сновидений. И там, внутри ваших снов, вы всегда можете его встретить тогда, когда вам это будет нужно. - После этих слов Владимир добавил со смехом: “И даже если вы об этом не спросили, то да, вы еще увидите меня. Через пару месяцев я вернусь в Новосибирск. Мне нравятся люди в вашем городе”.

Через пару часов водитель такси вез меня в аэропорт. Когда мы проезжали мимо Афрасиаба с протянувшимися цепочкой мечетями Шахи-Зинда, водитель повернулся ко мне и сказал: “Мы называет это место “Местом Живого Царя”. Я могу вам рассказать, почему он все еще жив. Или вы уже знаете?”

- Спасибо. Я знаю.

Глава 16

В один из дней, когда я была в Самарканде с Михаилом, Маша была готова повернуть ключ в двери своей квартиры в Новосибирске, когда услышала громкие крики, и звук, будто кого-то били, привлек её внимание. Она спустилась на пару ступенек вниз и увидела группу мужчин, одетых в черное, которые окружили молодого человека на пороге его квартиры. Этот человек долгое время был Машиным соседом. Она его достаточно хорошо знала, хотя их знакомство никогда не шло дальше соседского “привет!”. Он был худощавым, невысокого роста, и никогда не смотрел собеседнику в глаза, будто чего-то боялся. Даже сейчас, когда он пытался сопротивляться паре хорошо сложенных мужчин, один из которых уже застегивал наручники на его запястья, его попытки сопротивления были такими нервными и слабыми, что он выглядел жалко.

- Что вы делаете? - закричала Маша, даже не подумав о последствиях своего вмешательства. Мужчины в черных гражданских костюмах могли быть членами банды, но Машу не волновала её безопасность. Просто ей казалось, что она должна была встать на защиту своего соседа.

- Все в порядке, расслабьтесь! - сказал Маше самый старший человек в группе, пока его напарники толкали соседа в сторону лестницы, а он продолжал сопротивляться.

- Мы – группа специального реагирования. Все это законно. Не беспокойтесь. И радуйтесь, что эта сволочь больше не будет жить в вашем доме, так что вы можете спать спокойно.

- Что он сделал? - Маша почти прошептала этот вопрос, потому что все внутри неё трепетала от страха, ожидая ответа.

Но мужчина услышал её, и перед тем как спуститься со своей группой вниз, к черным машинам, он подождал и, глядя Маше прямо в глаза, сказал: “Наконец-то все закончилось. Он был последним из тройки, которая терроризировала этот город. Вы, наверное, слышали жуткие истории о пропавших в городе женщинах. Все об этом знают. Эти ублюдки похищали девочек, держали их взаперти в доме за городом, насиловали и мучили их, а потом убивали. Одна из девушек притворилась мертвой, и они похоронили её в лесу. Но она была жива и смогла спастись. Она и привела нас к группе. Хотите верьте, хотите нет, но он студент-медик. Теперь он может начинать молиться своему богу, чтобы заработать высшую меру. Он и не

догадывается о том, что ждет его в тюрьме, если ему даруют жизнь. Но все уже закончилось. Можешь спать спокойно, сестра”.

Человек ушел, но с того самого момента Маша больше не могла спать. В тот же день она опять начала сильно пить, и пробыла в запое четыре дня, все еще страдая от бессонницы, когда её бабушка нашла Машу в её квартире. Маша бегала по квартире, которую разгромила в этот раз больше, чем раньше. Все это время она не ела, не спала, и не отвечала на телефонные звонки. Она была настолько возбуждена, что с ней невозможно было разговаривать. Она ходила кругами, игнорируя свою бабушку, которая сразу вызвала скорую. Единственной фразой, которую повторяла Маша, чередуя шепот с криками, была: “Он жил в моем доме”. Эта фраза ни для кого не имела смысла, и Машу забрали в больницу с предварительным диагнозом “алкогольный психоз”.

В первый же день, когда я вернулась на работу, я прочитала часть этой истории в Машиной истории болезни. Остальное я узнала от самой Маши позже. Я читала записи, сидя в своем кабинете, пока Маша сидела передо мной на стуле – на том же самом месте, где она сидела в нашу первую встречу. Она отказалась разговаривать с кем бы то ни было в больнице и также отказалась принимать посетителей, включая Смирнова, который, как я узнала от персонала, пытался навещать её каждый день. Маша без проблем принимала прописанные ей медикаменты и выглядела сонной. Она была очень спокойной – спокойной как камень. её лицо без косметики выглядело очень молодым и бледным.

Она на меня не смотрела, но у меня было чувство, что её психологическое состояние не отразилось на нашей с ней связи. Я все еще чувствовала, что сильно с ней связана, и сейчас эта связь ощущалась даже сильнее.

- Маша, наверное, ты сейчас слишком устала, чтобы разговаривать. Я думаю, что будет лучше, если я сначала расскажу тебе, что произошло со мной в Самарканде, так как у тебя не получилось поехать. Возможно, тебе будет полезно это услышать. Тебе интересно?

Она посмотрела на меня в первый раз и сказала тихим голосом: “Конечно, мне интересно! У меня реально не было возможности поехать с вами”.

Я увидела облегчение на её лице, когда она поняла, что я не сержусь на неё за то, что она не поехала в Самарканд. Сквозь это облегчение я также увидела, как много вины и стыда она все еще несла в себе.

- Маша, перед тем, как рассказать тебе о моей поездке, я хочу сказать, что мы не должны чувствовать вину за ту боль, которую причинили нам другие люди. Это не наша вина, что нам сделали больно, и не мы должны испытывать стыд по этому поводу.

Она посмотрела на меня с возросшим интересом и не сказала ни слова, но я видела, что она слышала мои слова и что на каком-то уровне она приняла смысл, который они несли. Когда я сказала Владимиру, что вылечу её, я еще точно не знала, как буду это делать. У меня не было никакого плана. Но я чувствовала, что мое желание врачевать в данный момент поддерживалось уроками Михаила и моими переживаниями, которые я испытала в Самарканде. Все это подвело меня к пониманию того, что самым лучшим способом направить Машу на путь исцеления было рассказать ей о моей поездке в Самарканд. Я так и сделала.

Я решила использовать пережитое мной в Узбекистане в качестве терапевтической истории. Я шаг за шагом рассказала её Маше, в деталях описывая время, проведенное в Самарканде. Для неё я воссоздала то пространство, аккуратно выбирая слова и сознательно используя их в качестве вербального моста, чтобы провести её от состояния отчаяния до того места, где бы она смогла найти исцеление, в котором нуждалась. её природная способность входить в транс теперь была усилена медикаментами. Вскоре она забыла о том, что её окружало, и сидела напротив меня с широко открытыми глазами, бездвижная и зачарованная. её расширенные зрачки немного пульсировали каждый раз, когда она слышала что-то важное, и тогда она кивала головой.

Она слушала мою историю как будто смотрела фильм, и её состояние так на меня подействовало, что в какой-то момент я почти увидела Михаила, стоящего передо мной, за

спиной у Маши – его руки покоились на её плечах, и он мне улыбался. Он был почти реальным, его присутствие было таким сильным. Я представила, как Михаил очень деликатно убрал руку с Машиного плеча, и в тот же момент она встряхнула головой и вышла из состояния транса. Теперь она сидела передо мной: пробужденная, сосредоточенная и серьезная – и выглядела так, будто ей не терпелось мне что-то сказать.

- Вам нужно разрешить мне пойти домой ПРЯМО СЕЙЧАС! - сказала она, будто это было вопросом жизни и смерти. Она никак не прокомментировала мою историю. Она выглядела чем-то озабоченной, будто мой рассказ вызвал в ней какой-то порыв, который нужно было реализовать именно в данный момент, и для неё не было ничего более важного.

- Хорошо. Но почему такая спешка? Почему это должно произойти именно сейчас, а не завтра или через два дня?

- Этого я не могу вам сказать. Мне нужно домой. Мне нужно побыть одной. Я хочу принять душ и сделать еще кое-какие вещи. В этом месте невозможно нормально помыться. И уже пару дней, что я здесь нахожусь, я не ела нормальной еды. Мне нужно кое-что сделать. Я вернусь вечером.

Я молчала и продолжала смотреть на неё. её занимала какая-то мысль, которой она не хотела со мной делиться. Всего пару дней назад её привезли в больницу в смиренной рубашке, и она до сих пор оставалась неуравновешенной в своих порывах. Позволить ей пойти домой было очень рискованным решением, и мне не очень-то хотелось это делать.

Понимая мои сомнения, она посмотрела на меня и сказала: “Я никогда не испытывала желания покончить жизнь самоубийством. Вам не стоит этого бояться”. - Потом она замолчала, ожидая моего ответа.

Я опять почувствовала присутствие Михаила в комнате. Я почти слышала, как он смеётся, и это ясно показало мне все мои страхи из прошлого, и то, что они не имели никакого отношения к Маше и её ситуации, и что пойти домой было для Маши самым верным решением. Я вздохнула с облегчением и улыбнулась ей.

- Хорошо. Или домой и помойся. Я надеюсь, что ты расскажешь мне про свои мысли в ближайшее время. Возвращаясь к восьми часам вечера.

- Я приду. Чтобы облегчить вам задачу, я попрошу Смирнова пойти со мной. Он уже ждет с самого утра.

- Я не думаю о том, облегчит ли это мою ситуацию, но если ты хочешь пойти домой с ним, то это твое решение.

Маша ушла. У заметила через окно, как она садилась в его черную машину. Я видела, как Смирнов помогал ей сесть внутрь. Он неожиданно стал выглядеть старше и более беспомощным, и в то же время более счастливым, потому что Маша, в конце концов, согласилась с ним увидеться. Я была удивлена увидеть, как много Маша для него значила, и как сильно его задел её недавний срыв.

Мой день пролетел быстро. После отсутствия на работе у меня было много дел, и я не думала о Маше. Только когда медсестра вошла в мой кабинет (перед уходом домой) и спросила, собираюсь ли я сегодня вообще идти домой, я поняла, что я ждала Машиного возвращения, и что я буду в больнице до тех пор, пока она не придет. Я вообще не испытывала за неё никакого беспокойства, но мне хотелось убедиться, что она вернулась в больницу.

Ровно в восемь часов белое такси остановилось перед моим окном, рядом с входом в отделение. Смирнов вышел первым и открыл заднюю дверь для Маши.

Я поднялась со своего стула и подошла к окну, чтобы лучше её видеть. На Маше было белое демисезонное пальто, которое очень контрастировало с её длинными черными волосами, струящимися по спине. Небо было таким серым, что я абсолютно забыла, что была уже середина весны. Теперь образ Маши в её белом пальто, её аккуратные шаги по таящему снегу, остро напомнили мне о весне. Она сама выглядела как олицетворение весны: такая живая и красивая, полная энергии.

Она заметила меня за стеклом и радостно мне помахала. Смирнов остался снаружи, в приемной, в то время как Маша сразу зашла в мой кабинет и села на тот же стул, что и раньше. Она выглядела по-другому. её взгляд был прямым и открытым, и она вся сияла.

- Спасибо, что дождались меня. Наверное, вы очень устали после такого длинного дня, - сказала она с заботой в голосе, и это тоже было на неё не похоже. Не потому, что ей было наплевать на других людей, а потому что у неё, полностью погруженной в свои переживания, просто не хватало энергии, чтобы замечать то, как чувствовали себя другие люди. Теперь у неё было намного больше энергии, и Маша просто светила ей.

- Я вижу, что ты изменилась, Маша. Что ты сделала, чтобы так сильно измениться?

- Я сделала то, чему вы меня учили, - сказала она с улыбкой на лице.

Я её не прерывала и ждала, когда она продолжит.

- Я совершила ритуал. Косвенно вы научили меня, как это делать. Вы не давали мне никаких инструкций, но ваше желание помочь и история, которую вы мне рассказали, сформировали во мне четкое понимание, что мне нужно было делать, чтобы исцелиться. Я знаю, что такое боль и стыд, когда над тобой надругались. Но в её случае это было одиночное событие, которое потрясло её мир, и она убила себя, чтобы убить воспоминание о том событии. В моем случае убить себя было бы самым легким решением для меня, и я сделала бы это давным-давно, если бы мои боль и стыд не были так соединены воедино с тем, кем я являюсь.

- Я росла ребенком, над которым не один раз сексуально надругался мой дядя. Он насиловал меня с тех пор, как мне исполнилось семь лет. Мне было столько лет, когда мои родители поехали работать за границу и оставили меня с братом моего отца. Они не могли взять меня с собой – по крайней мере это то, что они мне говорили. Я думаю, что то, что я осталась, было своего рода гарантией государству, что они не переметнутся на другую сторону.

- Когда мне исполнилось десять, они приехали на месяц, чтобы нас навестить, и это было так странно. Моя мать было очень красивой, приятной, и абсолютно отдаленной. Или она такой притворялась. Я больше не воспринимала её, как свою мать, по крайней мере, не так, как я её помнила. Моего отца все раздражало. Включая меня. Насколько я понимаю, мы не соответствовали тем стандартам жизни, к которым он привык на Западе, и он стыдился того, что ему пришлось столкнуться со своим русским прошлым. Он очень гордился тем, что жил на Западе, и считал себя человеком из высшей касты. Они привезли мне много всего: джинсы, магнитофон, косметику. В то время я не пользовалась косметикой, и мне было неудобно спрашивать мать о том, как ей пользоваться. Каждый раз, когда она смотрела на меня и говорила: “Маша, ты такая красивая!” - мне хотелось убежать и больше никогда и никому не показывать своего лица.

- Я видела лицо своего дяди, когда он в такие моменты смотрел на мою мать, и мне было так страшно. Я видела, как сильно она его привлекала, и как много ненависти и зависти он испытывал к моему отцу. И в возрасте десяти лет я знала, что они опять скоро уедут, а он придет ночью в мою спальню чтобы не только физически меня насиловать, но и через меня унижить моего отца и добраться до моей матери. Я ничего не рассказала им в их первый приезд.

- В возрасте пятнадцати лет у меня появился первый бойфренд – Сергей, которому пришлось напоить меня почти до бессознательного состояния перед тем, как я согласилась переспать с ним в первый раз. Ему это понравилось. А я использовала его, чтобы избавиться от ночных визитов моего дяди. Я сказала ему, что если он еще когда-нибудь войдет в мою комнату, то Сергей его убьет. Я думаю, что он мне поверил, и назвал меня “чертовой сучкой”. Но он меня не выгнал. Ему нужны были деньги и все те вещи, которые присылали мои родители из-за границы. По социальным стандартам мы были очень богатыми, и многие дети в школе говорили мне о том, как мне повезло, что я обменяла своих родителей на все те вещи, которые у меня были. В тот день, когда мне исполнилось восемнадцать лет, я ушла из дома своего дяди.

- На следующий день я позвонила родителям, которые в то время работали в Испании, и обо всем им рассказала. Моя мать тут же прилетела и поселили меня в гостинице. её так беспокоило то, что моя история могла повредить их общественному положению, что она решила мне не верить. Она опять была очень вежливой и далекой, и все повторяла, что что случилось то случилось, и теперь нам нужно было думать о нашей текущей диспозиции. Она использовала именно это слово - “диспозиция”, - будто я была объектом, который нужно было поместить в безопасную среду, чтобы не вызывать проблем.

- Я её не ненавидела. Я думаю, что именно в то время я обнаружила, что мне доставляет удовольствие наблюдать за поведением людей как бы со стороны и никак на это не реагировать. Моя мать была первым человеком, за которым я стала наблюдать таким образом, и я поняла, что она мне даже не нравится. Но я также поняла, что очень просто манипулировать людьми, поэтому я стала делать это регулярно. Моя мать вскоре вернулась в Испанию, но перед тем, как уехать, она “разместила” меня на постой у моей бабушки – у той, с которой вы тогда разговаривали по телефону. Она всегда жила здесь, в Новосибирске, но я никогда раньше её не знала. Она не была моей бабушкой по крови, потому что она была матерью первой жены моего отца, которая списалась до смерти. Я и понятия не имела о том, что мой отец раньше уже был женат, но я многое узнала о его первой жене после того, как её мать согласилась присматривать за мной. Она обменяла свою двухкомнатную квартиру в городе на две маленькие однушки, и с тех пор мы живем по соседству.

- Она показывала мне фотографии своей дочери и рассказывала про неё истории. Она никогда не винила моего отца за пьянство и смерть своей дочери, но я знала, что она думала то же самое, что и я – что мой отец был свиньей и что он был виноват в том, что он свел ту женщину в могилу. С тех пор, как он узнал о том, что я подвергалась сексуальному насилию, он больше со мной не разговаривал. Он вычеркнул меня из своей жизни, потому что теперь я не только раздражала, а стала опасной – опасной для его чувства власти и благополучия. Он бы никогда не признался, что его младший брат смог так глубоко добраться до него. Он всего лишь послал мне машину – красный джип на мой двадцатый день рождения – и больше ничего.

- Я никогда не надеялась на какое-либо будущее для себя. Я даже не была уверена, что у меня будет будущее. Никогда, до сегодняшнего дня, пока не услышала вашу историю. Она помогла мне увидеть во мне самой такое измерение, о котором я даже не подозревала. Когда вы говорили про Великую Мать, у меня появилось чувство, что вы говорили о моей настоящей матери – не биологической, не в качестве некоего заменителя матери, которой у меня никогда не было, - но матери, которая реально дала мне жизнь по её воле, и в первый раз у меня появилась надежда. Я почувствовала с НЕЙ такую связь! В какой-то момент вашей истории меня осенило, что уже сам факт того, что я жива и дышу, является абсолютным проявлением этой связи, и что только через эту связь я смогу излечиться. Уходя домой, я чувствовала себя такой грязной – грязной от всего того стыда, который испытала в жизни, - но я также чувствовала, что была готова к тому, чтобы очиститься от него, и что Мать мне в этом поможет.

- Но мне нужна была ванна или душ. Когда мы пришли ко мне на квартиру, я попросила Смирнова подождать на кухне, и он согласился. Сегодня весь день он был очень вежливым и молчаливым. Я пошла в ванную комнату и наполнила ванну, не имея никакого представления о том, что буду делать дальше, а просто следуя порыву к очищению. Сбросив одежду на пол, я погрузилась в теплую воду и какое-то время просто лежала в воде. Я не знаю, как долго это продолжалось. Я чувствовала себя грустной, но успокоенной. А потом я начала плакать. Это не были рыдания; слезы просто текли по моим щекам. Я попыталась улыбнуться и не чувствовать грусти, но печаль была слишком сильна, чтобы от неё убежать.

- Я вспомнила, что вы мне сказали, что когда мы чувствуем грусть, то верим, что в чем-то виноваты. Я поняла, что все эти годы я несла в себе убеждение в том, что все это случилось со мной потому, что я была таким плохим человеком, и что если бы я была лучшей девочкой, то мои родители никогда бы меня не оставили, и никто и никогда не причинил бы

мне боли. Я поняла, что это убеждение было неправдой, что в том, что мне причинили боль, нет моей вины, и что для меня нет причин испытывать стыд. А потом, в своем сердце я позвала Мать и попросила её излечить меня от этой боли и забрать её.

- Вода была такой неподвижной. Я даже не чувствовала своего дыхания. Я думаю, что находилась в каком-то трансе, но он не был таким пугающим, как раньше. Раньше каждый раз, когда я входила в транс, то видела, как ко мне приближается мой дядя, а мои родители смотрят на него со стороны и смеются. В этот раз все было спокойно. В воде была только я и больше никого.

- Затем неожиданно надо мной будто разошелся потолок, и небеса над ним приблизились ко мне, неся с собой живой, прекрасный красный цветок, и будто невидимая рука протянула его мне. Цветок вибрировал и вращался вокруг своей оси, а когда он приблизился еще ближе, то я увидела, что на меня надвигалась вращающаяся свастика.

- На секунду я испугалась, потому что я с детства боюсь свастики. Во мне есть еврейская кровь, и я подумала, что моя кровь в тот момент заледенела. Но потом я вспомнила, что Михаил говорил вам об этом изображении, и мои страхи ушли. Свастика продолжала вращаться и приблизилась к моей груди. Она вошла в мое тело в районе грудной клетки, и я почувствовала в сердце невыразимую радость. Я закрыла глаза и больше ни о чем не думала. Я знала, что это была сила, способная очистить меня изнутри.

- Смирнов научил меня некоторым приемам работы с последствиями насилия, но они всегда были поверхностными. Этим приемам никогда не удавалось ничего изменить в моей внутреннем пространстве, и это пространство воспринималось мной как грязное. Я никогда не использовала противозачаточные средства, потому что думала, что бесплодна. В тот момент я поняла, что не смогла бы забеременеть, потому что не могла позволить своему телу принять ребенка в пространство, которое было отравлено телом моего дяди. Его клетки все еще были где-то внутри меня. Какая-то часть его тела все еще продолжала отравлять меня, и я поняла, что подсознательно ожидала рака или чего-то в этом роде, чтобы избавиться от своих детородных органов. Свастика вращалась внутри моего тела от головы и дальше до грудной клетки, и еще дальше, очищая каждую клеточку моего тела. Ощущение воды было как ощущение материнских рук, которые нежно поддерживали меня и ограждали от того, чтобы не закричать в голос от всей той боли, которую я пережила в прошлом, и которая стала для меня теперь настолько очевидной. Я неподвижно лежала в воде и старалась не двигаться.

- А потом я почувствовала сильный толчок внутри, в районе живота. Я почувствовала, будто меня разрывают изнутри. Я громко закричала, потому что испытала такую сильную боль. И с моим криком свастика устремилась вниз сквозь мою матку и, покинув мое тело, взорвалась в воде, забирая с собой все, что было чуждо моему телу. Образы моего дяди, матери и отца покинули меня и растворились в воде.

- Я засмеялась, когда Смирнов постучал в дверь ванной комнаты. Я чувствовала себя такой счастливой. Я сказала ему, что выйду через минуту, и попросила поставить чай. Я встала в ванной и включила душ. Вода стекала по моему телу, а я чувствовала себя такой свежей и прекрасной, будто я была древней богиней, только что родившейся из воды.

- Это было очень простое и тихое чувство. Это не было экстазом или восторгом. Это было простое понимание того, что для меня все завершилось, и что теперь я смогу начать жить своей жизнью. Ощущение, что у меня есть будущее, приобрело огромные масштабы. Будто для меня открылась вся вселенная. Все стало понятным. Я была чиста.

- Я пошла на кухню и попила чаю со Смирновым. Он ни о чем меня не спрашивал, но по его глазам я видела, что он рад увидеть, как я изменилась. Он попросил у меня прощения, но не сказал за что. Я ответила ему, что прощаю его, а потом стала говорить о практических вопросах. Я попросила его найти мне хорошего покупателя на джип, и он сразу же кому-то позвонил. Скорее всего, я продам его завтра. Это даст мне достаточно денег, чтобы поехать за границу. Вы знаете, до сегодняшнего дня я поклялась себе, что никогда не покину эту страну и никогда не поеду в те места, где бывали мои родители. Теперь я это сделаю. Я готова идти в большой мир и заявить, что он принадлежит мне. Он мой в такой же степень,

как и любого другого человека. Поэтому я буду в нем жить. Я думаю, что вначале поеду в Испанию.

Я проводила Машу до приемного покоя. Смирнов поднялся со стула и почти формально поприветствовал меня. Я опять поразились переменам, которые произошли с этим человеком. Его ирония, ментальные уловки исчезли без следа, и он был очень серьезным. Он выглядел так, будто наконец-то нашел что-то, что имело для него огромную ценность. Я знала, что это была Маша и её благополучие, но я не почувствовала никакой “романтической” подоплеки. Он относился к ней как к дочери, которая только недавно избавилась от смертельной болезни. Он выглядел так, будто недавние переживания заставили его переосмыслить те вещи о нем самом, которые он считал незыблемыми и абсолютными. Он выглядел счастливее и более “настоящим”. В этом новом качестве он казался более сильным и властным.

Он поблагодарил меня, пожал мне руку и повел Машу на улицу. Перед уходом она повернулась ко мне, помахала мне рукой и сказала веселым голосом: “Меня официально выписали отсюда, я права?”

Когда я чуть заметно махнула головой, улыбаясь, она сказала: “Спасибо, доктор!”, - и они ушли.

Пришло время и мне уходить. Я уже собиралась открыть дверь, когда дверь распахнулась и двое санитаров вошли внутрь, сопровождая худую женщину в больничном халате, которая шла мелкими шажками, будто пытаясь отсрочить неизбежное – быть принятой в качестве пациентки психиатрической больницы. Пока я ждала в коридоре, когда они пройдут, она подняла голову и я в тот же момент её узнала. Это была Катерина – женщина, которую я приняла в качестве пациента перед своей поездкой в Самарканд. Было похоже, что после короткой ремиссии она снова вернулась в больницу. И выглядела она не очень хорошо. Она меня узнала, но не сказала ни слова. Она отвернулась, и её лицо напряглось.

- Здравствуйте, Катерина! - сказала я как можно ласковее, и она ответила тихим: “Здравствуйте!”, - все еще не повернув головы в мою сторону.

- Теперь я буду вашим доктором, Катерина. Сегодня уже поздно. Мне нужно идти домой. Но завтра утром я вернусь и мы поговорим. Постарайтесь хорошо выспаться. Увидимся завтра.

Она посмотрела на меня и махнула головой. Я подвинулась в сторону, позволяя ей и санитарам пройти. Дверь в отделение закрылась за ними. Какое-то время я стояла в коридоре, пытаясь собраться с мыслями и чувствами. И я больше не ощущала себя бессильной. Я чувствовала, что впереди меня ждет еще много работы. И мне нравилось это чувство.